

Стопами отца Антонина:
от Батурино до Перми

ПУТЕШЕСТВИЯ
И ПРИКЛЮЧЕНИЯ
семинариста Андрея Капустина
во время его жительства в Сибири
(1817-1836 гг.)

Правительство Курганской области

ЕПАРХИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ ПО КАНОНИЗАЦИИ СВЯТЫХ

КУРГАНСКАЯ МИТРОПОЛИЯ
ШАДРИНСКАЯ И ДАЛМАТОВСКАЯ ЕПАРХИИ
УСПЕНСКИЙ ДАЛМАТОВСКИЙ МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ
1644

ББК 86.2
УДК 281.93
С819

Рекомендовано к публикации
Издательским советом
Русской Православной Церкви

ИС Р17-711-0413

С819

Стопами отца Антонина: от Батурино до Перми. Путешествия и приключения семинариста Андрея Капустина во время его жительства в Сибири (1817–1836 гг.) / сост., авт. предисл. и послесл. игум. Варнава (Аверьянов). — Далматово : Белое Городище, 2017. — 185 с. : ил.

ББК 86.2
УДК 281.93

Научно-популярное издание представляет собой выдержки из дневника и других работ начальника Русской духовной миссии в Иерусалиме архимандрита Антонина (Капустина), относящиеся к истории его рода, детским и юношеским годам жизни в Пермской губернии. Автобиографические записки семинариста Андрея Капустина читаются как увлекательное путешествие, полное неожиданных приключений и открытий. В текст включены иллюстрации и комментарии, позволяющие читателю самому пройти «стопами о. Антонина» по его родным местам, совместить прошлое и настоящее.

Книга предназначена для широкого круга читателей: молодежи, педагогов, краеведов, историков и всех, неравнодушных к истории своего Отечества.

ISBN 978-5-9909395-1-6

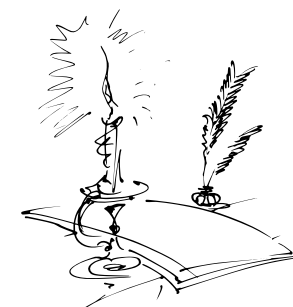
БЕЛОЕ ГОРОДИЩЕ

© Издательство «Белое Городище», 2017

Стопами отца Антонина: от Батурино до Перми

ПУТЕШЕСТВИЯ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ семинариста Андрея Капустина во время его жительства в Сибири (1817–1836 гг.)

200
лет

СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
АРХИМАНДРИТА АНТОНИНА (КАПУСТИНА)
1817-2017

170
лет

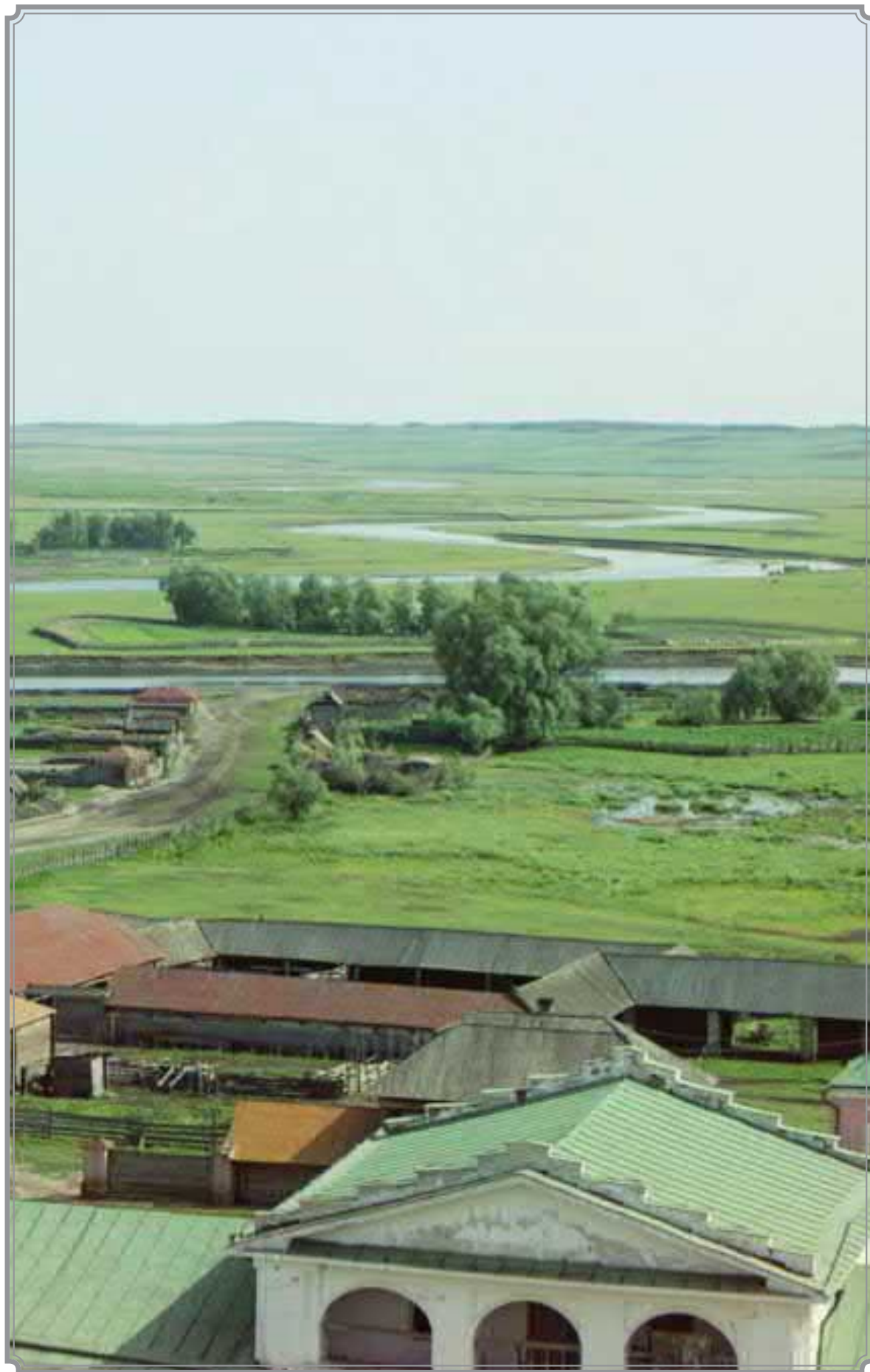
СО ДНЯ УЧРЕЖДЕНИЯ
РУССКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ В ИЕРУСАЛИМЕ
1847-2017

135
лет

СО ДНЯ ОСНОВАНИЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО
ПАЛЕСТИНСКОГО ОБЩЕСТВА
1882-2017

Уважаемые читатели!

Зауралье — родина талантливых и трудолюбивых людей. Они известны в самых разных сферах жизни, и мы гордимся, что среди знаменитых церковных деятелей также есть наши земляки. Особенно стоит отметить архимандрита Антонина (Капустина), жившего в XIX веке. Около тридцати лет он возглавлял Русскую духовную миссию в Иерусалиме и значительно расширил ее владения — его трудами были приобретены земли для строительства православных храмов, паломнических приютов и школ. Эти исторические достопримечательности Святой Земли и по сей день почитаемы во всем мире. Архимандрит Антонин приобрел для верующих участок с Мамврийским дубом — одним из известнейших библейских символов. По преданию, именно под этим деревом Авраам встретил в образе троих путников Бога. Часть Елеонской горы — места вознесения Иисуса Христа — также перешла в собственность Русской духовной миссии. Впрочем, это лишь несколько примеров величайших святынь, которые сохранились во владении Русской Православной Церкви до наших дней благодаря архимандриту Антонину.

Необыкновенна и история рода Капустиных, сумевшего воспитать поистине уникального человека. Если говорить о деятельности предков архимандрита Антонина, нельзя не вспомнить о том, что первый камень в основание одного из самых величественных и красивых храмов Зауралья — батуринской Спасо-Преображенской церкви — заложил священник Леонтий Капустин, дед о. Антонина. Храм сумел выстоять и в годы советской власти, когда его пытались уничтожить, и в девяностые годы XX столетия, когда бесхозные строительные материалы были в цене у мародеров.

Между тем, знания зауральцев о знаменитом шадринском уроженце менее прочны, чем фундамент главной батуринской святыни. Для того, чтобы жители Курганской области осознавали историческую значимость личности архимандрита Антонина и гордились своим соотечественником, и создана эта книга. Убежден, что замысел наместника Далматовского монастыря игумена Варнавы (Аверьянова) найдет отклик у читателей, которые смогут вслед за автором дневниковых записей посмотреть на Зауралье и Урал глазами юного семинариста Андрея (таково было имя архимандрита в миру).

Уверен, что книга будет интересна читателям разных возрастов. Ведь выдающийся зауралец является достойным примером равнодушия, человеколюбия, беззаветной преданности своей вере, искренней любознательности и смиренного служения народу.

Губернатор
Курганской области
А.Г. Кокорин

*Место, по которому
мы ехали, слыло в уезде
Шадринском самым богатым
и называлось золотым дном.
Взвехав на одну высоту,
мы долгое время любовались
панорамною лугов, лесов и озер
зеркальных...*

Клодт (фон Юргенсбург)
Михаил Константинович.
«Лесная даль в полдень».
1876 г.

ГЕНЕРАЛЬНАЯ КАРТА ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ

Съ показаніемъ почтовыхъ иъ другихъ путей
дорогъ, станцій иъ разстояній между ними

Составлена

по повелѣнію иъ распоряженію генералъ-губернатора
иъ С. П. Писарева
въ 1864 году.

EXPLICATION DES FRONTIERES

Depuis A jusqu'à B du Gouvernement de Volhynie

— B — C ———— Tobolsk
— C — D ———— Orenbourg
— D — A ———— Kazan

ИЗЪЯСНЕНІЕ ЗНАКОВЪ

● Города губернской	— Река
— Шоссейный	— Водяная станція
— Улицы	— Каналъ
✱ Крѣпость	— Губернская водная станція
✱ Мѣстечко	— Каналъ для воды
✱ Монастырь иъ монастырь	— Граница губерній
✱ Земля или фельдъ	— Пѣшеходъ
✱ Сан. станція иъ больница	

ИЗЪЯСНЕНІЕ РАССТОЯНІЙ

Отъ А до В ———— по прямой линіи
— B — C ———— по дорогѣ
— C — D ———— по дорогѣ
— D — A ———— по дорогѣ

Масштабъ
1 верста = 106680 футовъ
1 миля = 1760 ярдовъ

Предисловие

*О вы, которых ожидает
Отечество от недр своих,
И видеть таковых желает,
Каких зовет от стран чужих,
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте, ныне ободренны,
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.*

*М. В. Ломоносов. Из оды «На день восшествия на Всероссийский
престол Ее Величества Государыни Императрицы
Елизаветы Петровны, 1747 года»*

Жизнь человеческая — это дорога, путь. Дорога имеет свое начало и свой конец. В идеале, начало и конец пути — Бог. Альфа и Омега. Создатель, Мздовоздатель и Судия. Сам Господь говорит: «Я есмь путь и истина и жизнь» (Ин. 14, 6). К сожалению, не каждый обретает на пути своей жизни Творца. Тем ценнее свидетельство прошедших этот жизненный путь достойно.

Есть настолько поучительные жизненные пути, что умолчать о них было бы предосудительно. «Тайну цареву прилично хранить, а о делах Божиих объявлять похвально» (Тов. 12, 7). Таким назидательным для потомков примером стала жизнь начальника Русской духовной миссии в Иерусалиме, создателя Русской Палестины архимандрита Антонина (Капустина). К сожалению, имя это почти не известно до сих пор многим русским людям.

Уроженец села Батуринского Шадринского уезда Пермской губернии, сын сельского священника, он окончил свои дни и упокоился на Святой Земле. Путь от зауральской провинции — приснопамятной о. Антонину Сибири — до библейской Палестины протянулся на долгие одиннадцать седмин (1817–1894 гг.). Но начало этому пути было положено учебой в духовных школах — сначала в Далматовском уездном духовном училище (1825–1830 гг.), а затем — в Пермской духовной семинарии (1830–1836 гг.).

Мир для Андрея Капустина открывался постепенно. Сначала — это родной дом в дорогом его сердцу Батурине, окрестные сельские достопримечательности, затем — дорога в соседний Далматов с его древним монастырем, помнившим еще осаждавших его пугачевцев, и «си-

наеподобным» Успенским собором. Позже — далекая, как казалось, Пермь. А на пути к ней — впервые увиденный большой и заманчивый своими диковинными зданиями Екатеринбург. Первое далекое путешествие. Сколько их еще будет в жизни Андрея Капустина: Екатеринослав, Киев, Москва, Афины, Рим, Венеция, Петербург, Афон, Египет, Синай, Константинополь, Румелия, Иерусалим. Начиналось же все с зауральских сел и деревень: Белоярки, Верхней Течи, Погадайки, Сухрино...

Родина, народ, род, родители. Это слова однокоренные. Для Андрея Капустина с раннего детства и до самой кончины Россия, Сибирь, Батурина, Капустинский род, родные тятенька и маменька были неразделимы. Драгоценным свидетельством сокровенных сердечных чувств является для нас его дневник, начало которому положили заметки семинарского периода. Дневник дает нам уникальную возможность пройти по, казалось бы, знакомой нашей малой родине стопами о. Антонина.

Дневники пишутся для себя, но все же предполагают и читателя, собеседника. Как правило, это наследники, потомки — «чада». Для монаха, каковым был архимандрит Антонин, таковыми должны быть чада не по плоти, а духовные чада. Поэтому, открывая дневник, мы становимся в разряд его духовных наследников. Мы становимся и его попутчиками, спутниками в дороге.

Что же мы видим? Храмы, избы, поля, леса, разбитые дороги, телеги, людей. Конечно, полтора века не могли пройти бесследно. Богоборческий смерч стер с лица земли одни церкви, обезобразил другие, опустошил прежде многолюдные села и деревни, даровал их виду уродливые плоды «цивилизации», исказил даже внешний облик русских людей. Но все же — это та самая наша Россия.

Внимательный и любящий взгляд отыскивает следы былой красоты в «преухищренно» украшенном старом деревянном или кирпичном доме, сельском храме. Хотя чаще, к сожалению, приходится скорбеть о «мерзости запустения на месте святе» (Мф. 24, 15). Странно современно звучат здесь слова о. Антонина: «Святая София обращена была турками в мечеть. Сотни других церквей, только мне известных, доставшихся в руки магометан, имеют или имели значение молитвенных храмов. Не знаю, можно ли даже найти пример, чтобы христианские чтителища обращаемы были мусульманами в фабрики, в казармы, в магазины, в хлевы, а в христианстве, к сожалению, такие примеры не безызвестны. Что говорит подобное сопоставление фактов? Многое, что не выскажешь в путевых заметках»¹.

¹ А. А. [Антонин (Капустин), архим.]. Вифиния // Христианское чтение. 1863. Т. 1. С. 451–452.

Село Батуринское.
Фото Э. В. Кутыгина.
2013 г.

Следуя по дороге за Антонином, а тогда еще — Андреем Капустиным, мы открываем для себя и его духовный мир, и быт наших предков. И то, и другое — достойный предмет нашего внимания. Не зная подробностей того, как жили русские люди сто или двести лет тому назад, мы не поймем ни их мыслей и чаяний, ни их проблем. Во многом, конечно, внешние условия жизни — лишь фон для захватывающей духовной драмы, однако фон, не лишенный определенной значимости. Не случайно, например, о. Антонин всегда считал себя сибиряком. Именно присущая сибирякам духовная крепость позволила, как будет видно из дневника, преодолеть первые жизненные трудности.

Предлагаемые читателю дневниковые записки о. Антонина можно назвать вступлением к его автобиографии. Это лишь незначительная часть свидетельств о его продолжительной, плодотворной и насыщенной жизни. Но здесь соединились воедино: история рода и родного края, повествование об увлекательном путешествии, психологический анализ собственной и чужих душ, непосредственность детского восприятия и зрелость поздних оценок.

Мы не ставили целью сделать издание академическим. Публикуемые отрывки из дневников можно читать просто как захватывающее приключение юного семинариста позапрошлого века. Некоторыми деталями, важными для биографии о. Антонина в целом, но все-таки обременительными для обычного читателя, мы решили пожертвовать. И наоборот, в иных местах помещены выдержки из других сочинений о. Антонина — там, где они могли бы помочь в понимании опущенных автором дневника реалий того времени. Этой же цели служат и художественные иллюстрации, фотографии, карты, репродукции картин, выдержки из литературных и исторических текстов, приведенные в качестве комментариев. Задавшись целью проследовать вслед за автором по местам, описанным в дневнике, мы сознательно дополнили картины прошлой жизни современными видами для того, чтобы увидеть их воочию.

Через современность проглядывает история, и от нас зависит, чтобы она не исчезла. Если мы утратим окончательно то, что было дорого о. Антонину, то едва ли сможем когда-нибудь приобрести что-то свое.

И еще. Кому-нибудь из современных читателей вполне может прийти на ум крамольная мысль — а не для того ли писан сей дневник, чтобы покрасоваться, «создать себе имя». Вспомним, что такого рода предприятия имеют своим началом известный предосудительный замысел допотопных людей, о котором повествуется в ветхозаветной книге «Бытие»: «И сказали они: построим себе город и башню, высоту до не-

бес, и сделаем себе имя» (Быт. 11, 4). К сожалению, для нашего времени это стало уже почти обыденностью. Но предки наши, православные русские люди, при всей часто погрешительности своей немогущей человеческой натуры, на протяжении столетий имели идеалом все же не собственную славу, а славу Божию. Замечательно, что даже на монетах начала XIX века императором Павлом I был помещен псаломский стих «Не нам, [Господи], не нам, но имени Твоему [дай славу]» (Пс. 113, 9).

Пора, однако, отправляться в путь. Путь вглубь истории. Ибо о. Антонин начинает свое путешествие с родословия, истории своего рода, неразрывно связанного с историей Отечества и своей малой родины.

Цветы Святой Земли.
Гербарий. Иерусалим.
Кон. XIX в.
Из собрания музея
Далматовского
монастыря

РОДОСЛОВІЕ КАПУСТИНЫХЪ

В конце¹ 17-го столетия жил-был в Великом Устюге (Вологодской губернии) или его округе некто Михаил Капустин. Кто он был, какого звания, роду и племени — ничего неизвестно. Самое имя его еще подлежит сомнению. У сего, имя рек, Капустина был сын, именем Михаил. Когда он родился и долго ли жил в своей отчизне, — также неизвестно. В начале прошлого [XVIII. — *сост.*] столетия он прибыл

Миниатюра
«Козерог»
и инициал
поморского
орнамента
из Месяцеслова
с Пасхалией.
1836 г.

¹ Этим самым уже вседостаточно опровергается злонамеренное предположение некоторых вольнодумцев-историков, что будто бы фамилия наша ведет свое начало от того петербургского жителя, который за спор свой с соседом, хозяином козла, истребившего его капусту, получил повеление от Императора Петра В[еликого] носить фамилию Капустина. Наша фамилия древнее этого случая. Нет никакой причины сомневаться в том, что она есть продолжение древнего, именитого рода Капустиных, из коих об одном упоминается в Синодике Царя Иоанна Васильевича Грозного, а именно же сказано там так: «Дворянин Утеша Капустин».

в Зауралье, и определился в Колчедан дьячком². Долго ли он тут жил, тут ли помер или переехал куда в другое место, скольких лет помер, на ком был женат — неизвестно. От него остался сын Трофим, родившийся, вероятно, в начале минувшего [XVIII. — *сост.*] столетия. О молодых годах его также ничего неизвестно. История застаёт его уже женатым на некоей Иустине и священником в Тугулымском селе, Tobольской губернии, Тюменской округи. <...> Был он человек чрезвычайно горячий и даже жестокий, небогатый и немного хвастливый. <...> Когда скончался — неизвестно, вероятно, еще не в старых годах (должно думать, в 1745 г.). Старший сын Трофимов Василий (родившийся в 1732 г.) еще при жизни отца был отдан в Tobольское духовное училище для научения, при митрополите Tobольском Антонии (Нарожницком), следовательно, между 1743 и 1748 годами. Сколько лет он учился, неизвестно. По всей вероятности, не кончил курса и вышел куда-нибудь причетником (может быть, на родину в Тугулым, около 1750 г.). Вышедши на место, он женился на дочери тугулымского (из деревни Лучинкиной) крестьянина Василия Ермакова, именем — Марии. Вероятно, недолго был причетником. При митрополите Сильвестре произведен в диакона, кажется, тоже в Тугулым. <...> Около 1760 года он рукополо-

Панорама Великого
Устюга из книги
Корнелия де Бруина
«Путешествие через
Московию». 1711 г.

² Село Камышловского уезда, на большой дороге между Катайским и Каменским заводом.

жен был во священника в село Водениковское Тобольской же губернии, Далматовского заказу. Но тут ему жить не понравилось, и он вскоре стал перепрашиваться в село Красномысское, куда и был переведен, должно быть, в 1762 году.

«Древние памятники
Москвы и ея окрест-
ностей». Литография
А.А. Мартынова
(1818–1903)

В это время жители деревни Батурины, принадлежавшие к приходу села Кабанья, задумали почему-то отделиться от Кабанской церкви и построить у себя свою церковь. <...> Чтобы понять как было дело, коснемся истории Батурины. Первое заселение ее надобно относить к концу 17-го века или началу 18-го. Первыми жителями ее были, вероятно, выходцы с Руси или Малороссии, вернее, с Малороссии, и именно из города тогдашнего Батурина. <...> Сопредельно с Батуриной — на восток от нее, была другая деревня, Лашкова. Обе эти деревни принадлежали сперва к Кабанскому приходу. Находясь в 10-ти верстах от церкви, батуринцы и лашковцы затруднялись ходить на богослужение в Кабанье, а потому по обычаю того края (может быть, еще в первом десятилетии истекшего [XVIII. — *сост.*] века) хлопотали о том, чтобы завести у себя часовню. Вскоре с благословения архиепископа Тобольского и Сибирского (неизвестно какого имени) они действительно выстроили часовню¹ во имя Преображения Господня <...>. Часовню свою они украсили иконами Воскресения и Преображения Христова (теперь закрылосными в нижней церкви)², также иконами Василия Великого, Илии пророка и великомученицы Параскевы (Девятой Пятницы) — святых, особенно чтимых в селе доныне, — ангела-хранителя, св. Димитрия Ростовского, новоявленного тогда чудотворца, и, вероятно, еще другими не-

¹ Года через три по освящении деревянной церкви, была продана в Бобыльскую за три рубля.

² Переписана на Богоявление.

сколькими. Заведена была при часовне и богослужебная книга — Следованная Псалтирь³. Были после также два колокола⁴ (литые в 1732 и 34 годах). Были две жестяные лампы⁵ и деревянное паникадило. Часовня эта в 1722 году по Высочайшему указу, вместе с прочими часовнями, была упразднена (из опасения развития раскола). Принадлежавшие ей вещи, как то Псалтирь Следованная, взяты в приходскую Кабанскую церковь вместе с пятью рублями находившейся при часовне прикладной суммы.

Корнелис де Брюйн.
Город Тобольск.
Гравюра. 1737 г.

Через 10 лет после того батуринцам захотелось во что бы то ни стало восстановить свою часовню. Для сего они подали в Далматовское заказных дел духовное правление прошение о том, чтобы им снова позволено было иметь у себя часовню во уважение того, что «Батурина от села Кабанского отстоит в 10 верстах, и за таким дальним расстоянием не всяк может до церкви святой быти прибежен, а в Батуристине находится 45 обывательских дворов». Причем просители обещались, если им позволят возобновить часовню, платить какие угодно за то деньги. <...>

На сие прошение, представленное заказчиком Далматовского духовного правления архимандритом Сильвестром в ав-

³ В 8-ю.

⁴ По описи — три.

⁵ И железный подсвечник, вызолоченный.

густе 1732 г. Тобольскому митрополиту Антонию (Стаховскому) последовало от 12 сентября решение Его Высокопреосвященства, таково: «Ежели тое часовню вышеупомянутым просителем возобновить позволить, то не будет ли в том какого правильного принятия и раскольникам способу и прибежища к ней, а Церквам Святым обиды и уничтожения, и не обрящется ль иных каких к возбранению виновных причин; и ежели по усмотрению твоему (т. е. заказчика Сильвестра) никакова (как о том выше написано) подозрения не покажется, и оная прежняя часовня построена была за благословением архиерейским, то и ныне за нашим архиерейским благословением возобновить им тое прежнюю часовню позволить, а из Богородицыной, Кабанского села, церкви святыя иконы и означенную Псалтирь и денги пять рублей (буде те денги на церковныя потребы доныне не издержаны), и той часовне велеть возвратить без задержания, а данных денег с тое часовни в нашу архиерейскую домовую казну велеть оным просителям платить по тридцати копеек на каждый год неотложно». Причем велено заказчику отрапортовать к архиерею о том, что им будет учинено. Такие успехи должны были, без сомнения, немало возгордить батуринцев. У них в голову запала мысль вместо часовни выстроить в церковь. Мысль эта крепла и созревала до 1765 года. <...> Для этой цели еще в прошлом 1764 году они высматривали себе в околотке доброго и благонадежного попа. Выбор их пал на красномысского священника [Василия Трофимовича Капустина, прадеда Андрея Капустина. — *сост.*]. Они стали приглашать его к себе, и тот, привыкший переезжать с места на место, без труда согласился. В 1765 году он переехал в Батурину <...>.

Поступив на место, он немедленно заключил с новыми прихожанами своими контракт касательно своего содержания¹. Потом вместе с ними стал хлопотать о построении церкви. 27 июня они подали <...> прошение в Далматовское духовное правление заказчику архимандриту Иакинфу о дозволении им построить у себя церковь и составить особенный приход. 5 июля вошла на представление о том заказчиково от Тобольского архиерея резолюция, по которой поручалось оному архимандриту заложить в Батурине церковь во имя Преображения Господня. Неизвестно,

¹ 13 июня 1765 г. священник Василий Трофимов сын Капустин дал своим прихожанам записку, по которой на содержание его полагалось по пудовке ржи и овса. Причем установлена была плата и за церковные требы, а именно: за венчание 50 коп. на крылос; за погребение усопших больших 25 коп.; малых — 5 коп.; за молитву роженице 3 коп.; на духовные росписи по 1 коп. с души.

когда именно происходила закладка. Два года строилась церковь. В 1767 г. 13 ноября тем же архиереем дана была грамота на освящение новой церкви. Освятить предписано было Далматовского монастыря иеромонаху Макарию, которым действительно и была освящена 31-го января 1768 года. <...>

В июне 1767 года родился у священника Василия <...> сын Леонтий. <...>

В 1773 году появился в том краю известный бунтовщик Омелька Пугачев, или кто-нибудь иной из его шайки, под его именем. Уже многие окрестные села сделались жертвою его неистовства. Уксянка была сожжена, Красномысская тоже, Полевая спаслась только через изменническую встречу; в Макаровой происходила с ними баталия. Далматов был в осаде... Такая же

Цветная литография
Далматовского
монастыря.
Типография
Е. И. Фесенко.
г. Одесса. 1902 г.

участь ожидала и Батурину. В Великий пост 1774 года изуверы явились и в ней. Ожидали торжественной встречи с крестом и со звоном, но как этого не случилось, то немедленно потребовали к себе на суд священника. Испугавшись, он спрятался сперва в сено, но вскоре счел свое убежище небезопасным и укрылся во хлеве соседа своего, Феодора Михайловича Медведева, между овцами. Между тем бунтовщики прошпиговали сено копьями... Бог спас своего служителя. Неизвестно, сам ли он вышел из своего второго убежища, или его нашли там, только он вскоре снова попался в руки злодеев, и они присудили его повесить!! Уже приготовлена была петля¹, да предстательство одного жителя батуринского², особенно любимого священником, спасло его от смерти. <...>

В 1788 году Леонтий [сын священника Василия Трофимовича Капустина, дед Андрея Капустина. — *сост.*] учился уже в философии, был посвящен в стихарь и, вероятно, вместе с тем определен дьячком к Богородицкой (или Богоявленской...) церкви. <...> 1789 г. февраля 9, в мясопустную пятницу он сочетался браком с дочерью тобольского мещанина Ивана Петровича Летосторонцева³ Ириною; а 18 числа того же месяца в Целовник рукоположен в диакона <...>. Учась и служа, он наконец кончил курс <...>. Около сего же времени⁴ Леонтий Вас[ильевич] произведен был во священника в Далматов, к Никольской церкви. <...>

В 1791 году Леонтий Васильевич определен товарищем закащикым в Далматовское духовное правление (10 апреля), в помощь игумену Даниилу <...>. Весною 1793 г. он <...> ездил в Тобольск и успел выхлопотать себе от архиерея указ о переводе своем из Далматова в Батурину на отеческое место, так как Василий Трофимович, по преклонности лет своих, пожелал выйти в «заштат». Указ дан 4 мая, а явлен в Шадринском духовном правлении июня 3-го. Вероятно, в июле или в августе Леонтий В[асильевич] переехал в Батурину со всем семейством своим <...>.

¹ На желобу крестьянского анбара.

² Василия Ив[ановича] Камзолова, его соседа.

³ Цеховой мастер, оловящик, человек весьма небогатый. Ирина отличалась красотой, и была еще почти ребенок. Василия огорчил неожиданный брак Леонтия.

⁴ 18 августа (?).

На стр. справа:
Николаевский храм
в г. Далматове.
Фото Б. Н. Лундина.
1924 г. Из фондов
Шадринского
краеведческого музея
им. В. П. Бирюкова

Карнеев Аким
(1833–1896).
«Крестины».

Первое достопамятное событие на новоселье у Леонтия Вас[ильевича] было рождение второго сына ИОАННА, случившееся 25 сентября в субботу (или, может быть, воскресенье) перед вечернею. <...>

В метрической книге батуринской Преображенской церкви за 1817 год записано: «12 августа у дьячка Ивана Капустина (родился) сын Андрей. Молитвовал и крестил и восприемником был священник Стефан Анцыферов со вдовой священнической женой Агрипиной Васильевой Селивановой».

«В лето от Рождества Христова 1817-е, имеюще мне (т. е. Иоанну Леонтьевичу Капустину) 23 года и 10 ½ месяцев (а мать твоя моложе меня четырьмя месяцами), клиричества же моего при Батуринской церкви в конце 12-го года, — августа в 11-й день, косивши сено на покосе, отстоящему от Батурины в 16 верстах с работниками, называемыми помочанами, и отблагодаривши их по вечеру, не хотел ночевать в Песках, спешил в темную ночь домой встретить имущего вскоре явиться в мир моего чада, а чтоб нескучно было мне ехать в ночи и веселее, пел я “Волною морскою...” и канон пасхальный на встречу тебя. Около полуночи, достигши дому, уснул до утра, и как Батурина тогда вдовствовала без священника, а место было зачислено за мною, то и не случилось в 12-е число (день воскресный) ни утрени, ни литургии, во время которой, примерно в часу 8-ом или 9-ом родился ТЫ, добрый молодец, в многобедный сей мир при ясном красном солнышке и тихой, теплой и приятной погоде в задней большой горнице за печью, при закрытых всех окнах; в сие время у нас одна только была гостюшка, ей же вечная память, тетушка моя, Агрипина Васильевна, и та вынимала из печи булки. По рождестве твоём, думаю, отворено

Пелевин Иван
(1840–1917).
«Первенец». 1888 г.

было у горницы окно или два, для показания тебе белого света и просмотра тебя. (В час твоего рождения читал я, молясь, канон Пр[есвятой] Богородице “Воду прошед...”). Когда же мать твоя увидела тебя при свете, при радости не приглянулся ей высокий твой нос, она назвала тебя Ганей (т. е. Гавриилом) Батуриным. А часу, может быть, в двенадцатом о. Стефан Андр[еевич] Анцыферов, кабанский ветхий старец, приехавший по зову моему и на своей лошади и долгой Хмелевке¹, нарек тебя Андреем. Надобно полагать, что новорожденный был крещен в тот же день. А как было две кумушки, кума же, кроме одного старца, и не было иного, то для ответа “отрицаюсь” и поставил он иерей принесшего ризы и купель трапезника Андрея Фотиевича Голубева без моего согласия (а мать твоя о том же даже заплакала)».

Вот что сообщает живая хроника о моем появлении на сей свет. В пояснительное дополнение к ней надобно сказать следующее: 1. Говорится, что ночь на 12 августа была темная... но в 1817 году в августе рождение луны было 1-го числа, а полнолуние 15-го, — следовательно, к 12-му числу луна должна была светить целую ночь. Разве предположить, что погода была пасмурная. 2. В воскресенье 12-го числа службы не было потому, что священник батуринский незадолго перед тем переведен был в Камышлов протоиереем, а зачисливший его место сын дожидался окончания полевых работ, чтобы потом на свободе ехать в Пермь за рукоположением. 3. При появлении моем на свет прежде всего замечен был мой недостаток — высоконосие... сколько раз доводилось потом мне терпеть укоры за высоту носа, хотя уже и в другом смысле... Ганя Батурин, поэтому, надобно думать, был также не из курносых... Жаль, что я не знал его. Вероятно, и он подымал нос, подобно нашему драчуну и крикуну Андрейку, впоследствии гордому Капустину, и, наконец, настоящих времен капризному и неуступчивому Антонину. 4. О. Стефан Анцыферов, считавшийся также моим крестным отцом, упокоился еще в детстве моем. Впрочем, облик его еще, хотя и еще весьма слабо, сохранился в памяти моей. 5. Имя Андрея дано мне потому что в 8-й день от рождения моего совершалась память св. мученика Андрея Стратилата. 19 августа, таким образом, сделалось на долгое время для меня и для всего семейства нашего праздником в кругу. 6. Две кумушки вышли

¹ Так в тексте. Следует читать: из [дальней] Хмелевки [дер. Хмелева в соседней Кабанской волости]. — Ред.

случайно. Собственно воспринимала меня тетенька Евдокия Григорьевна, которой тогда было лет десять. Агрипина Васильевна, вероятно, призвана была на помощь к маленькой восприемнице, а отселе и сама получила титул крестной матери. Впрочем, верно не знаю, как происходило дело. 7. Андрей Фотиевич был человек добрый и благочестивый и к тому же еще грамотный, любил читать жития святых и подчас богословствовал. Имел манеру торжественную, говорил медленно и с расстановками. Все это было хорошо. Да вот беда: был хром... Понятно теперь, почему родителям высоконосого не хотелось кумиться с ним.

Так началось бытие мое многогрешное и многоплачевное. — В тот же (12 августа) или на другой день Андрей Фотиевич прихо-

Сорока
Григорий Васильевич.
«Кабинет дома
в Островках, имени
Н.П. Милюкова».
1844 г.

Но, главное, там —
юг, солнышко. Лето...
все, что есть лучшего
и заманчивого в мире
Божием...

дит и спрашивает у родителей моих: согласны ли они считать его моим восприемником — то он принес с собою полтинник на зубок новорожденному... Полтинник был принят, а следовательно, пожертвовавший его стал моим истинным крестным отцом.

От сего крестного отца памятью остались у меня две вещи: медная с финифтью икона «Иисус благое молчание» и какая-то гражданской печати 90-х годов книжка (кажется, часть какого-то тех времен журнала), из которой я помню только одно: рассказ о том, как какая-то нимфа превратилась в дерево¹.

Когда я стал говорить и ходить — не имею о том сведений.

Из первых трех лет жизни моей не помню решительно ничего. Дом, в котором я узрел свет Божий, и в котором провел годы младенчества, имел следующее расположение.

«[В доме. — сост.] на простенке между окном, что на дорогу, портрет Мелетия, бывшего епископа Пермского, и Филарета Никитича, а на противоположном междуоконьи, что в ограду, присутствуют портреты викария Екатеринбургского Ионы и Иустина, епископа Пермского, а в северо-восточном углу комнаты портреты Иоанна, епископа Пермского, и Евгения, митрополита Киевского, да герои России — Кутузов и Суворов...»². «Помню <...> «Потерянный Рай» с 12-ю картинками и особым книжным запахом, тщательно стерегомый от детских рук на самой верхней полочке преукрашенного комода, такое чарующее и сокрушающее впечатление делавший на меня! «Как это его потеряли, и где он теперь был?», спрашиваешь бывало себя и жалеешь о светлом ангеле, что представлен на картинке, тоже, конечно, потерянном, но недалекому детскому соображению»³.

¹ Другие сведения о том же событии идут от родившей меня Марии Григорьевны, урожденной Варлаковой. Дословно они передаются так: «1817 г. 12 августа, в воскресенье, родился сын АНДРЕЙ, надобно полагать во время обедни (в начале ее, часу в девятом). Обедни не было в то воскресенье в Батурине. Входящий священник Алексей Попов Песчанский уезжал тогда домой (место зачислено было за Ив[аном] Леонт[ьевичем]). Весь день я была полумертва. На самом солнцезакате отец с радости три раза выстрелил в саду из трехствольного огнестрельного оружия. В это время были у нас тетушка Агрипина Васильевна и Евдокия Григорьевна. Они были крестными Андрея. На завтра рождения пришла Василиса Васильевна и принесла мне гостинцы — пирог с рыбой, а новорожденному на зубок три коп[ейки] серебра. Тогда это называлось: гривенник, — и то, поди-ка, у диакона то силой выпросила. Крестили Андрея вскоре после рождения. Крестил о. Стефан. Он же был и восприемником, но как неудобно было креститься и отрицаться все одному лицу, то он прислуживавшему Андрею Фотиевичу и приказал отрицаться вместо него. По этому случаю Андрей Фот[иевич] и попал в крестные отцы. Он впоследствии подарил крестнику медную икону и ножичек, спросив при этом, считают ли его крестным отцом. Назавтра крестин отец сам увез в Митропольскую Агрипину Вас[ильевну]. В это время, как только Иван Л[еонтьевич] уехал, приехал мехонский дедушка (мой отец) — приездом привернул из Шадринска ненадолго. Вскоре приехали камышловские бабушка с Анной Л[еонтьевной]. Хлопот по хозяйству делалось больше, а делать было некому. Я пошла сама и сильно захворала, потому что не оправилась еще после болезни»...

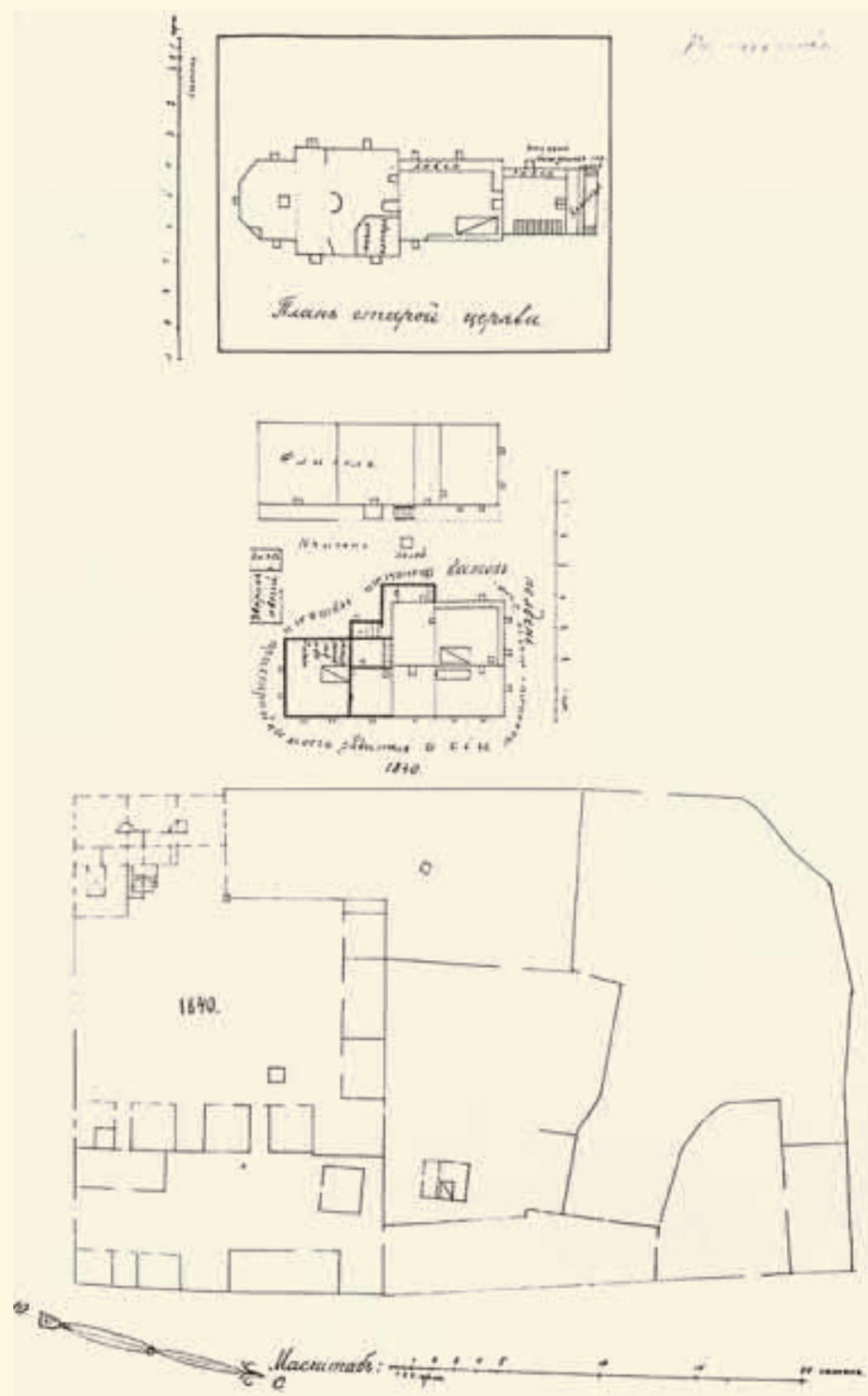
Из памятных заметок в Бозе почившей, месяца июля 1875 г. записанных внучкою ее, Любовию Григ[орьевной] Зубковой, в Верх-Исетском заводе.

² Письмо о. Иоанна Капустина сыну архимандриту Антонину от 12 сент. 1851 г. (Архив Русской духовной миссии в Иерусалиме, д. № 1412) // Цит. по: Киприан (Керн), архим. О. Антонин Капустин: архимандрит и начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (1817–1894 гг.) // Материалы по истории Церкви. Кн. 21. М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, Общество любителей церковной истории, 1997. С. 18.

³ А. [Антонин (Капустин), архим.]. Из записок Синайского богомольца // Труды Киевской духовной академии. 1871. С. 54–55.

На стр. слева:
Каменев Лев Львович.
«Пейзаж». 1861 г.

Чертеж
из дневника
архимандрита
Антонина

Позади анбаров и завозни, на юг, возвышалась церковь, основанная в 1765 году, деревянная, во имя Преображения Господня. За ветхостью ее, в 1816 году, июня первого дня заложена была новая церковь, каменная, на расстоянии может быть $\frac{1}{4}$ версты от этой. Строение шло сначала быстро. В 1819 году нижний этаж ее был уже кончен и 22 октября освящен во имя Пресвятыя Богородицы — Казанския.

«Перед взором стоит сельская, еще недостроенная церковь, полная народа по случаю храмового праздника Преображения Господня. Напросившийся чтец, не принадлежащий, собственно, крылосу, но имеющий на нем привилегированное место, только что окончил первый час. В крылосное окно чуть проникает свет начинающегося радостного дня. За решеткой его очерчиваются прямо на юг силуэты деревянных лавок, полных на сей раз заманчивых для детского вкуса товаров. Явление это повторялось в селе только три раза в году — два храмовых праздника и в девятую пятницу, следовательно, не даром осталось до сих пор памятным душе. До обедни, т. е. до звона на собор оставался тоже часовой промежуток времени. Он (о. Иоанн Леонтьевич) уже пошел домой из церкви, и высматривает заглядевшегося в окошко чтеца. Можно

Село Батуриное.
Фото Э. В. Кутыгина.
2013 г.

поручиться, что дома никому и в голову не придет спать. Предстоит надевание самолучшего платья, прочитывание Апостола, высматривание сквозь бальзамины и герани нарядных толп, направляющихся к церкви, ожидание гостей и пр. Затем имеются в виду перевод колоколов, светлопарчовые ризы служащих, придворная «милость мира», освящение вишеня, обхождение лавок со святой водой и целодневное утешение дома всякого рода. Была поэтому причина не спать после заутрени в это давнее золотое время...»¹.

«Появлялись и другие, тоже умиленные <...> представления давнего детства, столь много увлекавшегося бывало и мало понимаемыми событиями, но сильно чувствуемым праздником его. На устах была трогательная и любимая песнь: “Эдем Вифлеем отверзе. Приидите видим. Пищу в тайне обретохом. Приидите примем суцая райская внутрь вертепа. Тамо явися кладязь неископан, из него же древле Давид пити возжадася. Тамо обретеса корень ненапоен, прозябая отпущение. Тамо Дева родиши Младенца, жажду устави абие Адамову и Давидову”. С языка лилось пение, а воображение рисовало сумерки зимнего холодного дня, тишину родного дома, любезный образ отца, со святым увлечением певшего эту самую песнь, вторимую моим, прерывавшимся от чувства голосом, и затем общее поющих усилие представить себе Вифлеем, вертеп. Тихие образы, ничем не заменимые!»².

По другую сторону дома и двора нашего, под горою, смежно с нами, огородами, жил диакон Иван Андреевич Хаймин, по жене приходившийся дядею моему родителю, семейство коего состояло из жены Василисы Васильевны, предостопочтенной старушки, простенькой, добренькой, хотя всегда молчаливой и как бы сердитой, двух дочерей: Матрены — маленькой, живой, говорливой, немножко злой и характером, и Екатерины, которая как-то мало памятна мне по детству, и одного сына: Ивана, нашего закадычного приятеля и сверстника.

С западной стороны двора нашего была площадка, на которой отдельно стояло волостное правление с открытым крыльцом — почти ровно с нашим домом. Ниже, параллельно с нашим огородом, жил Климантей Андреевич Олферов, одинокий с детства, простенький старичок, частый посетитель нашего дома, называемый просто Кліма, с которым мы так свыклись, что считали его за своего, и при каждом разе, как только он приходил к нам, кидались ему на шею и садились на колена. Вечный покой доброму человеку.

На стр. слева:
Шишкин
Иван Иванович.
«Дубки». 1886 г.

¹ А. [Антонин (Капустин), архим.]. Из записок Синайского богомольца // Труды Киевской духовной академии. Вып. V. С. 21.

² А. А. [Антонин (Капустин), архим.]. Пять дней на Святой Земле и в Иерусалиме в 1857 году. М.: Индрик, 2007. С. 72.

С восточной стороны, за задним двором, жила бедная семья в маленьком доме, некогда крытом, но по отпадении крыши оставшемся без кровли и поросшему сверху травой.

Боровиковский
Владимир Лукич.
Аллегорическое
изображение Зимы
в виде старика,
греющего руки у огня.
Не датировано

Семья эта состояла из старика Ивана Федоровича Медведева, по прозвищу Тавлоя, и жены его, так называемой нами баушки Гордеевны, добрейшей старушки, служившей нам всем, чем можно, а главным образом — своими чародейными наговорами, которыми она лечила ото всякой немочи. Вечный покой любезной старушке! Что ж касается до ее почтенного супруга, то многое о нем слово и неудобь-сказуемое... Хлебопашеством он много заниматься не любил. Жил для дня насущного, удил рыбу, молол табак, ловил зверей, отличался вообще свободным духом и высшим взглядом, говорил несколько пришептывая, — значительно и даже иногда таинственно, обыкновенно прихвастывал. Так, например, утверждал, что он не раз гонялся за русомагой — частью зве-

Спасо-Преображенский храм в Батурине, заложенный дедом о. Антонина священником Леонтием Васильевичем Капустиным в 1816 г. и достроенный отцом — священником Иоанном Леонтьевичем Капустиным в 1836 г.
Рисунок архимандрита Антонина. Нач. декабря 1843 г.

рем, частью чертом... хотя злые языки противопоставляли этой отваге обыкновенно несчастный факт из истории его звероловства, когда он, принявши собаку за волка, опрометью бежал от нее и лез на стог сена, как аргумент совершенно противного рода... У старичков были сын Михаил и две дочери: Палажка и другая еще, не помню как по имени, обе больные глазами.

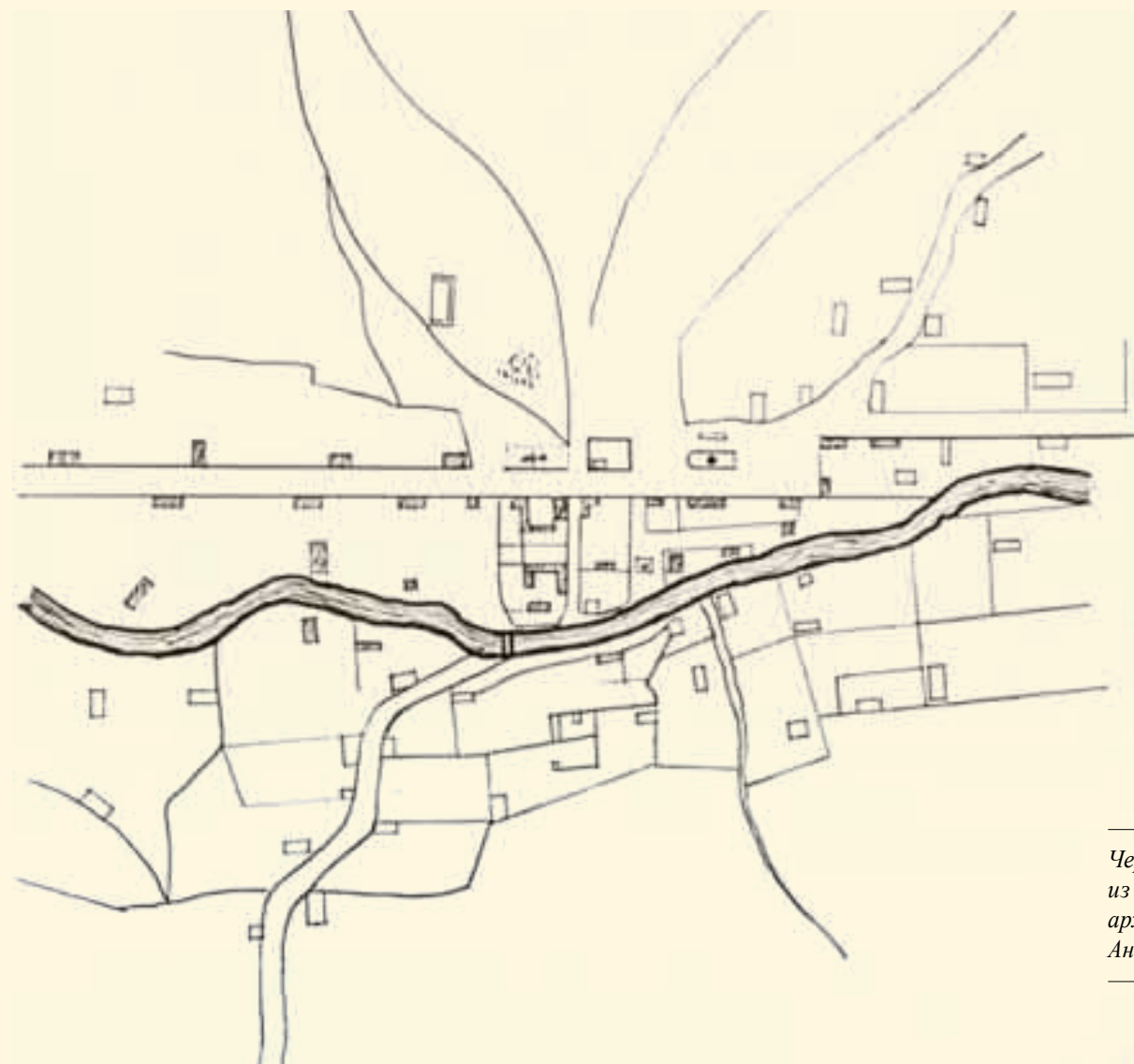
За церковью, на юге, простиралась равнина, которую я помню уже безлесною. Это более всех других место для нас знакомая и любимая сторона Батурины. Первый занимательный предмет на ней были песочные ямы, где мы часто производили свои игры. Далее за ними возвышались м а н г а з ё и, т. е. сельский запасный магазин с зерновым хлебом. Реже, но зато приятнее, играли мы здесь. По праздникам, а особенно в Пасху и Троицу, перед сими мангазеями были народные хороводы, на которых мы никогда не бывали. За мангазеями там и сям несколько ветреных мельниц и потом до самой поскотины чистое и ровное место с малыми остатками бывшего березника.

От дома до поскотины можно полагать версту расстояния. Почти столько же от поскотины до з а г о р о д к и, при одном имени которой душа приходит в трепетное умиление... Два пути вели к загородке, левый — полями и правый — поскотинным лугом. И тем, и другим любили мы ходить летнею порою за ягодами и за груздями; но последний сделался обыкновенным уже в последнее время, а именно: когда выкопан был новый колодец и когда мы стали гонять коров в загородку, на пастьбу. Весь тот край, от загородки и далее на юг, представлялся мне самым милым и привлекательным. Там были обе большие деревни наши: Пески и Дворянка с их прекрасными озерами. Там Боровушка с Заимкой исправника, о которой воображение составило самые чудные представления...

Там Митропольская — место жительства другой половины фамилии нашей. Оттуда везли к нам вишенье, арбузы и другие лакомства. Там таинственная г р а н и ц а нашей губернии. Но, главное, там — юг, солнышко. Лето... все, что есть лучшего и заманчивого в мире Божиим. — Из прочих окрестностей один только запад с его восхитительной Семеновкой и томительно прекрасным закатом солнечным привлекали детское сердце. Севера я всегда боялся, зная, что там город и дорога на чужую сторону.

«В стародавнее время, когда привезет бывало родная [мать. — сост.] из города гостинец пухлый, ароматный пряник, то и засыпаешь с ним в руке, боясь, как бы он не обратился в сновидение и не улетел вместе с пробуждением»¹.

Восток почему-то не любил. Чтоб иметь наглядное понятие о любезной Батурине, вот наугад начерченный план местности ее.

Чертеж
из дневника
архимандрита
Антонина

¹ Антонин (Капустин), архим. Из Румелии. СПб. 1886. С. 443.

Учеба в Далматовском духовном училище (1825-1830 гг.)

Учебный план духовных училищ, рассчитанный на шесть лет, включал грамматику, арифметику, подробный Катехизис, историю и географию в сжатом изложении, церковный устав, основы классических языков и церковное пение. В приходских школах в течение двух лет учили чтению, письму, каллиграфии, четырем арифметическим действиям, началам русской грамматики, краткому Катехизису и церковному пению. Поскольку программа приходских школ была элементарной, позволялось заменять школьное обучение домашним, но уже в уездное училище мальчика следовало представить достаточно хорошо подготовленным¹.

На стр. слева:
Братский корпус
Далматовского
монастыря.
Фото начала XX в.
Из фондов
Свердловского
областного
краеведческого музея
(г. Екатеринбург)

¹ История Екатеринбургской епархии. Екатеринбург: Сократ, 2010. С. 275.

Панорама
Далматовского
Успенского
монастыря.
Фото начала XX в.
Из фондов
Свердловского
областного
краеведческого
музея
(г. Екатеринбург)

Какая-то оставленность, сиротство, чуть не обида со стороны прочего мира, чувствуются в сердце у человека, вверившегося бессердечной, неумолимой и своенравной стихии. Страх-то, или тоска <...> шлют душе непрощенную память <...> целого ряда окон заветного дома отчего и оставляемой на пригорке, за поилицей Солодыанкой, родной семьи, пригорюнившейся и пристально смотрящей на увозимого в школу «бедного парня». Бедным-то, пожалуй, и заправду можно было назвать его в то, невеселое для него, время. Наука (латинская и греческая долбня) не давалась «парню». В классе¹ он сидел «низко», к злоименному «порогу» ходил часто, «без обеда» оставался чуть не по седми раз на неделе, в «нотате» почти постоянно значился под иероглифами NB и OK, в редкость — ER и AM, и почти никогда — S и G, — до того, что наиболее туживший о нем имя рек помышлял уже взять «тупицу» из школы и будущего археолога обратить в борноволока... Давно все это было <...>, а наука, вооруженная «лззой» и «безобедом», постоянно искала закрыть от воображения, подставляя ему, вместо светлого видения, мрачный урок, урок, и больше ничего!»² «Воскресает в памяти моей школьной calculus давно минувших времен. Приведенные к горькой необходимости говорить в стенах «класса»

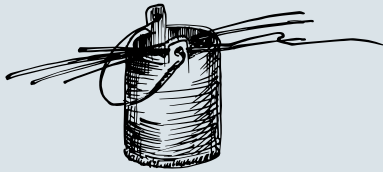
¹ Дело идет о Д[алматовско]м духовном училище 1825–1830-х годов. Начальник его был завзятый латинист. Школьные дни недели делились на *латинские* и *греческие*: понедельник, среда и пятница — латинские, остальные — греческие. В стенах класса ученики обязаны были в латинские дни говорить по латыни, и тому, кто проговаривался по-русски, всучивался в руки calculus. Всех, у кого он побывает за день, вносил «цензор» в «записку», и ожидала неминуемая расправа у *порога*, характеризующая именем «березовой каши» и пр. Перед классом всех учеников выслушивали «авдителя» и отмечали в «нотате» знающих буквами: *s* (ciens) и *γ* (ινόσκων), ошибающихся: *er* (rans) и *άμ* (αρταυον), худо знающих: *nb* (non bene) и *οικ* (οὐ καλῶς), совсем незнающих: *ns* (nesciens) и *οὐχ* (οὐχί). *Несцитов* всегда и *энбеев* почти всегда «порол» учитель. *Еранцов* и *амартанов* переслушивал и ставил «на колени» или на месте, или тоже «у порога». Случалось, что переспрашивал и *сцитов* с *гиносками*, и горе авдитору, если они оказывались помеченными выше своих действительных успехов. Авдиторы в свою очередь тоже «слушались» у других, подслушных другим авдиторам. Не без того, что бывали и злоупотребления властью со стороны этих тиранчиков, в роде прижимок, потачек и негласных поборов хлебом, бумагой, перьями, бабками. Между одноавдиторниками бывало такого рода соревнование, что невыучившие «урока» мешали всячески выучившему ответить перед авдитором хорошо. Пишущий сии строки целые два года не выходил из *уков* и *энбеев* только потому, что попал в среду таких, для которых и *е* (произноси: *je*) *ранс* был предметом зависти.

² Антонин (*Капустин*), архим. В Румелию. СПб. 1879. С. 17–18, прим 1.

Второклассная
школа при
Далматовском мона-
стыре.
Фото начала XX в.
Из фондов
Свердловского
областного
краеведческого музея
(г. Екатеринбург)

исключительно по латыни и, естественно, не отыскивая на каждую нужду подходящего и грамматически укладывающегося слова, бедные римляне-ипербореи употребляли бывало такой ужасающий диалект латинский, каким только что говорить на Пинде в Периволи! Вот как будто в самом деле слетает с уст какого-нибудь Митреска или Иованеска цицероновское словцо, но чем оно заканчивается, не слушай, хоромина!.. Ну, дал бы себя знать вам за такую латынь приснопамятный времен оных Бачко!³ — думаю я»⁴. «Не знаешь бывало, за чем смотреть более, мысли ли чтоб были подходящие, латынь ли чтоб была без ошибок, переписано ли чтоб было аккуратно, тетрадка ли чтоб была чистенькая, задачка подана в свое время, и пр.; поневоле должен был дружиться с музами, сочувствия к которым ничто не вызывало в тогдашней обстановке жизни»⁵.

³ Имеется в виду время 1825–1830 годов <...>. *Бачком* называли мы зрителя училища. Сначала он довольствовался тем, чтобы ученики в стенах аудитории болтали по-латински, а потом уже требовал, чтобы говорили и правильно, а фатальный calculus всучивался уже и за грамматические ошибки. В виду этого «третий стол» (он же и *последний*; парт тогда еще не знали), не ладивший с грамматикой, упорно отмалчивался на все вопросы и говорил жестами или мычал — *mugiebat*, что, в свою очередь подало повод к образованию слова «*mugicu*» — мужик.

⁴ Антонин (*Капустин*), архим. Из Румелии. СПб. 1886. С. 200, прим. 1.

⁵ Антонин (*Капустин*), архим. Поездка в Румелию. СПб. 1879. С. 327.

Август. 1830 год

*Рекреация, Рекреация...
Загремел стозвучный класс.
Прочь, Славония, Кроация,
Не хочу учить я вас.
Прочь, «existo, fio, foret»...
Прочь, деление дробей,
Прочь, злодей кубичный корень,
Прочь и пропись для детей,
Прочь, пространный катехизис,
Прочь, несносный часослов,
Прочтите, сонмы азов, ижищ,
Прочь, фигурный ирмолог...¹*

*П*оследняя училищная² вакация близилась к концу. Вместе с тоболяком-братцем мы гуляли по лесам и по полям. Он мне рассказывал про Пермь, про тамошнее житье-бытье, про семинарию, про учение. Говорил в особенности о будущих моих наставниках и в частности о Крыловском и Артюховском, о будущей моей квартире и проч. Накануне отправки нашей ходили мы с ним и тятенькой у церкви и лазили на колокольню и церковь, кажется, несведенную куполом. Я одет был в свой далматовский нанковый голубой сер-

На стр. слева:
Окрестности
с. Батурино.
Фото Э. В. Кутыгина.
2013 г.

¹ Цит. по: Киприан (Керн), архим. О. Антонин Капустин: архимандрит и начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (1817–1894 гг.). С. 29.

² Далматовская, где о. Антонин начал свое учение (авторских примечаний в тексте дневника нет. — сост.).

тук и палевые брюки братцевы (модный цвет тогдашнего времени, особенно в семинарии, для брюк был жаркий). Это было 21 августа, в именины Вассы Васильевны, сына которой, Ив[ана] Ив[ановича] Хаймина, не было на этот раз на вакации, вероятно, потому, что он стыдился ехать, не удостоившись перевода из словесности в философию.

Назавтра, в коронацию (и вместе в воскресенье), вероятно, после обедни, у нас были простыни. Братец верстах в девяти за поскотиной поехал вправо с Осипом Тарасовичем, мы же с тятенькой в кибитке с ямщиком-балагуром Терентием Сем[е-новичем] Голубевым взяли влево на Погадайку. Часу в 4-ом или в 5-ом оставили левее себя Белоярскую с деревянной церковью и звоном ради праздника и вечером прибыли в Уксянку к тамошнему дьячку, не знаю как по имени, мужу сестры нашей Веры. Тут мы пили чай из красномедного самовара, чему я немало дивился. Встав поутру, я с грустью смотрел из окна в садик и в первый раз видел цветы, называемые «Царскими кудрями»; между тем изъясил перед тятенькой желание поесть чего-нибудь сладенького. Так говорил т[ятенька] в 1843 г., а по моей памяти — горяченького, за что и срезан был им публично, к несказанному стыду моему, когда потом вместо «чего-нибудь» нам приготовили прекрасный завтрак. Уксянка — местоительство отца нашего, бессмертного Бачка, священника Стефана Плотникова, и родина товарища моего, Ивана Золотавина. Подивившись анбарам первого, в коих по седми лет гнил хлеб и не повидавшись с последним, утром 23-го числа оставил Уксянку.

Погода была прекрасная. Местность — чем далее, тем заманчивее. Мы близились к берегам Течи, знакомой мне по Далматову. Место, по которому мы ехали, слыло в уезде Шадринском самым богатым и называлось золотым дном. Въехав на одну высоту, мы долгое время любовались панорамой лугов, лесов и озер зеркальных. Вокруг нас, вдалеке, красовались богатые села с каменными церквями, впереди нас стояло село Верхтеченское. К нему прямо ехали мы, надеясь обедать там и отдохнуть у знакомого тятеньке священника, известного на весь уезд богача и хлебосола о.Петра Алексеевича Попова. Прибыли мы туда в полдень. Чудесная церковь восхитила меня. Дом священника был также очень видный и красивый. Кроме его на ограде стояли еще два дома. Когда мы въехали в ограду, нам сказали, что о. Петра нет дома, ушел на кладбище, где в это время строилась ограда.

На стр. справа:
крыльцо старинного
дома и здание
Георгиевского храма
в с. Белоярском; здание
Свято-Троицкого
храма и старинный
дом в с. Уксянском;
Свято-Введенский
Верх-Теченский
женский монастырь
(Далматовский
район Курганской
области). Фото
О. А. Серебrenникова.
2017 г.

Сейчас послали за ним. Еще издали он поразил меня своею осанкой и походкой. Явился перед нам в халате с расстегнутым воротником у рубахи и босый... Тотчас принялся угощать нас. До сел закрытые окна растворились, и дом его явился нам в полном великолепии. Вскоре после нас прибыли еще два гостя: ученик философии Василий Григорьевич Попов (беда моя...) и товарищ мой по классу Павел Петрович Задорин. Едали по-барски, великолепно, с серебряными ложками и вином, которого, вероятно, я не пил. Считая нас с тятенькой первыми гостями, подавали мне пить и есть прежде одного философа, чем я немало конфузился.

Около вечёрен мы оставили гостеприимный кров. Теченцы поехали на большую дорогу, вероятно, к Катайскому, мы же продолжали ехать на запад и в темную позднюю ночь прибыли в Зырянское село. Еще прежде я занят был мыслию о своем дяде богослове... Теперь я должен был предстать пред его светлые очи... Долго стучались мы у бедного домика. Наконец нас впустили. Я приготовлялся встретить с подобающим благоговением богослова, думая, что он не похож уже на обыкновенных людей... А он предстал пред нас самым обыкновенным, огромным и немножко неуклюжим детиной, в старом, казенном, заштопанном серо-голубом тиковом халате, принял нас, сколько бурсацкая застенчивость позволяла, ласково и ободрял меня, видя мою детскую робость.

Чуть свет 24-го числа мы выехали далее, надеясь видеться в скорости с Стефаном Васильевичем в Екатеринбурге, где я должен был поступить под его команду и ехать в Пермь с ним вместе. Погода сделалась туманною и дождливою. Вскоре мы приехали в знаменитый Каменский завод, или просто Каменку. Не помню, останавливались ли мы у кого-нибудь здесь. Ночевали на дороге, в Бутырках, маленькой деревеньке, в виду большой деревни Златогоровой¹, лежавшей по правую руку.

На рассвете 25-го числа отправились далее и проехали село Логинову, где жил мой закадычный приятель Иван Никитин; я изъявлял было желание повидеться с ним, но тятенька иначе думал, при том же было так рано и нехорошо было беспокоить кого бы то ни было в такую пору. Успокоившись этим, я только посмотрел сквозь утренний туман на то место, где жил мой приятель, вздохнул, и — марш далее. Проехали Брусяны. Погода опять сделалась прекрасною, местность тоже хороша.

¹ Так в рукописи. Правильно: Златогорова. — Ред.

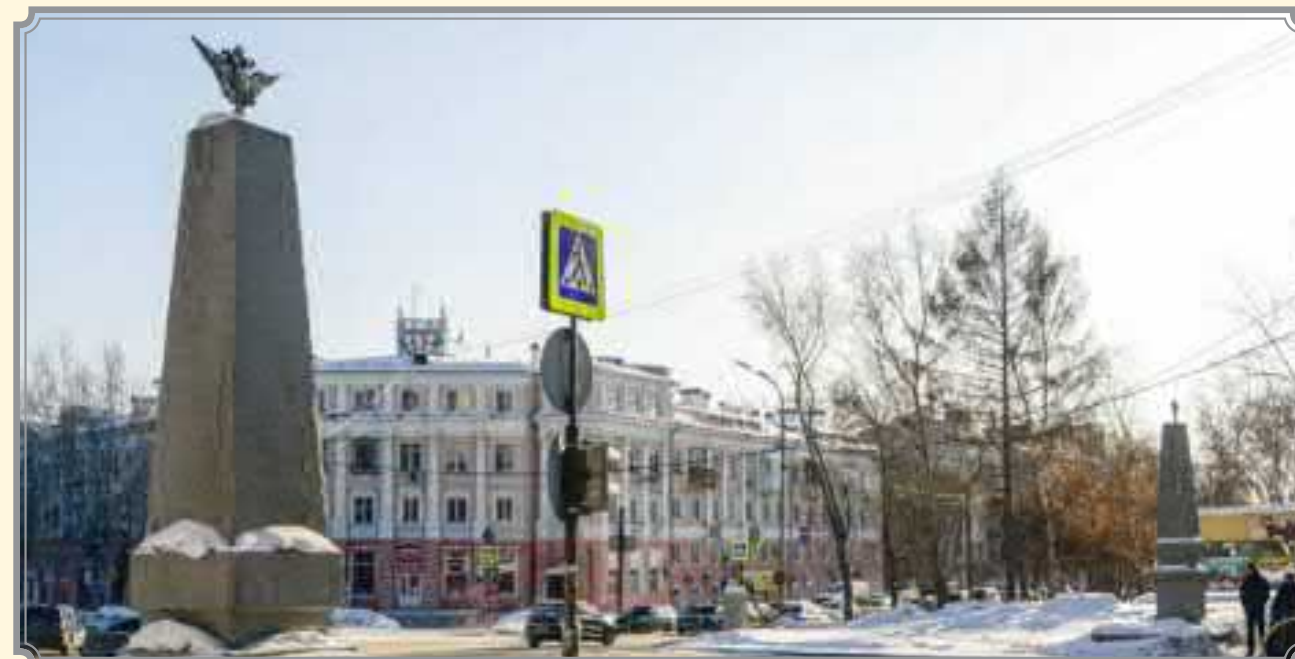
На стр. слева:
дорожные виды;
здание Богоявленского
храма в с. Зырянском
Катайского района
Курганской области;
вид на Свято-Троицкий
кафедральный
собор (г. Каменск-
Уральский). Фото
О. А. Серебrenникова.
2017 г.

Часу во 2-ом, может быть, мы увидели вдали из-за лесу темного высокую каменную колокольню, причем у нас с тятенькою зашел спор о том, какую фигуру имеет она, круглую или четырехугольную. Я утверждал первое, но обманулся. Кажется, в Покровском (которому принадлежала она колокольня) мы отдыхали, хотя не помню, у кого именно. На ночь приехали в Косулину и остановились у одного забора на ночлег, поопасившись заезжать на двор, потому что уже немало наслышаны были о подвигах косулинцев.

Четверток 26 августа. Рано утром встали. Прелестное утро приветствовало нас. Ходили на реку умываться, помолились Богу и закусили домашним подорожничками... Увы, мне оставалось ехать с дорогим спутником только 25 верст!.. Я старался наглядеться на него, наговориться с ним как можно больше и, может быть, в первый раз настоящим образом почувствовал тяжесть дальнего, бесприветного одиночества. От того это косулинское утро и доселе (1842 год, больница...) как-то особенно приятно и вместе грустно представляется в моей памяти. Перекрестившись, мы пустились на последнюю дистанцию и ехали постоянно угрюмым лесом, который называется Пьяным Бором. Тут тятенька немало рассказал мне кое-чего: про здешние страсти и ужаси...

Наконец осталось уже только 6 верст до города (кат' ἔξωχην) [«до города как такового, до самого города» — *сост.*]. На встречу стали попадаться городские баре, пешие и в красивых экипажах, что также было не последним предметом моего загляденья... Вот еще мало, и вдруг, при повороте дороги, открылся в дальней синеве белокаменный Екатеринбург, позади коего синел Уральский хребет!.. У меня как будто змеи подступили к груди и впились в сердце... томительное и неиспытанное еще доселе чувство! Наконец я и в Екатеринбурге — столице нашего края. Город великолепный, он привел меня в восхищение и страх. Прямые, обставленные высокими каменными домами улицы, величественные и прекрасные церкви, гостиный двор и многое другое — все это, невиданное мною доселе, занимало меня и приводило в смущение. Мы направились к южному краю города и остановились вблизи величавого Новотихвинского девичьего монастыря у двухэтажного каменного дома... Нас увидели и через минуту мы были уже в кругу родных. Круг этот состоял из дядюшки Николая Николаевича Зуева, священника,

На стр. справа:
старинный дом
и Вознесенский храм
в с. Большие Брусьяны;
храм в честь святых
мучеников Флора
и Лавра в с. Косулино
Белоярского района
Свердловской обла-
сти; современная
реконструкция доре-
волюционных столбов
на Сибирском тракте
при въезде
в г. Екатеринбург.
Фото О. А. Серебрен-
никова. 2017 г.

Ново-Тихвинский
женский монастырь
в г. Екатеринбурге,
восточный вход.
Фото С. М. Прокудина-
Горского. 1909 г.

упомянутого монастыря, жены его, моей тетки Марьи Леонтьевны Капустиной, сына Василия, дочери Афанасии, двух сестер жениных — Анны и Параскевы и матери их Ирины Ивановны, моей бабушки.

Не помню, сколько дней прожил я в Екатеринбурге. Вероятно, на следующий день мы были у дядюшки Стефана Леонтьевича, златоустовского священника и благочинного, который по этому случаю жил весьма пышно и весело. Жена его, Настасья Николаевна (Арефьева), была героиня, не в пример прочим женам сего света — женщина высокого тона и слога, образованная и не незнающая¹ собою. Семейство их состояло из дочери Евгении, с которой я был знаком еще в Камышлове, и двух сыновей Василия и Николая. Чай у них мы пили всегда внакладку, с кренделями и серебряными ложечками. Сладкие пироги из пряничного теста нипочем... Я вообразил, что попал в рай. Ходили также в гости к Ивану Андреевичу Капустину, тоже дяде, у которого мать — просто Семирамида — доселе таскает его за волосы, не смотря на его священство. Немало мы толклись также на базаре,

¹ Так в тексте. — Ред.

Морозов Александр
(1835–1904).
«Выход из церкви
в Пскове». 1864 г.

ища себе подводчика до Перми. Степан Васильевич был в этом, разумеется, первым деятелем. Как теперь вижу среди базара 4-х священников и между ними смиреннейшего моего тятенку, при взгляде на коего у меня душа замирала... Это было уже вечером. На ночь мы пролили горькие слезы и простились...

Горе такое, что и сказать нельзя. Моя телега была первой в обозе, потому что на ней помещался сам подрядчик наш, мой любимый дядя Стефан Вас[ильевич]. Третий сидел с нами Степан Меркурьев (куричья слепота). Настала темная ночь. С тоски я заснул. Но и спать не мог как следует, вскоре проснулся под монотонное гудение колокольчика и грустный напев песни «Я вечер своего милова провожала далеко...», петой извозчиком.

Я слез с телеги и пошел возле воза, ко мне пристал Александр Васильевич Преображенский (из Уфалея), вероятно, тоже мучимый моего рода бессонницей. Поговорили кое о чем, но, признаться, и говорить не хотелось. Так тяжело было первое время разлуки и первое сознание чужбины. Дальнейшие обстоятельства путешествия забыты мною. Не знаю даже, какого числа выехали из Екатеринбурга и сколько дней в нем прожили.

Σχολία
Комментарий

«Парадоксально, но эта неумолчная песнь колокольчика родилась из весьма прозаического желания властей так или иначе отметить всё, что принадлежит государству. В 70-е годы XVIII века во время очередной реформы почтового ведомства было постановлено, чтобы под дугой курьерских и почтовых лошадей висел колокольчик. Его звон был слышен издали и предупреждал караульных у городской заставы о приближении почты. Частным лицам категорически воспрещалось пользоваться колокольчиком. Таким образом, колокольчик играл примерно ту же роль, что и “сигнал” у современных служебных машин. <...> Со звоном колокольчика сплеталась и песня ямщика»¹.

«О чем поет ямщик в долгой и однообразной дороге? На этот вопрос попытался ответить С. П. Шевырев во время поездки по северным монастырям в 1847 году. “Извозчик, который нас вез до села Кубенского, спел дорогой две песни. В одной из них, относящейся к Семилетней войне, главную роль играл король Пруссии, потерявший свою армию. Другая начиналась красивым описанием зимы: родники и ключи замерзли, с деревьев облетели листья, птицы перестали петь, и соловей вместо рожи поет уже в трактирной клетке, а девушка поручает распремилую соловью в трактире милого городка Питера сказать слово ее милому, который гуляет по городу и забыл про нее”»².

«Кто знает голоса русских народных песен, тот признается, что есть в них нечто, скорбь душевную означающее. Все почти голоса таковых песен суть тону мягкого. — На сем музыкальном расположении народного уха умей учреждать бразды правления. В них найдешь образование души нашего народа». Радищеву вторит маркиз де Кюстин: “Национальные песни русских отличаются грустью и унынием”. <...>

Зачем ямщик поет свои невнятные песни? Кажется, чтобы просто скоротать долгий и однообразный путь. Вот как рассуждал на эту тему один ямщик в разговоре с путешественником и этнографом С. В. Максимовым. “Опять же наш брат ямщик песню поет оттого, что пять-шесть на голос поднимет да вытянет — гляди, в мыслях-то его перегон на станции и порешился. Тпру! — приехали, значит”»³.

¹ Борисов Н. С. Повседневная жизнь русского путешественника в эпоху бездорожья. М.: Молодая гвардия, 2010. С. 120–121.

² Там же. С. 61.

³ Там же. С. 121, 122.

Васнецов Аполлинарий Михайлович. «Северный край». 1899 г.

Современная реконструкция верстового столба и указателей в пгт. Билимбай городского округа Первоуральск Свердловской области, на заднем плане — Свято-Троицкий храм. Фото О. А. Серебренникова. 2017 г.

За Сибирским трактом закрепи-лось название самой длинной в мире дороги, проходящей почти по всей территории России от Санкт-Петербурга и Москвы на западе и до городов Охотска, Кяхты и Читы на востоке. В народе тракт имеет еще несколько названий: «великий кандалный путь», «государева дорога», «Екатерининский тракт». История этой дороги начинается с XVIII века (с сенатского указа 1733 г.). Обустроена она была для связи Центральной России с Сибирью и Дальним Востоком. Из Москвы путь лежал через Нижний Новгород на Казань и через Пермь, Кунгур, Екатеринбург, Тюмень шел до Тобольска и далее — на восток. Распоряжением Сената (1783 г.) налажено трактовое сообщение Санкт-Петербурга с Вяткой, в результате чего окончательно сложились две ветки Сибирского тракта: на севере — Петербургско-Вологодско-Вятская, на юге — Московско-Казанская. По распоряжению императрицы Екатерины II вдоль тракта появились березы, чтобы

путники не теряли дорогу в снег и непогоду. Эти «екатерининские» березы все еще встречаются на различных участках Сибирского тракта. Дорога оказала большое влияние на развитие тех городов, где пролегал этот путь. В XIX столетии Сибирский тракт являлся основной транспортной артерией, соединяющей европейскую часть державы с азиатской. Кто только не ездил по этой дороге. И купцы, спешащие на ярмарки в Ирбит и Шадринск, Пермь и Екатеринбург, на волжский торг в Макарьев. И ученые, исследующие недра и просторы Урала и Сибири, и путешественники, которых манили загадочные дали, и те, кто отправлялся в этот путь не по доброй воле — ссыльные и каторжане¹.

¹ Ганина Е.М. Сибирский тракт в судьбах людей // Грибушинские чтения-2011. На стыке традиций, эпох, континентов: тез. докл. и сообщений VIII Всероссий.-практ. конф. Кунгур, 2011.

Село Батуриновское.
Фото Э.В. Кутыгина.
2013 г.

ОСЕНЬ

От рождения моего 14-я, от начала учения 6-я

СЕНТЯБРЬ

Надобно полагать, что ехали не менее 6-ти дней. Для меня все было новостью — и леса, и горы, и постоянные дворы, и извозчики, и дорожное товарищество...

Было бы занимательно и весело, если бы душа не изнывала от чувства разлуки и от представления будущей дикости и одинокости на чужбине. Степан Васильевич немало заботился о нашем развлечении, и нередко мы целым обозом шли вперед телег наших и пели песни.

Вероятно числа 4-го ночью мы достигли Перми. Меня прямо привезли на братцеву квартиру к мещанину Михайлу Яковлевичу Леонтьеву. Никакого препятствия не встретилось к тому, чтобы мне поместиться тут жительствовав, и я действительно поместился.

Квартира была прекрасная, особенно мне нравилась после Воеводиных палат. Нам отведена была особенная светленькая и чистенькая комнатка. Поместились мы в ней четвером: оный, упомянутый выше, Вас[илий] Гр[игорьевич] Попов — нечто вроде нашего комнатного старшего; упомянутый тоже Павел Петро-

Виды Перми.
Почтовые
карточки.
Кон. XIX в.

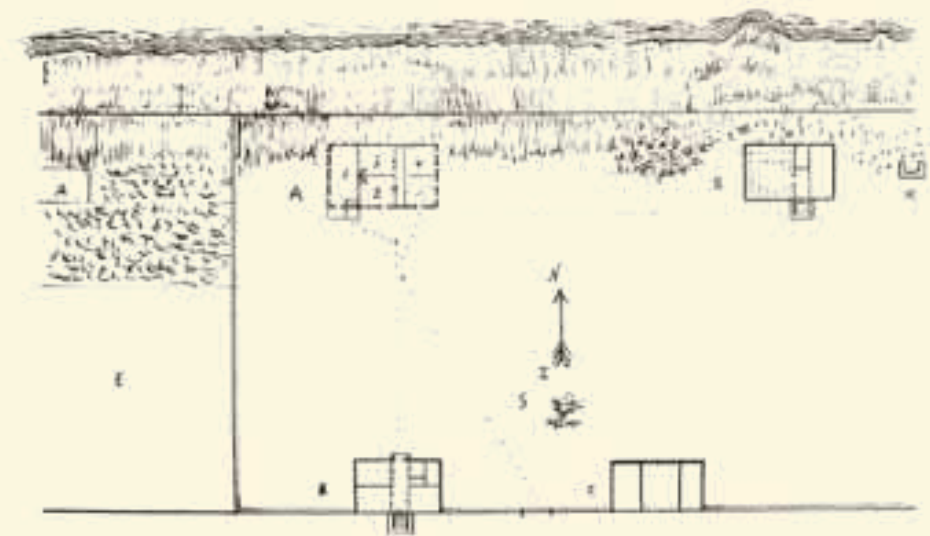

Пермь. Кафедральный собор и здание Духовной семинарии. Фото кон. XIX – нач. XX вв.

вич Задорин и третий: ученик училища Александр Евсигнеевич Дьяконов, племянник того Дьяконова, который стоял тут же на квартире и был старшим моему братцу. Кроме одного вместе с хозяевами жил племянник их, Семен Михайлович Белозеров, товарищ мой по классу. Он помещался в зале. Обедать и ужинать мы ходили в избу (виноват: кухню). Хозяйка, именем Мария Автономовна, кормила нас весьма сытно и довольно вкусно, если исключить отсюда только репную кашу. Белого хлеба клали на стол только по небольшому ломоточку, что меня немало печалило, привыкшего у Варвары Савишны есть только шенги да булки. Завтрака никогда не было, и я с грустью вспоминал далматовские пряники и повалихи... Зато все так было чисто и деликатно. Помню, в какой-то праздник к обеду приготовлена была г. кишка¹, начиненная крупю и жареная с картофелем... Я никак не решился обесчестить рот свой таким неблагоприличием... хотя кушанье приготовлено было самым отличным образом.

На другой день по прибытии моем я ходил в семинарию к Стефану Васильевичу. Кажется, он жил в философском классе,

¹ Так в тексте. Возможно: говяжья. — Ред.

Чертеж из дневника архимандрита Антонина

потому что я, помню, долго стоял там между партами в положении принужденного к смерти, когда дядю окружали богословы. Особенно между ними памятен один, невысокий ростом, сухонькой, с вздернутым носом, в пуховой шляпе, первый ученик и, может быть, будущий лектор мой... Ужась!.. Вероятно, в тот же день я был у Ивана Ив[ановича] Хаймина в Шваревском доме. В то время за неимением помещения при семинарии казенно-коштные ученики жили в нанимаемых от казны домах. Таких домов было пять: Шварева, на Слудке, Олонцова, на Монастырской улице, Сыропятова, близ Богородской церкви, Харламова, возле моей квартиры с западной стороны и еще ветшайший дом на углу, против новой семинарии. Новая семинария в то время доведена была уже до крыши и возвышалась огромною черною громадою на страх и ужас нашему брату-новичку. Пред нею старая семинария была ничто иное как жалкая лачужка, хотя некогда считалась одним из первых зданий города. Зато место последней несравненно лучше местности первой, и жаль что оно не осталось за семинарией.

На крутом берегу величественной Камы выстроена была прежняя семинария. Она состояла из 4-х деревянных корпусов, из коих важней прочих был означенный на плане буквою А. В нем помещались классы и семинарские, и училищные: 1 — словесность, 2 — философия, 3 — богословие, 4 и 5 — классы училищные. Третий был внизу под ними, а 4-й поме-

Вид Перми.
Почтовая карточка.
Кон. XIX в.

Пермь. Монастырская
улица. Фото
О. А. Серебренникова
2017 г.

щался в столовой, в корпусе *Б*. [Корпус] *В* был обращен в больницу и отчасти — в квартиры бурсаков. В корпусе *Г*, кажется, тоже жили ученики и, между прочим, приготовлено было место для имеющего приехать нового инспектора. Оградой отделялся семинарский двор от архиерейского, и в последнем, в корпусе *Д*, в верхнем этаже, жил ректор семинарии (а в нижнем жил архимандрит Афанасий, бывший некогда также ректором). *Е* — означает конюшенный двор архиерейский. *Ж* — знаменитая беседка, воздвигнутая дядюшкой Ионою, — предмет ненависти

и осмеяния для учеников, потому что она устроена руками провинившихся в чем-нибудь и большею частию наипервейших героев семинарских... *С* — одинокая, развесистая береза, в тени которой висел звонок «тоскливой скуки вестник», по выражению греховодника А. К. З — любезный ключик, возле которого, еще более любезный выход на Каму. Вся почва семинарского двора песчаная, особенно между больничным и классическим корпусами. Далее к западу, местами кое-где, была и полянка, а за кухонным корпусом вниз до забора был довольно крупный ельник. Впереди семинарского двора шла улица, так называемая Монастырская, которая, начиная от корпуса *Г*, круто спускалась вниз, к ручью Медведке, впадающему в Каму.

Очень скоро после моего приезда нас, далматовцев, позвали на экзамен. Кажется, сперва дана была латинская задача. Потом был формальный экзамен по всем предметам, каким мы учились. Обстоятельств его никаких не могу припомнить. Испытывал сам о. ректор архимандрит Палладий, на коем я в первый раз узрел магистерский крест, так мало интересующий меня, а в то время казавшийся весьма занимательным. Что выпало на мою долю отвечать, не помню. Знаю, что ответил ладно и вместе с прочими был принят в семинарию.

Чертеж
из дневника
архимандрита
Антонина

Вскоре началось ученье. Вместо далматовского четырехчасового утреннего класса теперь утром были два класса, разделяемые получасовым отдыхом. В субботу, после обеда, не было класса, не было также и во вторник и четверг, потому что

как-то так расположено было, что когда был французский класс, немцы сидели дома, когда немецкий — французы отдыхали. Наставниками у нас были следующие лица: ректор, архимандрит Палладий, профессор богословия. По должности инспектора была вакансия, так как бывший инспектор о. Иоанн (Петр Ив[анович] Оболенский, 3-го курса К[иевской] академии) выбыл, современно с выбытием дядюшки моего, о. Ионы, ректорствовать в Харьковскую семинарию). Магистр Сергей Мих[айлович] Дьяконов — профессор философии и еврейского языка и секретарь правления. Магистр Александр Михайлович Крыловский (уроженец Орловский или Черниговский), профессор математики и французского языка. Кандидат Василий Эмиллианович Артюховский (Харьковский родом, 4-го курса К[иевской] д[уховной] академии) — профессор словесности. Кандидат о. Михаил Афанасьевич Бенедиктов, профессор церковной истории и греческого языка и экононом семинарии. Гражданской истории и немецкого языка кафедра была вакантною. Кроме того, было два лектора: по словесности — Василий Ив[анович] Иваницкий, учитель училищ и по греческому языку сперва кончивший курс, [и] некто Антон Лазаревич, бывший в прошлом курсе лектором, но вскоре потом Матфий Иванович Салмин, первый ученик богословия. Не помню, кто преподавал нам гражд[анскую] историю. Может быть, о. Михаил Бенедиктов.

Всех нас риторов числом было 109 человек. Из них десять так называемых стареньких, т. е. оставленных в том же классе на другой курс. Имена их:

Ксенофонт Григор[ьевич] Плотников. †
 Константин Ив[анович] Стефановский.
 Аполлинарий Стеф[анович] Иконников.
 Алексей Данилович Пантуев.
 Иван Иванович Хаймин.
 Евгений Григор[ьевич] Плотников.
 Ефим Ярушин.
 Филарет Пономарев.
 Лука Попов.
 Иван Егорович Тетюев.
 Викентий Димитриевич Пономарев.

Четверо из них, именно: Плотниковы, Стефановский и Тетюев были дети протоиереев, благовоспитанные и избалованные (исключая любезного Ксенушка). Ив[ан] Ив[анович] Хай-

мин — дядя мой и сакур давнишний — был немалым утешением и ободрением для меня, вброшенного в такое многочисленное разномастное, дикое мне общество. Ярушин был философ, чуть не циник — приятель немалый Хаймина. Аполлинарий носил имя «нетопыря» по причине своей близорукости и был препотешный малый. Ал[ексей] Пантуев (дальний какой-то сват мой) был зовом «татаринном», может быть, по причине своего происхождения, но, вероятнее, по причине своей удивительной рябости, был человек особенных правил и один из немногих пользовался уважением товарищей. Филатцо и Лúчка говорят сами за себя... Все эти «старенькие» сначала составляли особый круг, были законодателями вкуса и тона для всего класса, учителя-

Иванов Алексей Михайлович.
 «Дети, пускающие мыльные пузыри».
 Не позднее 1839 г.

Виды Перми.
Почтовые
карточки.
Кон. XIX в.

ми шалостей и проповедниками глупостей, наследованных от времен древних и передаваемых из курса в курс свято и ненарушимо. Они занимали всю первую парту и таки довольно фанфаронили, пока не убедились, что они не могут держать за собою вождельного первенства.

Из Далматовского училища поступили следующие ученики:

Лев Иван[ович] Преображенский. †
Евгений Федорович Флоровский.
Андрей Григ[орьевич] Сотников. †
Виссарион Матв[еевич] Дюков.
Александр Васильев[ич] Преображенский. †
Андрей Михайлов[ич] Федоров. †
Егор Иван[ович] Попов.
Леонид Матв[еевич] Слобцов. †
Александр Удинцев.
Яков Стеф[анович] Пономарев (протоирей алапаевский 1880 г.).
Стефан Никол[аевич] Карпинский. †
Николай Ефим[ович] Плотников.
Стефан Иванович Арефьев.
Александр Хомяков.
Андрей Иван[ович] Капустин.
Иван Андреевич Удинцев.
Стефан Павлович Цветухин.
Александр Павлов[ич] Пономарев. †
Павел Васил[ьевич] Протопопов.
Василий Стеф[анович] Буручков. †
Петр Петр[ович] Ильин.
Василий Иван[ович] Морозов.
Димитрий Иван[ович] Шкулев.
Константин Ефим[ович] Слобцов.
Павел Петр[ович] Задорин.
Стефан Федор[ович] Меркурьев.
Григорий Иван[ович] Пузырев.
Николай Львович Меркурьев.
Аристарх Хомяков.
Семен Корнилов.
Иван Золотавин.
Егор Петрович Шишев.
Иван Насонов.
Петр Прокопьевич Ильин.

Здание
Пермской
духовной
семинарии.
Почтовая
карточка.
Кон. XIX в.

Пермская семинария была открыта 11 ноября 1800 г., но до 1810 г. в ней не было класса богословия, поэтому курс обучения в этой семинарии не мог считаться полным. Начали обучение в ней 152 ученика; переведенных из Вятки и Тобольска среди них было 34 человека.

В 1814 г. правительство начало осуществление реформы духовной школы. Система обучения стала четырехступенчатой: низшей ступенью являлось приходское училище, которое обслуживало несколько церковных приходов, затем шло уездное училище (расположенное, как видно из названия, в уездном городе), среднее образование давала семинария, находившаяся в епархиальном центре, а высшее — духовная академия.

Полный шестилетний курс семинарии состоял из трех двухгодичных курсов: риторики, философии, бого-

словия. В низшем отделении изучали риторику и филологию, учили писать сочинения на русском, греческом, латинском языках, читать с разбором классических авторов (греческих и латинских). Здесь же изучали «науки исторические», к которым относились история и география всеобщие, русские и библейские. В среднем отделении изучали логику, метафизику, теоретическую и опытную физику, этику («нравоучение»). В этом же отделении изучался математический курс: алгебра, геометрия, прикладная математика, начала механики и пасхалия. В высшем отделении изучали богословие догматическое, пастырское и нравственное, герменевтику (методику толкования древних текстов), церковную археологию. Все шесть лет преподавали греческий язык, последние четыре года — древнееврейский. Латынь к моменту поступления в семинарию считалась уже изученной достаточно хорошо

Пермь. Здание
Пермской духов-
ной семинарии.
До нач. XXI в. —
здание Пермского
высшего военного
командно-инже-
нерного училища
ракетных войск
им. Маршала Со-
ветского Союза
Чуйкова, сейчас —
офисное здание.
На углу здания ме-
мориальная доска
в память о выда-
ющихся выпускни-
ках Пермской ду-
ховной семинарии.
Фото О.А. Сере-
бренникова. 2017 г.

для того, чтобы слушать лекции на этом языке. Один из новых языков — немецкий или французский — ученик изучал на факультативной основе. <...>

Многие родители не хотели отдавать своих детей в семинарию по причине удаленности их приходов от Перми. Речь при этом шла не только о сентиментальности, и даже не столько о ней. Большую часть доходов клирика в это время составляли сельскохозяйственные продукты, тогда как за обучение сына в Перми приходилось платить деньгами, которых было мало даже у «достаточных» сельских священников. <...>

Пермская духовная семинария носила строго сословный характер. Лишь с 1816 по 1833 гг. в семинарию и Пермское уездное духовное училище принимались по просьбе горного начальства иносословные учени-

ки для подготовки их к поступлению в Медико-хирургическую академию, после окончания которой они должны были служить врачами при горных заводах. Духовным училищам в данном случае отдавалось предпочтение в связи с углубленным изучением в них латинского языка. Но число иносословных учеников в семинарии и духовном училище было крайне незначительно¹.

¹ История Екатеринбургской епархии. Екатеринбург: Сократ, 2010. С. 274, 275, 276.

- × Петр Стефанович Иконников.
- Александр Хлебин.
- Петр Словцев.
- Феодор Карпинский.
- Александр Рычков.
- Александр Кочнев.
- Александр Задорин.
- Иосиф Иванович Попов.
- × Лев Пономарев.
- × Алексей Калачников.
- × Павел Пономарев.
- × Яков Попов.
- Александр Брызгалов.

Не помню, в каком порядке мы были поставлены в Далматовском разрядном списке. Помню однако же, что мое место было 15-е и что выше меня стоявшие были большею частью те самые, которые значатся на сих местах в этом, наугад написанном, списке. Не знаю даже, все ли тут действительно суть далматовцы. Означенные крестиками в этом случае подлежать могут еще сомнению.

Поступившие из Пермского училища суть:

- Павел Петр[ович] Попов.
- Димитрий Иван[ович] Бабайлов.
- Феодосий Александр[ович] Будрин.
- Василий Александр[ович] Щапков.
- Егор Васильев[ич] Зубков. †
- Александр Петрович Луканин.
- Иван Митрофан[ович] Шастин.
- Федор Андреев[ич] Наумов.
- Иван Львович Кузнецов.
- 10. Петр Сабуров.
- Яков Никит[ич] Накоряков.
- Яков Семенович Стахив.
- Анастасий Семен[ович] Голубчиков.
- Николай Иван[ович] Сапожников.
- Николай Васил[ьевич] Пьянков.
- Александр Петрович Попов.
- Василий Ефим[ович] Попов.
- Виссарион Васил[ьевич] Дягилев.
- Никандр Иван[ович] Мизинов.

Виды Перми.
Почтовые
карточки.
Кон. XIX в.

Андрей Капустин,
бакалавр Киевской
духовной академии.
Предположительно,
дагерротипный
снимок 1844 г.,
г. Одесса. Из архива
Русского Свято-
Пантелеимонова
монастыря на Афоне.

В Дневнике о. Антонина есть запись: «мы решили пойти в дагерротипный кабинет и действительно пошли втроем <...>. Вышли оттуда <...> и вынесли с собою два обращика дагерротипного дела, на которых поместилась, между прочим, и моя жалкая рожа»¹.

¹ Антонин (Капустин), архим. Дневники: 1817–1894: в 35 т. Т. 3: 1841–1845. Машинопись // ГМИР. Шифр Б. IV. № 853 (3). [Б. м.]. С. 448. (29 июля 1844 г.)

Поэтическое творчество начальника Русской духовной миссии в Иерусалиме архимандрита Антонина (Капустина) мало знакомо современному читателю. Из стихотворных произведений этого выдающегося деятеля Русской Палестины наиболее известны лишь немногие, что были частично или полностью опубликованы архимандритом Киприаном (Керном) в его монографическом сочинении. Счастливой находкой отца Киприана стала особая тетрадка отца Антонина, в красном сафьяновом переплете, с шутивным названием «Грехи молодости», в которую он записывал плоды своих поэтических вдохновений. В минуты душевного общения отца Антонина с наиболее близкими людьми сафьяновая тетрадь становилась предметом эстетического развлечения.

Отец Киприан справедливо замечает, что склонность к поэтическому творчеству отца Антонина была фамильной традицией рода Капустиных, характерным показателем чуткости и одаренности «капустинской натуры», ее живости и тонкости¹.

¹ См.: Марченко А., *прот.* Поэтическое творчество архимандрита Антонина (Капустина) в период обучения в Пермской Духовной Семинарии // От Зауралья до Иерусалима: личность, труды и эпоха архимандрита Антонина (Капустина): материалы Всерос. науч. конф. (Далматово, 12–13 мая 2016 г.). Далматово, 2016. С. 93–106.

Гимнъ БУРСАКА ГОРОШНИЦЪ¹

О ты, что мутными волнами
Кипишь средь чаши дубовой,
Что въ сердце радость льешь
рѣками!
Къ тебѣ стремится Геній мой.
Ты — Нектаръ, Геба, Ниндъ съ
Парнасомъ.
Амброзія. Ганимедъ...
Ты — все!.. тебя, да хлѣба съ
квасомъ —
Не больше, нужно мнѣ, мой свѣтъ!
И что милѣй тебѣ на свѣтѣ?
Все горько, сухо все, черство!
Одна лишь ты, какъ роза въ цвѣтѣ...
Ты наша гордость, торжество!

О жизнь, душа моя, явися, —
Явись мнѣ съ нектаромъ своимъ, —
И въ вѣкъ со мною быть клянися,
Будь лучшимъ кушаньемъ моимъ!
А я — клянусь тебѣ, что буду
По «Свѣтлый день» твоимъ рабомъ;
Клянуса ложкой! не забуду
Тебя ни вечеромъ, ни днемъ!
Покуда кровь струится въ жилахъ.
Вѣрь слову дружному — я твой!
Ужъ развѣ ѣсть буду не въ силахъ...
Тогда разстанусь я съ тобой!

1834 г.

¹ Цит. по: Капустин М. И. Поэзия и проза в старой Пермской семинарии (Ко дню столетия семинарии 11-го ноября 1900 г.) // Труды Пермской ученой архивной комиссии. Вып. IV/Изд. под. ред. А. А. Дмитриева. 1901. С. 45–46.

ПОСЛѢДНІЙ ЭКЗАМЕНЬ¹

Бывало, мѣрными шагами
По классу ходить «протопопъ»²,
И гулъ шаговъ его стихами
Рифмить въ ухахъ: топъ-топъ,
топъ-топъ.
Развѣсивъ уши, мы сидимъ
Чиннехонько, коли учитель близко,
Какъ далеко — шалимъ,
И всѣ слова его такъ склизко
По нашей памяти летятъ,
Какъ «въ масленку»³ съ катушки,
Бывало, другъ на дружкѣ
Насъ санки ухарскія мчатъ.
Молчитъ, иль объясняетъ что —
Сидимъ, — не наше дѣло!
Бранить, ворчить ли на кого —
Исподтишка хохочемъ смѣло.
Замѣтитъ ли?.. къ порогу рядомъ,
Медлительной стопой,
Какъ воины парадомъ,
Идемъ, закрывъ глаза рукой...
Идемъ, — и прямо въ центръ
сраженья!..
Пришли, — и вотъ пошла война!
Поднялся шумъ, смятенье..
Слабѣетъ наша сторона.
«Друзья-товарищи!.. бодрѣй!
Отнюдь... ни за что не сдаваться!
Побѣда наша, — лишь смѣлѣй,

Чуть-что, кусаться!»..
Но что же вышло?.. Стыдъ и срамъ!
Въ самомъ сраженіи пылу —
Измѣна тутъ, измѣна тамъ, —
И мы лежимъ ужъ на полу!..
Лежимъ, кричимъ и рвемся,
Пощады просимъ... но слегка
Сквозь стонъ и плачъ смѣемся,
Полой прикрывшись армяка!..
Съ поконъ вѣковъ ужъ такъ ведется,
То скажетъ всякій вамъ старикъ —
Не учить тотъ, кто не дерется,
Кто не сѣчетъ и не бранить,
Тотъ школьника потачить,
И плохъ учитель самъ,
У коего дитя не плачетъ
И не приучено къ слезамъ.
Твердятъ: «ученья корень горекъ,
Плоды же его сладки»!..
И вотъ учитель въ классѣ поретъ
Кого попало, безъ оглядки!
«Терпи казакъ, атаманъ будешь!»
Пословица твердитъ...
Зато — во вѣки не забудешь,
Каковъ казацкій быть!..
Но что за чортъ, терпи! терпи!..
Какъ будто взялъ подрядъ,
А избавленье, — жди пожди, —
Когда-то подарятъ!..
«Нѣтъ, это ужъ не жизнь, гроза!»
Твердимъ мы ежечасно.
«Учись, учись, а все — лоза.
Лоза, да «безъ объѣдъ» ужасный!

Когда жъ, о Боже правосудный!
Когда же все это минетъ!»..
— Какой же вы народецъ чудный!
Въ васъ умъ-то есть, иль нѣтъ?
Ужъ какъ бы этого не знать:
Четыре дня лишь вамъ страдать! —
«Отецъ родной!.. ты какъ узналъ!
Скажи — твои слова не лгутъ?
Кому, когда и кто сказалъ?..
Не колоколь ли льютъ?»¹
— Нѣтъ, нѣтъ! Все это — такъ же
правда.

Какъ то, что въ классѣ васъ
Обыкновенно всѣхъ издавна
На каждый день сѣкутъ пять
разъ! —
«Изволь, хоть тысячей умножь,
Нисколько не жалѣй,
Сто разъ на разъ положь,
Да только — говори скорѣй:
Такъ завтра и всему конецъ?
Совсѣмъ и кончится ученье?»
— Какой ты приткій! молодецъ,
Не завтра! Съ воскресенья
На «повторенье» день дадутъ,
Со вторника, съ среды ужъ вѣрно
У васъ экзамены пойдутъ;
Они протянутся примѣрно
Еще двѣнадцать дней; пойдете
Потомъ вы въ поле за цвѣтами,

Чудесно ими уберете
Свое большое зало сами. —
«А тамъ?»... — А тамъ
«публичный!» —
А тутъ?.. домой? —
Да, да, другъ мой:
Получишь аттестатъ отличный,
И съ нимъ ужъ маршъ къ отцу
домой! —
«Домой, домой, друзья ур-ра!..
Пятнадцать дней пройдетъ,
Вакація придетъ!»
Но ахъ... забылись! въ классъ пора!

II.
Юля первое число
Шагнуло въ вѣчность навсегда,
И наши страхи, какъ вода,
Съ собою въ бездну унесло.
И въ самомъ дѣлѣ, вѣдь экзамень
Должонъ же наконецъ
Всѣхъ бѣдствіямъ полежить *атен*,
Мученью всякому конецъ.
Экзамена дожидаться только, —
И розга не страшна нисколько!
Ну — что, хотя бы срѣзался
пускай засудятъ!
Но сѣчь... ужъ сѣчь-то насъ никто
не будетъ!..

¹ «Лить колокол» — местное выражение, однозначное с выражением «отлить пулю», «пустить утку». До сих пор держится поверье, что если при отливке колокола распускать самые несбыточные слухи про что угодно, то выйдет колокол громогласнее. Отсюда и обычай — когда завравшегося хотят вежливо удержать, — прерывать его вопросом: не колоколь ли где льют?

¹ Цит. по: Капустин М. И. Поэзия и проза в старой Пермской семинарии... С. 50–53.

² Смотритель училища.

³ То есть на масленице, сырной неделе.

20. Семен Мих[айлович] Белозеров.
 Стефан Иван[ович] Прощикальников.
 Григорий Стеф[анович] Макушин.
 Николай Петров[ич] Салмин.
 Александр Алексеевич Флоровский.
 Стефан Юдич Дерябин.
 Андрей Будрин.
 Василий Козьмин.
 Петр Алексеевич Варушкин. † 1833 г. 1 ч[исла] генв[аря]
 Лаврентий Корепанов.
30. Василий Митрофан[ович] Шастин.
 Павел Семен[ович] Стахив. † 16 мая 1832 г.
 Андрей Любимов.
 Андрей Петров[ич] Яковкин.
 Яков Мальфин.
 Феофил Максимов. †
 Матвей Киселев.
 Алексей Шестаков.
 Александр Будрин.
 Кирилл Иванович Кузнецов.
40. Иван Михайлович Кирилов.
 Полиевкт Киселев.
 Павел Иван[ович] Попов.
 Александр Конюхов.
 Василий Стахив.
 Петр Порфирьев.
 Николай Поднебесный.
 Лев Бердников.
 Павел Кудрин.
 Константин Ив[анович] Ашихмин.
 Александр Алексеевич Попов.
 Иван Медведенков.
 Павел Бушков.

Из них два последние, Кудрин и, может быть, Бердников — светские.

Немедленно по принятии нас в семинарию составили общий список наш, перемешавши пермяков с далматовцами, поставивши неприкосновенными в главе его стареньких. При этом, по какой-то особенной фортуне, мне досталось 30-е место, хотя следовало занять 40-е.

Теперь кстати сделать несколько замечаний о сем новом товариществе моем, таком огромном и разносортном, какого еще никогда доселе мне не случалось иметь. Начну с наших.

Наш орел высокополетный, честь и слава Далматова, Лев Иванович по переходе в семинарию значительно присмирел и поджал хвост... Мы все были очень злы на него и потому постарались внушить пермякам самое недоброе понятие о нем. Пермяки, я думаю, не оставили этого без внимания и давали знать нашему Льву, что тут немало есть тигров... Он видимо желтел и сох.

Другой орел (называемый издревле «гусихой»), во время оно, в третьем классе, также немало клевавший нашу братью, здесь стал еще смирнее, просто сошел в ряд нас, плебейцев... но будет время — Виссарион Матвеевич еще раз выйдет на сцену, разыграет роль самого строгого и благочестивого старшего, разгласит о своем монашестве и потом наденет фрак...

Алекс[андр] Вас[ильевич], Андрей Григ[орьевич] и Стефан Никол[аевич] — троица благороднейших и прекраснейших людей, рано сойдут с земного поприща, к общему сожалению товарищества. Не столько можно жалеть о гордом характерном Леониде. А мой любезный Александр Павлович, прежде нежели умрет, еще расскажет мне печальную историю своего преткновенения, как бы нарочно для того, чтобы, с одной стороны, возжечь во мне злой огонь, а с другой, дать возможность убежать из пожара. Господи милостивый! прости и упокой душу его!

Егор Ив[анович] — неприятный (по прозванию: брыла), хотя и добрый, бурсачина завзятый, утиноголосый и слюнявый, часто больной глазами, всегда исправный и ревнивый в науке. Шел и здесь, как в Далматове, прямо напролом и в следствие времени играл важную роль. С ним кстати вспомнить и о старшем брате его, Осипе Ивановиче, отличном знатоке церковного устава и церковной истории, богослове а teneris unquiculis, который еще в 3-м классе проповедывал нам, что всякое матерное слово должно быть почитаемо оскорблением Божией Матери, и который в высшем отд[елении] потом обыкновенно вызываем был Бачком для решения богословских вопросов. Ему одному, ради его степенности и заматерелости, позволялось тогда нюхать табак... Потешная личность его теперь стала совершенно неизвестною.

О маленьком Николае Еф[имовиче], моем сакуре, всегда спокойном и положительном, ничего особенно отличного ска-

Виды Перми.
Почтовые
карточки.
Кон. XIX в.

зять нельзя. Он тихохонько прозябал под сению Шваревского, либо Сыропятовского дома и делил мечты свои между уроком и горошницей... Добренькая душа.

Андрей М[ихайлович] Федоров и Николай Меркурьев — неразлучные герои далматовщины — вскоре будут первыми (и страшными) закулисными двигателями всего класса, особенно первый.

Ив[ан] А[ндреевич] Удинцев и Quetuchin [Цветухин] по прежнему были образцами скряжничества, а потому и нетерпимыми товарищами.

Сродный брат мой, Вас[илий] Стефанович, бессердечный и некутьелюбивый, в это время еще смотрел себе под нос. Отношения наши друг к другу по-прежнему были косые.

Маленькая фигурка Петра Петровича вмещала в себе великую душу и сильнейший характер. Без всякого сомнения, он мог бы быть при других обстоятельствах образцовым атаманом разбойничьим. Он всю жизнь дрался и ссорился... Вскоре он станет в центре враждующих партий и будет весьма опасным. К несчастью, это давний сосед мой по месту рождения и по классическому стиху. Я всегда его страшился...

Мой закадычный Шахов (имя далматовского нищего), Д[имитрий] Ив[анович] Шкулев, и в Перми отчасти продолжал прежние отношения к своему Маса (имя другого нищего, с первым неразлучного), т. е. ко мне. Добрый и простой бурсак, хотя неясный взор его всегда говорил о закрытой и к себе обращенной душе.

Пашка Протопопов был мальчик прекрасной наружности, живой души, с отличным голосом, но, ко всему этому, уже с крепко развращенным сердцем и с языком безнравственным. С третьего класса еще он был дружен со мною, но нечистота его всегда отталкивала нас друг от друга. Жаль этого человека. Не знаю, не он ли был причиною того, что и Павловичу, с которым он был так же дружен, досталось немножко на кафтан грязи. И что сказать?... подчас я сам склонял слух к его рассказам...

Костуб, Пав[ел] Петрович (и отчасти Пузырев) — люди одного разбора, добрые, веселые, забулдыжные, приятные товарищи и собеседники. С ними еще много раз я встречусь в жизни, и с первым некогда ужасно растолкнемся.

Степоська был самый любезный сибиряк, не залетный, не ревнивый, прозванный потом Морфеем, ради удивительной

наклонности спать во всякое время и особенно в классе. Доброй ночи, Федорович!

Семиха — маленький, толстенный, черненький, с раздутыми ноздрями, живой и веселый малый. Почти совершенно таков же был и Ванька Насонов, разбитной весельчак и говорун.

Петра Прокофьева мы не любили за его благородную манеру, богатую и хорошо шитую одежду и другие качества, нетерпимые невежеством и бедностью. Он был родом из Камышлова, светского звания. Вскоре он уволился и поступил в какую-то Палату на службу.

О прочих не имею что сказать. Все вообще далматовцы были народ мужиковатый, мешковатый, на первый раз робкий,

но при всем том гордый и надутый своею ученостию, особенно же знанием латинского языка. Не даром же, в самом деле, над нами целые два года тяготел несносный Калькулюс (если при этом и опустить из виду далеко не так грозный λωαριον).

NB. Чудное дело! Не могу понять, куда девался наш великий оригинал Стефан Ив[анович] Арефьев. Я помню, что он был на приемном экзамене и отличался на славу. Если бы он остался учиться, был бы, без всякого сомнения, превосходный ученик. Историю и географию знал не в пример лучше всех нас.

Первый из пермяков, Павел Петрович, далеко не стоил нашего первого, собою очень невзрачный, подслеповатый, с тоненьким голосом, неразвязными минами, робкий, конфузливый. Его вскоре заслонил собою Димитрий Ив[анович] Бабайлов — с угловатую физиономиею, огромным ор-

линым носом, большими глазами, высокого роста, литератор и философ, с характером высоким и всегда ровным, уважаемый всеми без исключения. Феодосий Будрин тоже причитался к корифеям «их» стороны, чего он действительно стоил. Щапков — капризная кокетка. Был прежде того в архиерейском хоре солистом, жеманный, изнеженный и холодный, поднимавший нос не в меру своего возраста. Молва ходила о нем неровная...

Дайте отдохнуть и приготовиться... на сцену является мой миленькой Егорушко. При первых расспросах наших о новых товарищах наших нам, как о редкости, сообщили сведения о некоем Зубкове, маленьком, как наперсток, но умном и бойком, далеко за свой рост и возраст. Говорили, что он стоит в списке 3-м или 4-м... Я давно желал увидеть такую редкость и благоговел пред каждым мальчиком, опасаясь, как бы не встретить в нем того самого гения. Гению сему было много названий; обыкновеннее других было Ежка, а в солидном виде Ега, звали также и Кóкой. Впоследствии, при ознакомлении нашем с мифологией, его стали звать Амуром, Купидоном и т. п. Из одних названий этих уже видно, что тут было что-то особенное. Это было прелестное дитя 12-ти лет, белокурое, с кудрями и голубыми глазами, румяное, статное, с чистым серебристым альтом, умное, невинное, доброе... Не знаю, что можно придумать, чего бы недоставало к его совершенству. Как грубая далматовщина не была предупреждена видеть в маленьком гении простую посредственность, она с удовольствием стала потом отзываться о нем как о украшении своего класса. Я два года не знал его. Луканин — здоровенный мужик с красной рожей, медвежьей талией и свинячим голосом, считался первым силачом класса и, некоторым образом, как бы хозяином его, потому что жил в нем. Два брата Шастины — дюжие детины с басистыми голосами. Федор Андреевич — джентльмен. Иван Львович — герой а la Блюхер. Петр Филиппович, высокий, живой, стройный, гибкий, сильный и отлично-ловкий дебошир. Дрался страшным образом. (Мы все его трепетали. Даже сам Луканин избегал с ним шероховатых встреч). Человек совершенно чуждый семинарского духа, пьяница и развратник... Не дай Бог с такими людьми иметь дело. Яков Никитич — уточка моховая. Яков Семенович... Сердце! ужели ты перестало трепетать при этом имени. На родине мы не знали друг друга. Голубчиков не даром носил эту фамилию. У них с Накоряковым очень много было сходного. Ник[олай] Ив[анович] говорил дискантом, а пел басом. Никола мой напрасно назывался Пьянковым. Пил одну воду... Высокий, белый, с веснушками, в желтой шубе, в зеленых широких брюках, в сарапульских сапогах, с добрым и чистым сердцем и ровным характером — товарищ был во всех отношениях примерный, стихотвор и живописец тоже не из самых последних. Долгом считаю сознавать себя навсегда ему обязанным благодарностию. Александр Пе-

трович, брат одного первого, рябой и безголосый, нечаянно оказавшийся моим приятелем (впоследствии времени) после того, как я, соскучившись сидеть без дела на греческом классе, послал ему однажды в виде комплимента записку, содержащую следующий античный стих: «Шадра бадра берестянна дыра». Нежное и деликатное чувство любезного рябчика несказанно обиделось таким похабством, и после класса вдруг прислал мне укорительное послание на целом листе... О tempo! Василий Ефимович — пьяный философ, которому шинель — порфира, а картуз на бок и без козырька — корона. Виссарион, с калмыцкой физиономией, разбойник из шайки Сабурова. Никаша — мужчина высокого роста, простяк и добряк, от которого всегда пахло тютюном и дегтем, — мой друг закадычный и долгое время сосед по классу. Семен Мих[айлович], скромнейший и тишайший двукратный сожитель мой — живописец и музыкант. Стефан Ив[анович] Прощикальников... стой, дай призадуматься. Этот повеса, ханжа и волокита приводит мне на мысль многое, что надо бы вырезать из памяти... Пропади ты с своею распластанною губою и бесстыдным взглядом. Я с намерением поставил тебя рядом с моим первым другом, Григор[ием] Ст[ефановичем] Макушиным. Этот бегемот стоил тебя, и вас недаром что-то связывало одного с другим прежде, нежели мертвый взор его пал на меня. До свидания, милая чета! Ал[ександр] Флоровский, сын богородского священника, образцовый баловень и скоморох. Стефан Юдич — удивительно устроенный организм — приплюснутый, искривленный, очень невзрачный, но вмещавший в себе добрую и трудолюбивую душу. Что-то особенное возбуждается в душе при имени Корепанова, но что такое, не пойму; ничего о нем не припомню, даже не могу представить его воображением. Чуть ли он не из наших далматовцев. Павел Семенович — 3-х аршин ростом, сухой и бледный, с закрюченным носом, прекрасный добряк и простяк. Кирилл Иванович — великолепный франт, удивительно статный и ловкий мужчина, сын о. Иоанна, замковского протоиерея. Иван Михайлович — тоже сын протоиерея — необыкновенного гримасника, черный, рябой, во всех отношениях пренебрежительный. Саша Конюхов — кажись, тоже протоиерейский сын, деликатный и холодный с благородным гонором и равнодушием к классическому делу. Николай Поднебесный и Кудрин — длинные угриноватые фигуры. Костинька или Котинька — горожанин, сыночек маменькин, вскормленный молочком и сахарочком,

черненький, с ползучими глазками и сладеньким язычком, скупенький, самолюбивенький, ну — просто: Котинька, чего ж тут больше?.. Ал[ександр] Алексеев[ич] Попов — ерыка, страстный любитель суслы, обыкновенно перед классом заходивший на базар, к сусленнику, и весь залитый тем же нектаром.

Вообще пермяки были народ фонный, с геройством в различных проявлениях, — эстетики, а следовательно, при первом случае, волокиты. Вдруг они научили нас многому, чего мы не знали и о чем часто не гадали... Дожившее век свой дебоширство и удалечество через них вскоре отразилось и на наших неповоротнях.

И вот мы, добрые 109 молодцев, начали учиться уму разуму. Главным профессором нашим почитался Василий Эмиллианович [Эмилльянович] — высокий, черный, дебелый мужчина с старинным, для нас, выговором, наряжавшийся в синий, до шеи застегнутый, с золотыми пуговицами фрак и такого же цвета брюки. Человек важный, всегда строгий и серьезный, медленный в речи и походке... Совершенная противоположность ему был другой наш профессор, Александр Михайлович, также высокий, но круглолицый с бакенбардами, живой и изворотливый щепетун, ходивший в сертуке и в шали поверх жилета, веселый, хотя с нами (словесниками) довольно необходимый. Нам известно было, что профессора наши не любили друг друга. Мы объясняли это так, что Василий Омелянович завидовал Крыловско-

му ради магистерской степени последнего, потому что сам был старшим (неправда) кандидатом, хотя и умнее был Ал[ександра] М[ихайлови]ча. Не знаю, насколько тут есть правды. Жили они оба в профессорском доме и ссорились чуть не до драки за одну комнатку. Упоминалось при этом как-то полено... может, им припиралась спорная дверь, а может быть, оно и другое имело употребление... Прежде всего, мне кажется, по словесности мы учили наизусть что-то по латыни из Лежоевой риторики. Потом, разумеется, принялись за *inim fundamentum omnis Eloquentia*... и стали письменно утверждать, что науки полезны, и что не только полезны, но даже и невредны (эпитет), и не только науки, но и просвещение... (синонимы). Если бы кто спросил оратора: да точно ли полезны? Да чем именно полезны, о, он бы сейчас дал отпор следующим образом. Он возгласил бы торжественно:

«Науки образуют ум»

и стал бы раскрывать эту тему пожалуй хоть таким образом:

Синоним к подлежащему: науки и просвещение образуют ум.

К сказуемому: науки образуют ум и понятия.

К связи: науки озаряют и образуют ум.

Эпитет к подлежащему: изящные науки и благонамеренное просвещение образуют ум.

К сказуемому: науки просвещают самый необразованный ум и трудные понятия.

К связи: науки совершенным образом образуют ум и понятия.

Противн[ое]: науки не затмевают, но более и более образуют ум.

А после всего этого, следовательно:

«Изящные науки и благонамеренные просвещения не затмевают, но более и более озаряют и образуют совершенно самый необразованный ум и самые трудные понятия».

А Василий Омелянович, узревши и оценивши такую непобедимую премудрость, написал бы на первом опыте так: «Довольно изрядно. 1 октября 1830 года».

На французском классе мы щебетали за Александром Михайловичем: ляренье пу се делясе и познакомились с французами Жоржем (после чего своего Егу стали звать также Жоржем) и Жакелиной (причем удивлялись, как из нашей Окулины французы сделали Жакелину). Профессор особенно занимался

с нами, и особенно с философами, с последними он нередко балагурил. Особенно с ним любил вступать в спор бессмертный Иакинф Осокин, великий ветрогон и энциклопедист и фанфарон. (В образчик его заносчивого пустомельства можно привести то, как он однажды рассказывал о состязании Гришки и Филатика, из коих каждый спешил опередить другого изданием в свет своего катехизиса... Дело шло не более, не менее как о митрополите М[осковском] Филарете и архиепископе Григории!). Я любил французский язык и занимался бы им с большею охотой, если бы кто обратил на это внимание.

По прибытии в Пермь я любопытствовал узнать, что делалось со стародавними знакомыми моими, далматовскими соквартирантами, так называемыми Дергачатами. Старший из них, Петр, давно уже был исключен и где-то пономарил. Младший, Алексей Степанович, во время оно старший мой, лежал в больнице и истаивал от страшной и недоброй болезни... Бедняк! Вскоре он умер. Прости, Господи, душу его! Иван Егорович Кудрявцев тоже не пошел в ход, давно был исключен. Наконец и любезный дядя мой, Михаил Григорьевич Варлаков, уже переписавшийся Лавровым, также пошел неудачно. Он попал в подлекарские ученики и исключился. Его не было, когда я приехал в Пермь. Кроме поклона (и, вероятно, гостинца) ему я имел поручение от родителей взять у него купленные братцем гусли (стоившие ему столько слез и неприятностей). Мне сказали, что он в последнее

Вид Перми.
Фото кон. XIX —
нач. XX в.

время жил в Шваревском доме и что я там могу осведомиться о гусях. Я ходил, но не мог там добраться никакого толку. Наконец приехал он сам; о гусях не долженствовало быть и помину. Дело приняло совсем другой оборот. Дядюшка мой разгневался, что я без его ведома стал на квартиру и требовал, чтобы я немедленно оставил ее и перешел на другую, вблизи семинарии (новый дом возле Швецова, на Монастырской улице). Я повиновался

и пошел на новоселье. Встретивши там лица незнакомые и неприятные (кажется, там квартировал сам Антон Лазаревич, бывший лектор греческого языка), я горько восскорбел, вышел на крыльцо, и с высоты его увидав прежнюю квартиру, залился слезами...

Дядя сжалился и позволил мне оставаться на старом месте. Я стрелою кинулся домой и счел долгом забыть о гусях. Соквартиранты также рады были, что дело кончилось благополучно. Впрочем, не всегда они были так обязательны. Василий Гр[игорьевич] хотел держать тон старшего и однажды, за какую-то провину, грубость что ли, с помощью Задорина так отжгутил меня полотенцем, что я ревел во все горло, надеясь, что вот кто-нибудь с хозяйской половины придет на защиту мою. Увы! тут я узнал, что более уже нет со мною Варвары Савишны. Услышь, бывало, она хоть малый писк своего милова — да тут подняла бы такой гам, да так бы на всех (особенно на бедного Платона) накричала, что вперед бы отпала охота кому бы то ни было и пальцем касаться меня... Теперь же ревел я с досады и частью от боли до тех пор, пока не заснул. Никто и не позаботился прийти с утешением... О, судьбина злая! 12-го числа, в день именин отца хозяйки нашей, помнится, нам было некое угощение в столе.

14-го, на утрени, я в первый раз видел обряд воздвижения креста, причем певчие попеременно пели то «Господи помилуй», то: *κύριε ἔλεησον*. Служение архиерейское занимало меня в высшей степени. 20-го числа, в субботу, была ярмарка около Петропавловского собора, на коей наши Павел да Семен купили две картинки, изображавшие обоих тогдашних фельдмаршалов русских, Забалканскаго и Эриванскаго. Лишь только картинка были прибиты на стену, вскоре они покрылись сзади выступающими чернильными чертами. Немало удивился я, когда узнал,

Гусли шлемовидные.
XIX век. Из коллекции
музыкальных
инструментов
дома-музея
П.И. Чайковского
в г. Алапаевске

что виновниками этой каллиграфии были тараканы, напившиеся чернил и потом заползшие за картины. Мало-помалу прошел сентябрь, первый месяц моего семинарства. Я учился с охотой и весело. Василий Омел[ьянович] обратил на меня несколько большее обыкновенного внимание, особенно когда узнал, что я квартирую в соседстве с ним. Не раз я был у него за делом. Он сделал меня даже аудитором, хотя и последним. Слушались у меня Медведенков, Кудрин и не помню еще кто. Если бы он пожил долее, может быть я скоро бы оказался хорошим учеником. Заметно было, что он скучал в нашем краю.

Попов Андрей Андреевич.
«Балаганы в Туле
на Святой неделе».
1873 г.

ОКТЯБРЬ

реда, 1-е число. 1830 г. До Воздвижения ко всенощным и обедням мы ходили в собор. Собирались предварительно в семинарии, приходил туда Ал[ександр] Мих[и-хайлович], который, вероятно, исправлял должность инспектора в то время и вел нас в церковь рядами через архиерейский сад, мимо ректорского дома. В холодном соборе мы становились под хорами, занимая северную половину возвышения. Когда с Воздвижения перестали правиться с вечера всенощные в соборе, мы ходили в Крестовую церковь, где так особенно интересовало то, что преосвященнейший Мелетий после службы выходил из северных дверей алтаря и благословлял народ. С 1 октября стали служить в теплом соборе, и нам отведено было особенное место за правою печкою.

Первое, самое занимательное в сем октябре было прибытие нового инспектора. Не помню, когда именно, кажется, уже по снегу, подкатил он к нам тихохонько, как кот... С несказанным любопытством в одно утро смотрели мы по направлению от класса нашего к березе, ожидая узреть восьмое чудо света. Показалась

Деревянный иконостас
XVIII в. Пермского
кафедрального собора.
Фото из фондов
Государственного
архива Пермского края

Торговка пирожками.
Русские типы.
Фото кон. XIX —
нач. XX вв.

черная фигура, как мыши, мы разбежались по местам. В класс явился высокий и бледный монах, иеромонах Никон (Щеглов), старший кандидат, только что кончивший курс в Московской академии... «Ему привет, ему поклон»... Раскланялся и он нам. Развернув список, стал перекликать нас с тем, чтобы познакомиться с нами. Говорил так тихо, что нельзя было расслышать ни одного слова... Подожди! он заговорит еще другим голосом... Немедленно он произвел реформу в преподавании гражд[анской] истории, вместо Шрекка¹ стал выдавать записки (вероятно, из Кайданова², тогда еще диковинного) о Нехао, Фраорте, Псам-

¹ Шрек Иоганн Матиас (1733–1808) — немецкий церковный историк, автор учебника «Древняя и новая всеобщая история» и др. — *Ред.*

² Кайданов Иван Кузьмич (1782–1843) — русский педагог, автор учебников истории. — *Ред.*

метихе, Ромуле и других чудах мира древнего. С наступлением холода уже не так весело было учиться. Незачем было ни сидеть у ключика, ни бродить за забором. Для героев наших Сабуровых и им подобных также прошла милая пора рыцарского страдания, под чем разумелись набеги на соседний архиерейский сад и огород (таким удалством занимался даже сам любезный мой Ив[ан] Иванович, у которого в минувшую вакацию нечаянно оказался в руках мешок с картофелью в то время, как он лез через один забор... Слышно было, что при этом случае потерпели не один только мешок да забор, а и еще кое-что... впрочем, чего не выдумает клевета?). Вообще близилось время невзгодное. Но все это было начало болезням. Неслась с запада туча бед и скорбей — х о л е р а, о которой мы еще в Далматове столько наслышались рассказов, самых страшных... Поговаривали уже давно, что она свирепствует в Казани и идет на нашу Сибирь. Теперь стали проноситься слухи, что она уже близко, Однажды мы, собравшись на больничном крыльце, сами были свидетелями, как бедная собака издыхала невдалеке в страшных судорогах... Однако ж, не взирая на все это, мы продолжали учиться. Середчиха каждое утро обыкновенно ждала нас у класса с целым коробом пирогов (в постные дни с малиною, а в молосные, т. е. скоромные, с мясом) грошовых. В классе Бургий кормил латинью. Ходил по классам иногда и о. ректор. Однажды он пришел и чуть не всех заставлял вдруг говорить примеры на риторические правила, не давая ни секунды для соображения... Сколько было смеху, когда один кто-то в пример синонимов указал на картуз

Церковь иконы
Божией Матери
«Всех скорбящих
Радость» при
губернской тюрьме
в Разгуляе, г. Пермь

Издавна люди пытались остановить распространение опасных инфекционных болезней (в первую очередь — чумы и холеры) путем прекращения всякого общения с больными. Вводимый властями запрет на въезд и выезд из охваченных эпидемией местностей в XIV столетии получил в Европе название «карантин». Это слово происходило из итальянского языка и в оригинале означало «quaranta giorni» — «сорок дней». На многодневный карантин ставили в первую очередь корабли, прибывавшие в Италию из Турции и Египта. Если за это время на борту судна не обнаруживали больных — корабль допускали в порт. В России уже во времена Ивана Грозного жестокому карантину подвергались дома и городские кварталы, где появлялась «морская язва». Нарушителей запрета бросали в огонь. Во времена Пушкина периодически возобновлявшиеся эпидемии заставляли правительство объявлять на карантинном положении зараженные уезды и губернии. Самовольное нарушение карантина грозило виновным смертной казнью или лишением всех прав состояния. Однако всеобщая уверенность в бесполезности карантинных, продажность караульных и русский «авось» открывали любые заставы. <...> Осенью 1830 года, едва выбравшись из охваченного эпидемией Нижегородского края, Пушкин пишет <...> «В конце 1826 года я часто видался с одним дерптским студентом (ныне он гусарский офицер и променял свои немецкие книги, свое пиво, свои молодые поединки на гнедую лошадь и на польские грязи). Он много знал, чему научаются в университетах, между тем как мы с вами выучились танцевать. Разговор его был прост и важен. Он имел обо всем затверженное поня-

тие, в ожидании собственной поверки. Его занимали такие предметы, о которых я и не помышлял. Однажды, играя со мною в шахматы и дав конем мат моему королю и королеве, он мне сказал при том: Cholera-morbus подошла к нашим границам и через пять лет будет у нас. О холере имел я довольно темное понятие, хотя в 1822 году старая молдавская княгиня, набеленная и нарумяненная, умерла при мне в этой болезни. Я стал его расспрашивать. Студент объяснил мне, что холера есть поветрие, что в Индии она поразила не только людей, но и животных и самые растения, что она желтой полосой стелется вверх по течению рек, что, по мнению некоторых, она зарождается от гнилых плодов и прочее — все, чему после мы успели наслышаться. Таким образом, в дальнем уезде Псковской губернии молодой студент и ваш покорнейший слуга, вероятно, одни во всей России, беседовали о бедствии, которое через пять лет сделалось мыслию всей Европы. Спустя пять лет я был в Москве, и домашние обстоятельства требовали непременно моего присутствия в нижегородской деревне. Перед моим отъездом Вяземский показал мне письмо, только что им полученное: ему писали о холере, уже перелетевшей из Астраханской губернии в Саратовскую. По всему видно было, что она не минует и Нижегородской (о Москве мы еще не беспокоились). Я поехал с равнодушием, коим был обязан пребыванию моему между азиатцами. Они не боялись чумы, полагаясь на судьбу и на известные предосторожности, а в моем воображении холера относилась к чуме как элегия к дифирамбу. Приятели, у коих дела были в порядке (или в привычном беспорядке, что совершенно одно), упрекали меня за то и важно

говорили, что легкомысленное бесчувствие не есть еще истинное мужество. На дороге встретил я Макарьевскую ярманку, прогнанную холерой. Бедная ярманка! она бежала, как пойманная воровка, разбросав половину своих товаров, не успев пересчитать свои барыши! Воротиться казалось мне малодушием; я поехал далее, как, может быть, случалось вам ехать на поединок: с досадой и большой неохотой. Едва успел я приехать, как узнаю, что около меня оцепляют деревни, учреждаются карантинны. Народ ропщет, не понимая строгой необходимости и предпочитая зло неизвестности и загадочное непривычному своему стеснению. Мятажи вспыхивают то здесь, то там. Я занялся моими делами, перечитывая Кольриджа, сочиняя сказки и не ездя по соседям. Между тем начинаю думать о возвращении и беспокоиться о карантине. Вдруг 2 октября получаю известие, что холера в Москве. Страх меня пронял — в Москве... но об этом когда-нибудь после. Я тотчас собрался в дорогу и поскакал. Проехав 20 верст, ямщик мой останавливается: застава! Несколько мужиков с дубинами охраняли переправу через какую-то речку. Я стал расспрашивать их. Ни они, ни я хорошенько не понимали, зачем они стояли тут с дубинами и с повелением никого не пускать. Я доказывал им, что, вероятно, где-нибудь да учрежден карантин, что я не сегодня, так завтра на него наеду, и в доказательство предложил им серебряный рубль. Мужики со мной согласились, перевезли меня и пожелали многие лета»¹.

¹ Борисов Н. С. Повседневная жизнь русского путешественника... С. 115–118.

Доктор Решетилов
осматривает больного
сыпным тифом
Кузьму Кашина
в селе Накрусове.
Фото М. П. Дмитриева.
1891–1892 гг.

и шляпу. Нам очень нравился о.ректор. Был он человек простой и веселый, немножко философ, а потому ко многому равнодушный и немного взыскательный. Вел себя без особенной аккуратности, важничать не любил. Мир памяти его!

С половины октября слухи о холере стали расходиться более и более. Около 20-го числа умер скоропостижно служитель семинарии. А в остроге насчитывали уже человека четыре умерших таким образом. Гражданское начальство немедленно приняло различные предохранительные меры. Вероятно, 21-го числа, когда мы вечером перед всенощной собрались в столовую, инспектор, пришедший по обычаю провести нас в церковь, вдруг поразил нас следующими, трагически произнесенными словами: «Несчастные! вас приказано распустить по домам». Как раз попал! Экое несчастье! Давай нам такого несчастья как можно более... Не знаю, как могли мы после такого известия стоять и молиться в церкви. Не помню, как прошли следующие четыре дня. В субботу объявлено было в городе, чтобы народ не собирался на всенощную в Крестовую церковь, а в воскресенье хотели оцепить город.

Нам вдруг выдали билеты, дали денег на дорогу по пяти и по десяти рублей, наняли подводу в Сибирь и сказали, чтобы убирались себе поскорее. Вечером под воскресенье мы уже совсем собрались и, кажется, перебрались на постоянный двор,

Десятирублевая ассигнация. 1819 г.

впрочем, верно не знаю. В воскресенье 26-го числа мы рано должны были оставить зараженный город. Сам о.ректор подряжал извозчиков. Обоз наш состоял по меньшей мере из 30 телег, из коих на каждой предположено было поместить по 4 человека. Не знаю, почему-то обоз этот был разбит на две части. Командиром одной из них был поставлен Димитрий Чернавин (второй ученик богословия), а другой — Феодосий Могильников (переименованный в Перми в Успенского). По ходатайству Стефана Васильевича я попал в последний обоз и при том на телегу самого Феодосия. Почти в темноте уже 26 октября вечером, после многократных и долговременных остановок, наконец мы двинулись огромной вереницей по грязно-застывающей дороге и раскланялись, к общему удовольствию, с Пермью.

Поздно ночью прибыли в Тасимки¹ и остановились у татарина. Все стремились погреться в теплой избе и столпились, как сельди в бочонке. Несмотря на значительный голод, я не успел поужинать — или потому, что не мог пробиться к столу, или потому, что брезговал татарским кушаньем. Здесь-то Корионов (Иван Алексеевич) удивлял нас и ямщиков, и татар-хозяев своим разговором по-татарски.

Обелиск при въезде в с. Кыласово Кунгурского района Пермского края. Фото О. А. Серебренникова. 2017 г.

На другой день, 27 числа раненько утром отправились мы далее и в Янычах, вероятно, пообедали. Тут где-то первый обоз отстал, и мы ехали уже одни. Вечером, уже в темноте, когда мы все о том только и думали, как бы поскорее добраться до Кыласова и там обогреться, вдруг увидели впереди себя на дороге разложенный огонь, и когда первая телега поравнялась с ним, услыша-

¹ Тасимки (Тасимова, Каянова) — ныне с. Кояново. — Ред.

Уже Иван III в своем завещании (1504 г.) приказывал наследникам хранить созданную им по примеру монголов систему «ямов» — постоянных дворов на больших дорогах, где могли остановиться и сменить лошадей лица, следовавшие «по государеву указу». Позднее, со времен Петра Великого, такого рода заведения именовались «почтовыми станциями»¹.

Устроенные за счет казны почтовые станции (станы) отдавались на содержание частным лицам. Они обязаны были иметь на каждом стане по 25 лошадей, по 10 кибиток на колесах или санях, а также всю экипировку, необходимую для почтальонов и перевозки почты (конскую упряжь, чемоданы, сумки, седла, форменные мундиры почтальонов). <...> Доходы содержателя почтовой станции складывались из законодательно установленной платы проезжающих за прогоны (по 12 копеек за 10 верст), доходов от продажи еды и спиртных напитков на почтовой станции, от размещения путников на ноч-

лег. Все, что касалось работы почты, подлежало строгой государственной регламентации. Курьеров надлежало зимой и летом везти со скоростью 12 верст в час, а осенью и весной — 11. Прочих путников предписано было везти помедленнее: зимой и летом — 10, а весной и осенью — 8 верст в час. Всех пользовавшихся услугами почтовой станции, а также всю корреспонденцию регистрировали в особые книги. <...> В ряду мероприятий Николая I по благоустройству Российской Империи стояло и сооружение на главных дорогах единообразных по внешнему виду и удобных для путников почтовых станций. Некоторые из них сохранились до наших дней <...>. Их характерный облик — стрельчатые готические окна, высокое крыльцо и дверь посреди главного фасада, две большие комнаты по сторонам от сеней, широкий двор с колодцем и навесом для лошадей и экипажей — напоминает о тех временах, когда от быстрого бега почтовых у путника захватывало дух. <...> Внешний вид станций зависел от архитектурной моды и со временем ме-

¹ Борисов Н. С. Повседневная жизнь русского путешественника... С. 156–157.

нялся. Иные выглядели простой избой, иные — путевым дворцом. Многие зависело и от материальных возможностей устроителя станции. <...> Впрочем, даже такой адепт беспристрастия, как Александер, не может обойти молчанием довольно неприглядные и непривычные для иностранца картины, открывавшиеся на почтовой станции. «В трактирах и на почтовых станциях можно видеть спящих слуг и ямщиков. Они лежат в овчинных шубах прямо

на ступеньках либо на полу в коридоре, рядом со свиньями. На спящих, как на насестах, сидят куры. Я никогда не встречал людей, столь безразличных к тому, где им придется спать, как русские мужики. Да и люди высших сословий не особенно привередливы: если вечером они попадают на постоялый двор, то укладываются прямо на лавки, и слуги укрывают своих господ одеждой»².

² Борисов Н. С. Повседневная жизнь русского путешественника... С. 123, 126, 128–129.

Последним по удобствам и красоте отделки, но первым по пространности средством передвижения была простая крестьянская телега. Облик этого поистине «народного экипажа» был прост, а комфорт — аскетичен. Таким его и представил Теофиль Готье в своих записках о России. «Во дворе почтовой станции не было других свободных повозок, кроме телег, а нам нужно было ехать пятьсот верст только до границы. Чтобы по-настоящему объяснить весь ужас нашего положения, необходимо небольшое описание телеги. Эта примитивнейшая повозка состоит из двух продольных досок, положенных на две оси, на которые надеты четыре колеса. Вдоль досок идут узкие бортики. Двойная веревка,

на которую накинута баранья шкура, по обе стороны прикреплена к бортам, образуя нечто вроде качелей, служащих сиденьем для путешественника. Возница стоит во весь рост на деревянной перекладине или садится на дощечку. В это сооружение запрягают пять маленьких лошадок, которых, когда они отдыхают, вследствие их плачевного вида не взяли бы даже для упряжки фиакров, так они несчастно выглядят. Но, однако, если они уже запущены в бег, лучшие беговые лошади за ними поспевают с трудом. Это не барское средство передвижения, но перед нами была раскисшая от таявшего снега адская дорога, а телега — это единственная повозка, способная ее выдержать»³.

³ Борисов Н. С. Повседневная жизнь русского путешественника... С. 50–51.

ли громогласное: стой! нельзя ехать. Здесь карантин! Мы сперва не понимали, что это такое за тарантин, и считали дело пустяковым. Совсем не то вышло...

Подрядчика нашего предварили, что он встретит на черте Кунгурского уезда затруднение и советовали запастись для этого пропускным свидетельством... И тогда не могли мы понять, в чем тут состояло препятствие, и теперь не могу уяснить себе этого дела, знаю только, что подрядчика самого не было с нами, и он где-то ранее остановился и охлопатывал, что нужно. Мы же, к крайнему огорчению нашему, от карантинного огонька повернули назад и выпросились на постой к одному мужичку, в деревне Ботовой. Чего мы тут не натерпелись! Трое суток бедовали... Претяжелое воспоминание. Пусть лучше забуду об этом времени. 30-го числа прибыл другой обоз наш, и мы потащились далее, совершенно обескураженные и упавшие духом. На ночь прибыли в Кунгур, где опять встретили остановку, так что обед провели тут же. Приношу покаяние в грехе своем. Здесь я обедал на постоялом дворе и не расплатился за стол. Заплатить следовало 14 копеек... Когда уже решено было ехать, я потихоньку ушел из дома с тем, чтобы идти помалу вперед и направил быстро стопы свои вперед, на гору, там я встретил С. Н. Карпинского, и пошли мы вместе. Тяжело было сознавать себя плутом, но воротить сделанного уже было нельзя. Впрочем, такой поступок был следствием не только скупости, сколько бедности. В проклятом Ботовом мы проели все деньги (а еще более их раскрадено, потому что холод леденил руки и не позволял каждый раз запира́ть на замок сундука), и оставшийся у меня рубль я берег для дальнейшей, по предположению, еще бедственнейшей дороги. Вообще все мы были так бедны, что не стыдились питаться всем, что Бог послал и что рот достал... Некоторые, особенно дети, то распродали, то растеряли почти все, что везли с собою, и спасались единственно шубами, которыми милостивое начальство наделило бурсаков на дорогу. Занимательнее всех, в этом отношении, в обозе были два брата, первоклассники Пономаревы, из коих меньшой назывался Крискент, а проще Клэстя, ростом с пуговицу (он потерял даже шапку свою и ехал завернувшись в шубу). Но когда достигли Кунгура, их там пригрела какая-то родственница и дала по рублю на брата на дорогу. Что же? Голяки зашли в харчевню и все сполна деньги проели на пельменях!! — В тот же день на ночлег прибыли в Моргунову, где нас, очо́ченелых, и в комнату не пустили.

На стр. справа: старинный дом и Николаевский храм в с. Кыласово Кунгурского района; виды на г. Кунгур с колокольни храма в честь Тихвинской иконы Божией матери, на переднем плане — Спасо-Преображенский храм; Тихвинский храм в г. Кунгуре. Фото О. А. Серебренникова. 2017 г.

Самым обычным видом, постоянно проплывавшим перед глазами путника, были крестьянские избы. Их местные особенности только подчеркивали общую, отточенную веками конструкцию и планировку. И если для русского путешественника изба с ее атрибутами была чем-то давно известным и очевидным, то для иностранца она являлась предметом наблюдения и изучения. Вот как описывает русскую избу в деревне между Смоленском и Оршей Эуген Хесс (1839 г.). «На обратном пути, проезжая через какую-то деревню, мы остановились у крестьянского дома и вошли в него, чтобы немного отдохнуть от жары. Вот тут-то мы и смогли все очень точно рассмотреть. Русская крестьянская изба целиком построена из круглых, очищенных от коры бревен, которые положены друг на друга и вырезаны так, что по углам концы одного бревна входят в концы другого. Щели затыкаются паклей. Щипец довольно острый, а крыша крыта досками или соломой. Печные трубы из кирпича и низкие. Все русские очень заботятся о красоте окон. Обычно они большие и дают много света, а с внешней стороны, на-

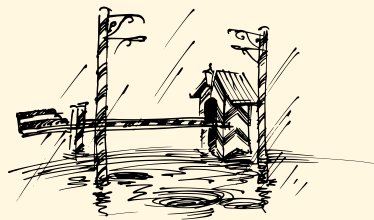
верху и внизу, украшены пестро расписанной резьбой. Около жилого дома, примерно в восьми-двенадцати футах от него, как правило, стоит амбар, тоже сложенный из бревен, где находится хлев и прочее. Большие ворота, рядом с которыми есть маленькая калитка, соединяют амбар с домом. А сзади эти два здания объединены третьим, имеющим длинную дощатую стену и крышу, подпертую спереди столбами. Здесь стоят телеги, сани, плуги и тому подобное. Внутренность избы состоит фактически из одной комнаты, в которой и живет семья. Комната небольшая, с низким потолком и стенами из обтесанных бревен. В пакле, которой заткнуты щели, скрывается великое множество вредных насекомых. Значительную часть комнаты, больше четверти, занимает огромная печь. Это как раз та самая часть дома, на которой, рядом с которой и в которой русский крестьянин, в сущности, и живет. Печь сложена на глине из обожженной глиняной плитки, которая от жара и дыма со временем становится черной. В ней много самых разных устройств, благодаря чему в ней можно варить и печь, а что еще требуется от простой кух-

ни? В печи женщины моются, а мужчины, когда хотят почувствовать себя счастливыми, заходят в нее, чтобы оказаться в парной бане в собственном смысле этого слова. Внизу к подножью печи приделана глиняная лежанка для сна, и можно было бы подумать, что там уже достаточно тепло. Так нет, русские устраивают свою постель на самом верхе печи и совершенно счастливы, оказавшись зажатыми между закопченным от дыма потолком комнаты и этим вулканом. Обычно вблизи печи стоит также самый необходимый для русского домашнего обихода предмет, а именно самовар, или чайный котел. Никакой настоящий русский не может быть доволен жизнью без чая. Весь день он пьет горячий или холодный чай, конечно, без молока и без сахара. Лишь иногда он положит в рот крохотный кусочек сахара. На печи находится также место и для многочисленных предметов, необходимых в доме, таких как каркас для сушки белья, кухонная посуда и разнообразные инструменты. По стенам вдоль всей комнаты поставлены лавки, в одном из углов стол, и над ним висит большой священный образ, в котором написаны только голо-

ва и руки, а все остальное покрыто золотом и серебром, очень богато проработанным рельефом, и иногда со вставками из драгоценных камней и жемчуга. <...> Сверху, с потолка, на цепи свисает очень изящная серебряная филигранная лампада. Обе эти вещи, образ и лампада, могут быть пышными и скромными, но они непременно присутствуют даже в самой бедной хижине. На столе лежит продолговатый кусок полотна, концы которого отделаны белой и красной бахромой и очень тонко вышиты красным. Убранство комнаты завершают несколько плохих, пестро раскрашенных гравюр на стенах с сюжетами из священной истории или портретами императора, полководцев и т. п.»¹.

¹ Борисов Н. С. Повседневная жизнь русского путешественника... С. 88-90.

НОЯБРЬ

Суббота. 1-е число. Продолжали горемычное путешествие. Обедать останавливались, вероятно, в Ключах, а на ночь добрались до Ачита, не доезжая коего, я нарочно вылез из телеги и пошел вперед с несколькими спутниками, и лишь только нас пустили на квартиру, я стрелою кинулся в избу и прямо затащился на полати, откуда уже никакие силы не могли стащить меня. Великолепно выпался, измученный холодом и трескотнею. 2-го числа обедали в Бисерти, ночевали в Кленовой. 3-го числа обедали в Кыргышанской. Тут снова получили неприятную весть о имеющей быть задержке. Со следующей станции начинается Екатеринбургский уезд, и мы должны будем выдержать карантин. С неприятным предчувствием приближались мы ночью к Гробову, и лишь только въехали в оное, немедленно получили приказанье ехать в казарму, или, по-тамошнему, в казamat и выбрать с собою все вещи. Так мы и сделали. Квартира наша на этот раз была огромная, премерзкая комната с нарами и маленькими окнами, украшенными чугунными решетками. Кругом комнаты, по нарам, разместились мы с своими животами. Было холодно и голодно. Вересом¹ до того наку-

На стр. справа:
часовня на источнике
и старинные дома
в с. Ключи Суксунско-
го района Пермского
края; современная
реконструкция вер-
стового столба
и храм в честь Архан-
гела Михаила в пгт.
Ачит; Ильинский храм
в п. Первомайский
(бывшее с. Гробово)
Нижнесергинского
района Свердло-
вской области. Фото
О.А. Серебrenникова.
2017 г.

¹ Можжевельником. — Ред.

Плахов
Лавр Кузьмич.
«Пирушка водовозов»,
1833 г.

рено было, что мы не различали друг друга. Успели где-то достать ковриги две хлеба, да натащили водки и вдруг неожиданно, нечаянно открыли такой праздник, какого я и сроду не видал. Шум, говор, рев, пляска, бегание, свистание, ржание — просто: что кому в голову приходило, тот то и выкидывал к общей потехе. Еще и теперь как бы гудит в ушах песня «Ах на что ж было мне на свете жить, во кручине быть...», петая по крайней мере 80-ю голосами, до крайности напряженными... Особенно же выразительно пелось слово «горемыкаю». Холодная и голодная, хотя и разгульная, ночь эта прошла без сна. Жители встревожились, обретши вдруг среди себя таких милых гостей, присылали депутацию с просьбой дать им покой, но не на таких напали... Скучно и грустно описывать дальнейшие сцены пребывания нашего в этой тюрьме. Гонимые холодом, толпились мы в другой меленькой комнатке, дня за два перед тем топленной, и там засыпали хоть на малое время во всевозможных положениях, пока одни не были выгоняемы другими, искавшими того же, для всех вожделенного, тепла. Голод заставлял нас друг у друга вымаливать, а то вырывать и красть черствые и замерзшие корки хлеба. Помню, как один бурсак залез в печку и там ел тихомолком положенный для оттаяния хлеб, а мошенник Клестя, взобравшись

на колени к какому-то богослову, когда тот ел хлеб, пристально и долго смотрел ему в глаза, а руками между тем прибирал к себе в рукава кусок за куском, пока тот остался чисто без хлеба... Около обеденной поры 4-го числа, во вторник, нам приказано было разложить по казарме все вещи, раскрыть ящики и прочее, а самим выйти на время. Явилось человека два карантинных приставников, обрызгали вещи наши и нас самих каким-то белым раствором, похожем на известь, и сказали, что мы можем теперь ехать. Часу, может быть, в 3-м мы снова уложились в телеги, оставили ненавистное Гробово. При этой перетряске и переборке немало у нас распропало вещей. Я потерял сертук (старенький) братцев, брюки и еще что-то. Ночевать прибыли в Билимбаиху. 5-го числа, в среду, обедали в Решотах¹ и к ночи достигли Екатеринбурга. То-то радость! Вероятно, еще ночью я добрался до родных своих и чувствовал себя, точно в раю, после ботовских и гробовских истязаний. Немало вызвали смеху и воздыхания рассказы мои о героическом путешествии.

Четверток, а не пятница. 6 н[оября]. Спутники мои живо отыскивали подводу до Шадринска. Медлить было нечего. Надобно было заявить билет свой в городском управлении. Но за этим прожили мы целый день. Уж вечером, в сумерках, мы получили свои бумаги. В радости я побежал проститься в дядюшкой Стеф[аном] Леонтьевичем. Сидел у него немало. Простившись, пошел на квартиру к о. Николаю Николаевичу, но дорогой как-то спохватился и не нашел при себе билета... Горе и слезы. Что тут делать? Ночь темная и снежная. Изволь искать пропажу. Бегом мы (с Ив[аном] Ив[ановичем] Хайминым, вероятно) обратно к Стеф[ану] Леонтьевичу. Едва достучались. Дома была уже одна только сестрица, Евгения Ст[ефановна]; искали окаянного билета дома и около дома и, не нашедши, пошли опять тем же следом, повесивши носы. Я так просто плакал. Родные утешили.

Пяток. 7 ноября. Рано утром, полагать надобно, мы оставили Екатеринбург и в числе шестерых товарищей покатались в родную Сибирь на двух телегах. Не знаю, как мы ехали, к ночи дотащились до деревни Темной, местожительства извозчика нашего. Скудненько чего-то поужинали и на полатах заснули.

Суббота. 8 н[оября]. Раненько встали и отправились далее уже на санях. Живо и весело полетели мы, даже самое обстоятельство, что мы много раз наваливались, доставило нам

¹ Ныне — дер. Старые Решёта. — Ред.

удовольствие, хотя мне один такой навал стоил подушки, о которой я сердечно пожалел, потому что она была набита пухом из домашних гусей. В обедню мы были уже в Каменке¹ и кормили лошадей. К ночи прибыли в приснопамятный наш Далматов, под теплое крылышко Варвары Савишны. Расспросам конца не было. Мне любопытным казалось знать, все ли в околотке так, как было во дни оны, жив ли тот-то и тот-то... Воевода прекратил мою болтливость ироническим замечанием, что «еще не много веков прошло с тех пор, как тетушкино милое улетело в Пермь». Великолепно заснул, в чаянии в будущем еще большего великолепия.

Воскресенье 9 ноября. «Г[оспо] ди, И[исусе] Христе, Боже наш, помилуй нас...», — раздалось под окном. — «Аминь», — мычу я сквозь сон, воображая, что Сотников, по условию, стучится и будит меня, чтобы скорее ехать. Но стук относился не ко мне. Однако ж он поднял тетушку на ноги и заставил затопить печку... Вскоре ударили в знакомый большой колокол. Это был благовест к заутрене. Мне было не до молитвы. Вскоре явились на сцену любезные преженики, набедствовавшись коими, мы веселехонько, еще до свету, выбрались из Далматова. Дальнейших обстоятельств путешествия не припомню. Большою ли дорогой ехали мы на Шадринск, или проселком, прямо на Батурину, забыл. Знаю, что уже ночью достиг я ее великолепных стен и улиц, к решительному изумлению всего православного люда и к радости моего родного круга. Расспросы были бесконечные, а ответы тем более.

O tempora amabillimata!

Вскоре по приезде я почувствовал в себе решительное расстройство головы и желудка и слег в постель. Недели две меня мучила лихорадка, но, слава Богу, не имела худых последствий. Неотступная внимательность и попечительность маменьки вылечили меня без всяких медикаментов. 30 ноября я был уже почти здоров, хотя еще не мог пойти в церковь.

На стр. справа:
Село Батуринское.
Фото Э. В. Кутыгина.
2013 г.

¹ Ныне — г. Каменск-Уральский. — Ред.

В 1905–1906 годах Шадринское уездное земство произвело экономическое обследование местных грунтовых дорог. Земство различило три вида грунтовых дорог. Главные тракты — их было пять: Челябинский, Ялуторовский, Исетский, Камышловский и Петропавловский; все они сходились в г. Шадринске. Тракты второго разрядные, так называемые купеческие, т. е. не почтовые и не земские, их два — Тамакульско-Шадринско-Мишкинский и Мехонско-Курганский. Проселочные дороги — Вознесенско-Кривская с продолжением на Далматово, Бродокалмакско-Песчанская, Далматово-Першинско-Верхтеченская и Песчанско-Катайская; всего семь проселочных путей, все они отнесены к 3-му разряду трактов.

Челябинский тракт был протяженностью 180 верст, из которых 135 приходилось на Шадринский уезд, где он проходил в Барневской, Красномысской, Белоярской, Уксянской, Верхтеченской, Русско-Теченской и Бродокал-

макской волостях, имел «высокое торгово-промышленное значение».

Ялуторовский тракт шел от Шадринска на Ялуторовск Тобольской губернии, в пределах Шадринского уезда пролегал на 74 версты. Он обслуживал три волости: Крестовскую, Кондинскую, Мехонскую.

Петропавловский тракт соединял Шадринск с Курганом, а затем шел на Петропавловск. В Шадринском уезде он обслуживал волости: Осиновскую, Каргапольскую и Барневскую.

Исетский тракт, один из наиболее важных в районе, соединял Шадринск с Далматовом, а затем шел на Катайск и Каменский завод: «по этому тракту идет много хлеба, который прямо везут в Екатеринбург, что особенно замечается зимой». До Далматова тракт обслуживал местные нужды Сухринской и Замараевской волостей.

Шадринско-Камышловский тракт имел длину 110 верст, из которых 50 пролегал в Шадринском уез-

де, тракт обслуживал Иванищевскую и Кривскую волости.

Из трактов второго разряда Тамакульско-Шадринско-Мишкинский имел для Шадринска особое значение, как связывающий его по кратчайшей линии с Сибирской железной дорогой.

Другой путь этого разряда — Мехонско-Курганский служил для перевозки сельскохозяйственных грузов из северо-западной части уезда к железнодорожной станции Курган.

Вознесенско-Кривская проселочная дорога служила для провоза лесных материалов от села Вознесенского на Далматов, а также хлеба, идущего на село Катайское. Далматов служил центром лесной торговли.

Шадринско-Талицкая проселочная дорога соединяла промысловые села Могильное, Ольховское, Вознесенское, Басмановское, Буткинское и Талицкий завод (завод Поклевского для винокурения).

Мехонско-Окуневская проселочная дорога вела от с. Мехонского через

волости Мехонскую, Усть-Миасскую, Каргапольскую и Бакланскую. От Мехонского до Окуневской 56 верст.

Проселочная дорога между селами Бродокалмакским и Песчанским соединяла с ними села Беликульское, Ново-Петропавловское и Уксянское, а отсюда уже шла в Челябинск.

По Песчано-Катайской дороге с селом Катайским соединялись селения: Ушакова, Басказык, Анчугова, Верхтеченское, Казанцева, Петропавловское и Песковское. Хлеб из Усть-Миасской и Песчанской волостей везли в Катайск по этому пути. Протяженность его 57 верст¹.

¹ Пашков А. А. Зауральское Приисетье — земля Шадринская (до февраля 1917 года). Шадринск: Шадринский Дом Печати, 2011. С. 283–284.

ДЕКАБРЬ

*П*оправившись здоровьем, я начал заниматься кое-какими учеными делами, так, например, переписывал историю Шрекка, чем преимущественно занимался по утрам, сидя за одним столом с тятенькою, писавшим свои метрики. Вечерами занимались с ним же пением различных церковных песней, преимущественно же рождественских. Занимались, по временам, вопросами учено-богослужебными. Так, например, делали классификации церковных праздников... Послеобеденное время, большею частью, я проводил в старому дому у бабиньки и Анны Леонтьевны, с которыми часто играли в карты. В это время между новым и старым домом была небольшая contra, несмотря на которую, я был принимаем в обоих местах с ласкою и любовью.

Не помню, какого числа в этом месяце скончался макаровский священник Димитрий Григорьевич Боголепов, после долговременного страдания чахоткою. Тятеньку пригласили по погребение, и он взял меня с собою. Вечером выехали мы из Батурины и поехали сперва в Кутикову, где тятенька исповедовал какую-то больную. Той же ночи прибыли в Макарову и остановились в доме бывшего древле тут священником о. Стефана Кышты-

На стр. справа:
Село Батуринское.
Фото Э. В. Кутыгина.
2013 г.

мова. В другой половине того же дома помещался благочинный о. Макарий Павлов, известный наш экзаменатор далматовский. Назавтра совершали соборно литургию, перед которой и я представлялся благочинному, причем довольно удачно ответил на вопрос его: «зачем я приехал». За обедней пел на правом клиросе дискантом. Особенно отличался этим при отпевании, при многократном пении припева «Аллилуия». Мужики прозвали меня за это золотым голоском. После погребения тятенька, не желая навязать почтенному собранию, посоветовал мне идти на квартиру, где я и пообедал суслom с паренками или чем другим, похожим на это. Но на обеде вспомнили о золотом голоске и прислали за мной. С конфузом явился я туда, и с честью был принят... все это занимало тогда меня и тятеньку. Немедля потом возвратились мы восвояси. Заняли меня в этой поездке два предмета, первый: по возвращении с погребения в дом суеверие заставило жену покойного прежде всего сидеть у печи и смотреть в отверстие ее, не знаю, с какою целью; второй: бабы, рассуждавшие о болезни усопшего, жалели, что он заблаговременно не вздумал лечиться их испытанным способом. Способ же сей, по их словам состоял в том, чтобы больному чахоткой в течение, по крайней мере, 6 недель пить и есть одну вареную рожь (в зерне) с отваром и больше ничего не употреблять. Это не мешает принять к сведению. Рожь или ячмень, или, пожалуй, просо, действительно могут остановить гниение легкого, но не иначе, как если только будут употребляемы постоянно и исключительно одни.

С долгими приготовлениями ожидали мы Великого Праздника и с радостным чувством встретили его. На утрене пели весь канон, причем я был откомандирован к Николаю Петровичу на левый клирос... Привыкшие к «Ондриюшкову» голосу батурицы и кроме того постоянно слушающие высокий и чистый тенор тятеньки (если даже и умолчать о теноре дребезжащего Ондрия Осиповича и гнусявом бaсе Микулая Петровича...), не отдавали мне такой чести, как макаровцы... Суди ж их за то Военная Кулига!

На стр. слева:
Рябушкин
Андрей Петрович.
«Диакон». 1888 г.

НОВЫЙ 1831-й от Рождества Христова год

*Худая примета
На небе комета...*

*Зауральский пейзаж.
Фото Э.В. Кутыгина.
2013 г.*

ГЕНВАРЬ

Памятуя приказание о. ректора семинарии, советовавшего дома читать книги и выписывать из них примеры на всевозможные периоды, я обратился к библиотеке нашей церкви, но в ней нашел только «Беседы» Михаила и года два «Христианского чтения», из коих я действительно и выписывал, что мне нужно было для моей цели. — Усердно ходил ко всякой службе Божьей, даже рад был, если служение было чаще, потому что от каждой обедни мне оставалась просфора, которую я сушил и готовил себе в дорогу. Что за мысль пришла собирать просфоры и везти их с собою за столько верст? Привез же одни крошки.

26-го числа был праздник — маменькины именины, и вечером гуляла у нас вся батуринская знать, хотя сама именинница и постилась ради своего понедельничества. Еще и теперь памятно, как писарь Григорий Семенович Распопов пел страшным тенор-басом песню «Ездил Белой Русской Царь...»

Между тем слухи о холере расходились одни других страшнее и нелепее. Например, говорили, что в Бакланской вымер весь народ, остались только поп да писарь — самонужнейшие лица, — первый, вероятно, для того, чтобы отпеть, а по-

следний — чтобы обогреть усопшего... Народ постоянно гоняли на бекеты (пикеты) дежурить, и горе было неисправному! Пермский чиновник Солнцов (т. е. Солнопеков) летал, как орел, по нашему краю и был истинным ужасом (хуже холеры) для крестьян.

У нас в Батурине, равно как и в ближайшем околотке, не было ни одного случая холерного. Да сомнительно, чтоб и где-нибудь в нашем краю действительно была холера. А кажется даже, что и вся губерния Пермская была свободна от нее. Отпустили нас в дома по ложному слуху и по страху. И не только в нашей семинарии, но и в тобольской тоже был роспуск, хотя там и еще менее слышно было о холере. Братца Платона дядюшка о. Иона не отпустил домой, и лишил нас, таким образом, единственного случая пожить вместе подольше.

Село Батуриное.
Фото Э. В. Кутыгина.
2013 г.

Преосвященный Иона,
епископ Екатеринбург-
ский, викарий Пермской
епархии. Фото XIX в.
ГАПК

При преосвященном Аркадии в составе Пермской епархии открылось Екатеринбургское викариатство. <...> Указ о создании викариатства вышел 22 декабря 1833 г. <...> 19 мая 1846 г. во епископа Екатеринбургского был рукоположен архимандрит Иона (Капустин). <...> Преосвященный Иона всеми силами старался показать, что он не претендует на какие-либо особые полномочия. Викарий полностью подчинялся Пермской кафедре, не проявляя собственной инициативы. В результате он так и не получил самостоятельной кафедры, но в 1849 г. был награжден орденом Св. Анны 1-ой степени «в ознаменование

Монаршего внимания к усердному Пастырскому служению с назиданием пасомых в духе кротости». В отличие от архиепископа Пермского Аркадия, преосвященный Иона демонстративно отказывался покровительствовать своей многочисленной родне, хотя и не порывал с ней отношений. 21 ноября 1859 г. епископ Иона был по прошению уволен на покой в Далматовский Успенский монастырь, где и скончался 13 ноября 1866 г.¹

¹ История Екатеринбургской епархии. Екатеринбург: Сократ, 2010. С. 240–242.

ФЕВРАЛЬ

Месяц начался праздниками, столько вожеленными для моего просфоролубия. Первое число — воскресенье. Второе — Сретение. Третье — именины тетеньки Анны Леонтьевны, коей за обедом я ни с того, ни с сего, пожелал еще девять лет жизни. Тогда это бросилось в глаза, и готовы были даже, пожалуй, считать пророчеством. Совсем другое мне надобно было сказать имениннице. Через десять лет и ей, и мне суждено будет встретиться в 3000 верстах от родины и припомнить это обстоятельство как неясный и непознанный намек на будущее.

После праздников опять настало приятное однообразие обычных занятий. Но уже недолго было жить мне под затишным кровом батуриным. В Перми спохватились, что холера давно прошла, что на место ей идет весна и что потому пора добрым молодцам нам приниматься за учение. Вследствие сего, числа 2-го февраля, после обеда, Батурина узрела в себе, не для всех желанного, вестника от благочинного, передавшего повеление сего тятеньке — немедленно выслать мою неуч в Пермь. Нечего было делать. Надобно было распротиться с пельменями и по-

валихами, с печью и полатами и тащиться 600 верст по снегу и холоду. Начались сборы и приготовления. Каждое утро пекли подорожнички, каждый вечер шили и починивали... Наконец... после слез и молитв, 11-го числа, в среду на Сплошной неделе, мы втроем, с бабенькой и маменькой, оставили весь родную. Вероятно, в тот же день кормили лошадей и грелись в Сухрине, в доме священника, коего не было дома, и жена коего, пермянка, принимала и угощала нас довольно сухо. Ночевали, вероятно, у далматовского воеводы.

На следующий день, к вечеру, остановились на ночлег в одной деревне у Колчедана и там, на досуге, слушали от хозяйки повесть о батуринском разбойнике (бывшем дьячке нашем, Петре Кыштымове), грабившем и душегубствовавшем некогда в этом краю. Ужасный человек! До тех пор, пока он жив был, в Батурине все были в страхе. Он все собирался сжечь дом наш, но Бог спас. На третий день, в паужину, остановились в Логиновой у знакомого какого-то маменьке писаря, коего также не было дома. Отогреваясь на полатах, закусили мы тут своими калачиками. Надобно думать, что ехали потом целую ночь и хоть к утру достигли Екатеринбурга.

Не могу сказать, сколько времени пробыл я в Екатеринбурге. Не меньше, думаю, двух дней, пока-то нас, спутников, сыскалось довольно количество. Наняли мы извозчика, по фамилии — Субботина, из деревни Субботиной, возвращавшегося в Пермь на легких подводах. Маменька намерена была прожить в Екатеринбурге месяца два, для излечения своего зоба под руководством знаменитого в то время лекаря Марка Вульфа. Остановилась она квартирою у дядюшки о. Стефана и была очень больна. Последние слова ее: «Если я не буду жива, вы, детушки, не оставьте без призора малюток, за то вас Бог не оставит» — разодрали душу мою.

В нестерпимом горе с неудержимыми рыданиями оставил я город вечером, не помню какого дня. Всех нас ехало человек семь, но, к счастью, между нами был весельчак и балагур Иван Насонов. Увидав мое положение, он в такое пустился смехотворство и такие выкидывал штуки, что я невольно увлекся его духом и, мало-помалу, забыл печаль свою... Но еще долго потом представление больной матери, сидящей на полу в комнате и упрашивающей о внимании к малым братьям, наводило мучительную тугу на сердце. Ехали мы очень быстро, заезжали в деревню

*На стр. справа:
Екатеринбург.
Центр города: вид на
Екатерининский собор
и Исетский пруд.
Фото С.М. Прокуди-
на-Горского. 1909 г.*

к извозчику, где-то около Кунгура, и не позже как на пятый день достигли Перми.

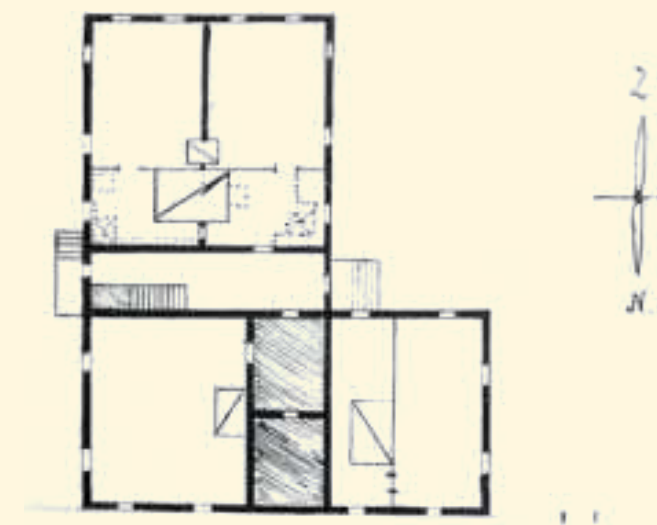
Прибыв на квартиру свою, я неожиданно встретил помеху делам своим. Марья Автономовна не соглашалась держать более семинаристов. Не знаю, что было причиною этого. Кажется еще в это время жив был Михаил Яковлевич (убитый неизвестно кем, где-то под Соликамском). Нечего делать. Надобно было расстаться с прекрасною квартирой. Боже мой! Скольких бы я избег напастей и пакостей, если бы остался на прежнем жительстве. Верно, нужно было переиспытать еще и этот путь жизни...

Немедленно по прибытии явился я с свидетельством к о. инспектору и отдал ему заимные 10 рублей. Разумеется, он побранил за позднюю явку. Замечательно для меня при этом было то, что когда я, обращаясь к нему, назвал его о. инспектором, он величаво сказал мне: «Я и без тебя инспектор», давая этим знать, что нужно иначе как-то называть его. Спасибо за добрую науку.

Ученье было уже на всех парах. К великому сожалению моему, Василия Эмиллиановича уже не было в живых. От чего и когда он помер, не знаю. На его место прибыл новый наставник, только что окончивший курс, уроженец Пермский, Илья Иванович Гуляев. В среднем отделении также была перемена. Сергей Михайлович уволился, и на его место прислан был ст[арший] кандидат (тоже только что кончивший курс) Василий Петрович Чебышев, оригинал непоследнего разбора, сутуловатый, неразвязчивый, худогласный, обыкновенно непричесанный и заспанный, но при всем том умница, каких свет мало видел.

Первою заботою моею было отыскать квартиру... Легкое ли это дело? К счастью, все вскоре уладилось как нельзя лучше. В понедельник или вторник, на масленице, когда я сидел в классе и осведомлялся о квартире, невдали от меня сидевший товарищ, с рыбьей физиономией, предложил мне свою квартиру. Товарищ этот назывался Николай Пьянков. Сейчас после класса я осмотрел квартиру его, и хоть не находил ее равною прежней, однако ж рад был, что хоть где-нибудь нашел приют. Кстати, квартира была очень близко к семинарии (через дом от той, которую предлагал мне прежде дядя Мих[аил] Гр[игорьевич]). Самым же решительным побуждением остановиться на ней было, кажется, то, что там стояли Плотниковы Евгений и Ксенофонт, очень известные мне по Далматову, из коих последний был при-

ятелем братцу (и назывался по этому случаю Курушком). А кажется, что не без приманки какой-нибудь было тут и со стороны хозяйки... Ну, как бы то ни было, решено было мне перебраться на новоселье. Вероятно, 25-го числа, в среду на маслянке, я действительно и перешел, на горе себе, в этот омут, обездушивший и одурачивший меня на долгое время. Вот он:

Дом разделялся на две половины: старую — северную и новую — южную. Старую обыкновенно занимали какие-нибудь постояльцы. Новую — сами хозяева, и мы вместе с ними. Когда я перешел, семинаристы жили в прихожей, помещение самое неудобное и конфузное, но хозяйка утверждала, что это только на время, что скоро очистятся другие комнаты... Очистились они очень нескоро, и когда очистились, снова были заняты... Расчетливая старуха была себе на уме.. В следующей за прихожей комнате была кухня, и туда мы сходились обедать и ужинать. Две остальные комнаты назывались гостиною и залом, и для нас были не доступны. В северной половине, к востоку, помещался зять хозяйки, к западу жил постоялец, певчий архиерейского хора Александр Димитр[иевич] Архангельский. Диакон (брат нашего Викентия Пономарева, женатый на малютке какой-то, именем Марфа).

К семейству новых моих хозяев принадлежали следующие лица: 1. Анна Алексеевна Леденчиха, баба лет под 50, героиня, каких на свете немного. Она царствовала над всем домом, имела

Нестеров
Михаил Васильевич.
«Домашний арест». 1883 г.

чин титулярной советницы и годилась бы в помещицы, но походила более на купчиху; была, впрочем, не без доброго сердца. 2. Иван Егорович Леденцов, муж вышереченной, сообщивший ей свои чин и фамилию и четырех детей. Больше он ничем не обесмертил себя. Происходил он из егошихинских крестьян (между коими, еще в наше время, имел старшего себя брата) и был всю жизнь писцом в Уголовной палате, ходил в нанковом сертуке, байковой шинели, высоком плисовом четырехугольном картузе и огромных сапожищах, смазываемых дегтем; при письме употреблял очки (которые веселые сослуживцы его нередко вымазывали салом). Скучное жалованье свое, немедленно по получении, нес в кабак, а что оставалось, обращалось в семейный капитал. Водочку любил страстно и по этому предмету часто терпел брань (а подчас еще кое-что пореальнее) от своей милой половины. Был вообще претихого характера, занимался с птичками и в зимнее время любил сидеть перед печкою (но пьяный почти всегда выказывал другой дух, нередко лез в драку, но всегда только к посрамлению своей лысины). В церковь никогда не ходил. Лет 20-ть не говел и, когда наконец склонен был к тому, свя-

На стр. справа:
Маковский Константин Егорович.
«Разговоры по хозяйству». 1868 г.

щенник наложил на него епитимию, после чего он еще меньше стал любить церковь. 3. Иван Иванович Леденцов, сын одного, также служащий в Губернском, кажется, правлении, имевший при поступлении моем на квартиру уже второй чин, лет 25-ти, всегда спокойный и себе равный, добрый и усердный к службе, страстно любивший птичек и также занимавшийся, в досужее время, рыболовством. Жалованья получал он 25 рублей в месяц, что всем нам казалось долею чуть-чуть незавидною. Никакого влияния на хозяйство он не имел, также, как и его отец. Жил постояльцем у матери. 4. Анна Ивановна, старшая дочь Леденчихи, сухенькая, маленькая, косоглазая, дева уже пожилая, впрочем, еще не терявшая надежду на партию. Это была первая работница в доме, добрая, но немножко злая... или, как называли ее меньшие сестры, ехидная. 5. Окулина Ив[ановна] — женщина мягкосердая и веселая, только что перед моим прибытием вышедшая замуж за некоего Михаила Вильгельмовича, по фамилии Гор, также писца (с первым чином), служащего в казенной палате, в питейном отделении, человека благородной души, прекрасного лицом и станом, но чахоточного. Эта чета помещена была в другой половине дома, занимаемой дотоле семинаристами. Обращение молодых друг с другом, нередко очень наивное, и недомолвки, адресуемые к ним другими лицами семейства, немало соблазняли нашу застенчивую и пытливую юность... 6. Юстина Ив[ановна] или проще — Устинья, еще проще — Устя, младшая дочь Леденчихи, барышня лет 12-ти, рябенькая, рыженькая, толстененькая, с голубыми глазками и немного ерыковатым произношением, могла бы быть предметом элегий и идиллий наших, если бы была хоть сколько-нибудь позакрытее и посентиментальнее... Однако ж некто Ст[ефан] Ив[анович] вскоре обратит на нее свой влюбленный взор и тихомолком подкатит к нашей квартире и незаметно для других (но не для меня) турусы на колесах. А будет и еще кое-что... 7. Захар Петрович Пестерев, племянник хозяйки, тоже приказный, рыжий, кудрявый, рябой и немножко лысый, зверолов отчаянный (однажды он с другим таким же охотником ночью в лесу вместо медведя застрелил корову...). К членам семейства надобно отнести еще корову красно-бурую, каждый раз вечером летним растворявшая единым рогом свои ворота и громким мычанием возвещавшую всему семейству о принесении полуведра молока; собаку Модеска, черную, огромной величины, знавшую по-французски (потому

Виды Перми.
Почтовая карточка.
Кон. XIX в.

что часто с готовностью отвечала на слова Захара Петровича — такого же француза, как сама, — которому она принадлежала: шарж! пиль! аванц! и др.), всегда серьезную и опасную, — и, наконец, кота Ваську, большого пролазу, плута и храбреца, бывшего лапою даже Модеска! NB. Внизу под гостиною была особенная комнатка, в которой обыкновенно помещался солдат гарнизонный. — Вот все общество, членом коего мне пришлось быть, к сожалению, на долгое время. Соквартиранты мои, кроме Плотниковых, были два брата Пьянковы: оный вышешпоименованный Никола и брат его, третьеклассник Григорий, дети сайгатского¹ священника, достопочтенного о. Василия.

Начался новый период моей жизни, период перевоспитания. Так как я в продолжение пятилетнего пребывания в Далматове, в доме и обществе крестьян, до того огрубел в обращении с другими, что даже считал смешным и нелепым благородный тон, то судьба благодетельная, по переезду моему в Пермь, поставила меня сперва в немного высший круг людей, в дом купца, где я уже начал присматриваться к лучшему образу жизни. Впрочем, как жил в особой комнате, то и не мог хорошо разглядеть этой жизни и в продолжение двух месяцев приучался к чистоте и порядку и благородно-скромному поведению. (Еще раз не могу удержаться, чтоб не пожалеть, что так мало довелось мне учить-

¹ Из села Сайгатка. Ныне — г. Чайковский. — Ред.

«Мальчик-слуга, метущий комнату». Копия К. А. Зеленцова, выполненная в 1837 г., с оригинала худ. П. Бессонова (1836 г.)

ся этому. Человек высшего разбора, как, например, Вас[илий] Гр[игорьевич], был необходим для моей юности. В новом же кругу сожителей все четверо мы были товарищи и друг другу равны и некому было приглядеть за мною, а как это было нужно!..).

Это было время брожения различных начал жизни — далматовского и пермского. Надобно было расстаться с первым и принять последнее. Указателем его на первый раз была для меня купеческая жизнь, уже значительно более упорядоченная, чем жизнь приснопамятного Комухи и его семейства (не в осуд их доброте и простоте будь это сказано). Михаил Як[овлевич]. был уже человек в своем звании образованный; жена его, хотя простая, но довольно благородного духа женщина. Сын их Федя

ходил в городскую школу и учился, кажется, даже рисовать, следовательно, уже далеко не то, что своевольный и избалованный Валанко воеводин. В этом семействе я увидел и чай, и роскошный стол, и другое многое, что напомнило мне дом отчий. Но при всем том образ жизни и круг понятий этих добрых лиц был еще далеко ниже того, к чему вело меня воспитание и звание. Холера, на время возвратив меня домой, объяснила мне это.

Все-таки наш дом далеко выше стоял моей пермской квартиры, но он говорил только о том, как живут духовные, в чем ему честь и слава. Лучше его едва ли кто мог высказать мне это. (Разве только один дом верхтеченского священника мог прибавить к сведению моему нечто такое, чего не сообщал батуринский). С современным ходом светской жизни Батурина не могла познакомить, а между тем это было для меня необходимо. И вот, по возвращении в Пермь, я, как нельзя более кстати, попадаю в общество четырех мелких чиновников, привязанных душою и телом исключительно к государственной службе и сообщающих семейству своему тон высшего общества, сколько сами могли усвоить его и сколько те способны были принять его.

Вот уже общество людей в формальном смысле благородных, но благородных настолько, насколько позволяли им незначительное происхождение и бедное состояние их, — общество, в котором светский лоск Ивана Ив[ановича] и Михаила В[ильгельмовича] отчаянно боролся с цинизмом Ивана Егоровича и нередко должен уступать последнему по причине кровного родства с ним; в котором барышни носили гребенки и выплетали корзинки из косичек, а барыня употребляла шаль только по праздникам. Впрочем, общество, в котором уже вкус и страсть к изящному высказывали себя довольно явно, где на каждом окне висели в клетках канарейки и соловьи, где знали «Горе от ума» и возносились мыслью к политике, где вечера часто убиваемы были бостоном, где кокетство и пересудливость уже играли не последнюю роль в семейных занятиях, где вообще была в ходу презрительность к низшим сословиям, которая посягнула бы, может быть, даже и на духовенство, если бы мы, кутейники, не стояли тут на квартире и своею ученостью и достаточностью не уничтожали их полуневежества и полубедности.

В таком кругу я уже невольно должен был стыдиться своей далматовщины и вести себя аккуратнее. К этому присоединилось еще и то обстоятельство, что соквартирантами моими были

Плотниковы — люди уже цивилизованные двухлетним своим пермствованием. Они всеми силами старались передать моему упорству лучший тон и громогласно осмеяли раз мою далматовскую привычку по выходе из-за стола говорить хозяйке: «Спасибо, тетушка», а вместо того порекомендовали говорить: «Покорнейше благодарю, Анна Алексеевна» или просто кланяться, ничего не говоря. Другая, несносная в товариществе, черта моя была скупость, или лучше: крайняя бережливость... и она подверглась нещадному осмеянию и преследованию. Уже я по милости своих преобразователей известен был не под собственным именем. Меня звали не Андреем, а Коштаном, Кошчеем, Иудой, Колодником и тому подобным, и, разумеется, чем я больше оскорблялся, тем больше меня дразнили. Раз я хотел было расправиться за это злоречие сколько силы хватало и исцарапал лицо Николе или Ксенофонту, но тем только к прежним названиям прибавил еще новое: Кошка. Впрочем, в этом пункте я стоял упорнее. Несмотря ни на какие их выходки, я оставался верным издевательству и с особенной заботливостью вписанным в меня правилам бережливости, а для избежания неудовольствий прибегал к хитростям. Так, например, не желая, чтобы вотще¹ тупили и портили мой прекрасный перочинный ножичек (Ксенофонт любил строгаться), я спрятал его и сказал, что потерял, а перед вакацией «нечаянно» нашел, хотя плуты и худо верили всей этой плутне. С другой стороны я начал обращать внимание свое уже и на туалет свой (особенно, вероятно, после того, как однажды Анна Ал[ексеевна] назвала меня хорошеньким словесником... не всегда она так мило и деликатно обращалась со мною. Однажды на возглас мой: «как я устал», ответила в рифму таким мерзким стихом, что я перестал поэтически смотреть на себя...) и не совсем был доволен домашним покроем сертука своего (впрочем, за щегольством не гонялся, и в золотое это время так был невинен, что не имел никакого пристрастного взгляда ни на красоту, ни на безобразие. Был еще очень молод...). Вообще цивилизование мое на новой квартире пошло быстро и успешно, и оно было бы успешнее, если бы образователь мой Евгений Григорьевич имел авторитет ученика хорошего, а то, зная о нем кой какие истории, я всегда смотрел на его слова скептически. Другое препятствие — это Никола, который хотя и жил в Перми уже немало лет, но был сущий вандал в эстетике и политике, ходил крюком

¹ Вотще — здесь: напрасно. — Ред.

в коротенькой зеленой нанковой шубе и доморощенных брюках, не умел ни поклониться, ни улыбнуться и исподтишка смеялся над Евгением, или Енцом, — и хорошо, что задерживаем был отчасти на пути преобразования. А то, пожалуй, пришлось бы мне, как Евгению, просидеть пять лет в словесности и выйти в пономари.

На новой квартире я застал маслянку во всем разгуле. Заботою Николы устроена была в огороде катушка, и обыкновенно по утрам, наевшись оладий, мы катались на ней и, перемерзши грелись на печи с тем, чтобы опять бежать на мороз. В свободное время, думаю, играли в карты. Я большего ожидал от пермской маслянки, имея в памяти батуринскую, да даже далматовскую масленицы, разнообразием удовольствий далеко превосходившие эту. Недоставало только там публичной катушки, которая составляла для меня воистину дивное зрелище, быв устроена по крутому берегу Камы... Одно уже то, что здесь кроме оладий нас ничем не подчивали, говорит решительно противу пермской маслянки. Блинов, хворостов, орешников, козулек и тому подобных блаженств и не поминай... В таком-то разочаровании застал меня Великий пост.

Пермь. Ротонда
(XIX в.) в парке
им. Горького.
Фото О. А. Серебренни-
кова. 2017 г.

MAPT

От 2-го по 6-ое число говели, к службам ходили в Крестовую церковь и становились по-прежнему. Богословы назади, к самым окнам, философы поближе сюда, а мы — посреди церкви под благословляющею десницей Господа Саваофа. В пятницу 6-го числа обедню служил сам преосв[ященный] Мелетий и освящал коливо, чего я прежде не видал. Того же дня вечером я исповедался. На завтра, в субботу, приобщились Святых Таин, а в воскресенье 8-го числа я в первый раз видел Торжество Православия и слышал раздирающую душу пение *ἀναθεμα*.

С понедельника началось учение обыкновенным порядком. 10-го числа я подал приготовленные еще в Батурине примеры на все возможные периоды новому профессору Илье Ивановичу. Вероятно, в течение всего этого месяца мы занимались еще периодами. Учились по-прежнему, охотно и весело.

В классе дурачились в отсутствие наставников, как кто мог и хотел. Так, например, помню, развратная фантазия Сабурова в обеденный отдых выдумала скаредную церемонию, похожую на греческую филофорию. Нередко также случалось видеть, как ели малину... Есть малину — значило драться. Бывало,

чуть только где-нибудь заметят, что начинают ссориться, двое из товарищей их обступают со всех сторон, подстрекают одного против другого, толкают друг на друга и лишь только увидят, что дело доходит до волос и кулаков, возглашают: малина! Весь класс обращается туда и любит, нередко, кровавую сцену. Варварское жестокосердие! Помню так же, как французы на немцев шли войною и стреляли одни в других комками снега. Ни в каком подобном подвиге я не участвовал, по причине решительной ничтожности своей фигуры. Я думаю, что и малину есть по этой причине мне не приводилось. По крайней мере, решительно не могу припомнить ничего подобного в этом роде.

Пермь. Архиерейский дом с Крестово-Митрофаниевской церковью. Фото О.А. Серебренникова. 2017 г.

АПРЕЛЬ

Вечером первого числа было Богородицыно Стояние, на которое и мы ходили, хотя на завтра, кажется, учились. Последнюю неделю поста (13–12 апреля) опять говели. Всего более меня в страстных службах пленило пение великосубботнего канона среди церкви самими священнослужителями, причем удивительно приятно пел протодиакон Третьяков, наш шадринский уроженец, прекрасный контрабас. 19 апреля торжественно и радостно встретили мы

Свѣтѣ Пасхѣ

Утреню служили в холодной церкви, и певчие так высоко и громогласно пели, особенно же известный и славный тогда Михейцо, т. е. Дмитрий Михеевич Будрин, что архиерей запретил им петь по нотам. Обедню, кажется, служили уже в теплом соборе, впрочем, хорошо не знаю.

Ради увеселения, у нас дома, на релке¹, построена была качеля, коею мы и утешались, но, разумеется, этого утешения было недостаточно. Обыкновенно я и квартиранты ходили зе-

¹ Рёлка, рёлки — здесь: низина, заливные луга (местное). — Ред.

вать на плац-парад, где воздвигнуты были публичные качели, невиданные мною до тех пор: вертикальные, с ящиками, и горизонтальные, с коньками. Как ни хотелось мне испытать сладость этого рода качания, но у меня не достало духа залезть в шкаф и на позор всему миру взлететь к небесам... Любил я там слушать музыку полковую и смотреть на Златогурского, о котором носилась молва, что он был величайший храбрец, но однажды, на войне где-то, вздумал указать в[еликому] к[нязю] Константину Павловичу, который за то чуть будто бы не зарубил его и сослал командовать гарнизоном в нашу Пермь. Важнее Златогурского в то время был еще начальник Горного правления генерал Богуславский, который также, по временам, являлся на плаце и бросал ребятам деньги и пряники на драку (несносный Гришка разглашал, что и Коштан наш кидался за этою подачкою, за что я и доселе желал бы ему вырвать клеветнический язык). Непоследний предмет моего зевания был еще попугай, сидевший в клетке на балконе дома этого генерала и болтавший кое-какие слова. Как не желал я услышать это диво, всегда приходил в то время, когда он молчал.

В четверг или пятник Светлой недели к Плотниковым приехал отец наш приснопамятный, Бачко, о. Григорий Стефанович. Я показывал ему свои хрии², и он не хулил их; между прочим, на одной заметил орфографическую ошибку и сказал, что надобно писать не «увещевать», а «увещавать». В Фомино воскресенье (оно же день святого Стефана Великопермского) он служил и немедленно потом отправился обратно. Не помню, зачем приезжал он, — кажется, за скуфьей. Пасха была довольно теплая. Снегу было мало, но земля была еще мерзлая. Это я заметил при рытье ямок для качельных козел.

Гермашев Михаил
Маркианович.
«Вечер перед Пасхой».
Между 1904 и 1911 гг.

² Хрия — рассуждение, в котором доказывается или опровергается какой-либо тезис; в семинарии — одно из заданий по курсу риторики. — Ред.

МАЙ

Замечательное в этом месяце было следующее.

1. Рекреация (на речке Данилихе), на которой играл мячом сам о.ректор Палладий, чему я немало дивился, зная как мало бывало участвовал в играх наших далматовский смотритель. Профессора наши составляли особенный кружок в кустах и веселились под нашим надзором. Певчие пели для них песни, и чуть ли при этом не было скрипок. О. инспектор позволил петь песню «Возле речки, возле мосту...», но когда дошло дело до «младой-младенькой», он приказал замолчать. Вообще, он старался показаться перед учениками как нельзя лучше в своем виде, а отвернувшись к своей честной компании, вел себя в ее духе, что не укрылось от наблюдательности учеников, и плуты говорили, что о. инспектор — спереди-то «Блажен муж», а сзади — «вскую шаташся...». Вот так острота доморощенная — в духе своего звания и заведения!

2. Проезд Ириня, архиепископа Иркутского на епархию. Помню, как он был в Кафедральном соборе на обедне и как после обедни выходил вместе с пр[еосвященным] Мелетием на молебен в мантии, человек такого высокого роста, что наш архие-

На стр. слева:
Пермь. Вид с Горок
на Егошихинский
пруд. Фото кон.
XIX — нач. XX в.

рей казался перед ним карликом. «Енцо» утверждал, что он видел на госте докторский крест.

3. Нечто вроде экзамена по чтению и пению, который производил нам архиерей в своем доме всем семинаристам, или, по крайней мере, только нам, словесникам. Я прогулял этот экзамен на Данилихе. Что за повод был к этому испытанию нашего пономарства, не знаю. Помню, что Евгений наш был требован (или сам вызвался) читать в Крестовой на всенощной в Преполовение (12 мая), но читал так худо, что поставлен был на поклоны. Может быть, это обстоятельство и было поводом к оному истязанию.

26-го числа, во вторник, все ученики семинарии вместо второго класса ходили в собор на панихиду по бывшем здесь батальонным командиром Карпе Дробышевском, который завещал семинарии несколько тысяч денег, а на постройку колокольни пожертвовал 12 тысяч кирпича. Помнится, что при этом архиерея не было. Оба архимандрита ждали его в алтаре, но когда он отказался, мы приготовлялись увидеть невиданное нами зрелище, как два архимандрита выйдут вместе служить... не тут-то было. Афанасий, в том чаянии, что будет служить ректор семинарии, ушел домой. А за ним ушел и о. Палладий. Потеха для нас. Вообще о. ректор служил очень редко и являлся обыкновенно с красным и пухлым лицом. Когда-то под праздник, на всенощной, архиерей с собором выходили на литию, а о. Палладий пономарскими дверями вышел и пошел домой... Он много что-то скорбел и от скорби запивал. Жил у него в это время и водился с ним во время припадков наш Алеша Пантуев. Однажды, в воскресный или праздничный день, вместе с Пантуевым они смотрели в подзорную трубу за Каму и пересчитали нашу братию, ездивших туда погулять... Я долго трусил за свою особу, но или о. ректор по благости оставил это преступление без наказания, или Пантуев прикрыл меня. В этом же месяце начали строить колокольню, которой нижний этаж был уже давно выведен, но на построение прочих не хватало соборного капитала. Зато постройка пошла очень быстро. Новая семинария наша с весною стала штукатуриться изнутри, а отчасти и снаружи. К июню поместился уже в ней временно четвертый класс училищный. Любимое для нас дело было посещать это новое место нашего образования. Впрочем, как во всем другом, и в этом, я был очень робок и больше думал о ней, нежели искал попить порог ее.

Репин Илья Ефимович.
«Подготовка к экзамену». 1864 г.

ИЮНЬ

Десятка два лет назад июнь месяц начинался рядом праздников в Пермской семинарии. 1-го числа были именины пр[еосвященного] Иустина, и праздновались три дня. А затем еще дня два или три давались ученикам на рекреации. В настоящее время, вместо торжества, на первый день было сетование. Духовенство пермское и семинария собирались в собор править на обычную панихиду об усопшем архипастыре, а с ним вместе и о первом епископе Иоанне. После обедни панихиду отправлял сам архиерей в склепе под алтарем, где погребен преосв[ященный] Иустин Вишневский. 7-го и 8-го числа любезный праздник — Троица. Памятен мне от этого праздника концерт громогласный, и в нем «рыбари богословцы показа...»¹ — слова, долго вторимые потом нами; верно, они особенно как-нибудь занимательно поются. Гулянье городское было уже не на плац-параде, а у бульвара, около ротонды.

После праздников мы спешили учиться во всю мочь. Учились особенно весело. Что за прекрасное было время. Мы не столько сидели в классе, сколько шалили у колодца и даже

¹ Из стихир на вечерне праздника. — Ред.

На стр. слева:
Вид на г. Пермь с железнодорожного моста
через Каму. Фото
С. М. Прокудина-Горского.
1909 г.

Тетрадь с упражнениями по греческому языку ученика духовного училища. Нач. XX в. Из собрания музея Далматовского монастыря.

за забором, и даже на самой Каме, то купаясь, то ловя раков. Помню, как однажды о. ректор пришел на греческий класс, а народу было весьма мало. Он тотчас приказал привести всех из-за забора и с Камы, и сам, стоя в дверях класса, за чуб вводил каждого из нас на лекцию. Потеха!

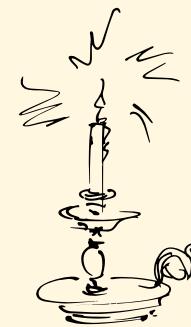
Кажется, в этом же месяце была сделана некоторая перемена в наших наставниках. О. инспектора сочли приличным перевести на философию, вследствие чего Василия Петровича сделали у нас профессором словесности, а Илью Ивановича определили читать гражданскую историю. Впрочем, может быть, это перемещение было и ранее. С поступлением Вас[илия] Петр[овича] на нашу кафедру прекратилось изучение хрий, стали учиться сочинять речи. Профессор выдавал записки об этом, из коих я ровно ничего не понимал. Занимались также переводом Цицерона. Историю стали учить по Шрекку.

Никто из наставников не обращал на меня особенного внимания. Но зато в отношениях моих к товарищам произошла небольшая перемена. Некоторые из живших в нашем классе устро-

или на крыльце в чулане себе маленькие жилища, в которых и прятались во время класса. Один из таких домохозяев, именем Григ[орий] Ст[ефанович] Макушин, завзятый бурсак, с широким оливковым лицом и маленькими глазами и толстыми губами. Толчась постоянно на крыльце, я любопытствовал заглянуть в эти города убежищ и преимущественно хотелось подивиться на верхний этаж их... Этот этаж принадлежал М[акушин]у. Тут, кажется, и познакомились мы с ним. Как у крысы, у него натащено было туда моркови, репы и других сладостей сего мира, к которым я не совсем был равнодушен. Часто там я находил и пироги. Мало заботясь о том, что было за пределами сих пирогов, я считал долгом быть благодарным к подателю их и, естественно, близился к нему. Между тем, у сего Амфитриона был стародавний приятель, Ст[ефан] Ив[анович] Прошикальников, вероятно, также некогда неравнодушный к пирогам, но теперь оттесненный моею особою... Может быть, он глубже меня и опытно понимал таинственный смысл пирогов, а потому еще более имел право считать себя обиженным. Так или иначе было дело, только сей экс-приятель стал присматривать за нами и нередко в классе или в другом месте, проходя мимо нас двоих, говорил в полголоса какое-то слово, которого я долго не мог разобрать, а когда разобрал, не мог понять. Не к чести новых (а еще более не к чести старых) приятелей относилось это воровское слово. Пилад¹ мой как бы и не понимал его. Однажды он, после того, как я оказал ему грошовую какую-то услугу, вдруг присылает мне с бурсаком записку и в ней пятирублевую ассигнацию. Я отправил ее назад как несоразмерное воздаяние за труд свой. Следивший за нами экс-Орест² назавтра, проходя мимо нас, говорил уже другое, более вразумительное слово: «Не приняли! а? не приняли... ха-ха». Лет через десять после этих историй я, приводя на память старину, уразумел этот темный факт. И тогда я мог бы добраться до истинного смысла его, потому что вскоре получил понятие о странном предмете, обозначаемом техническим словом «редька», но я жил, ей, в таком невежестве на счет многих вещей и в такой блаженной простоте далматовской, что всегда видел вещь только с лицевой стороны... Пирог был для меня пирогом и только. К повести же о редьке я не прилагал ни слуха, ни сердца... Золотое, невозвратимое время!

¹ Пилад — персонаж древне греческих мифов. — *Ред.*

² Орест — любимый друг Пилада. — *Ред.*

Около половины июня нам известно стало, что вакация наша будет необыкновенная, а именно: начнется и кончится июлем и достанется нам без экзамена, который будет производиться после нее, в августе или сентябре. Не знаю, что за причина была такого распоряжения. Казалось, надлежало бы не сокращать, а еще продлить эту и без того укороченную треть. Я сперва не думал ехать домой и заранее заботился о заготовлении себе пестерей и корзин, чтобы в вакациальное время вместе с хозяйским семейством ходить за ягодами и грибами в закамских лесах. Нечто искустительное и заманчивое представлялось мне при этом... Потому то, верно, и не пришлось выполнить преднамереваемое. Не знаю, что было поводом к тому, что я передумал. Может быть, в последних числах полученное из почты объявление на 15 рублей. Думаю, что это было 26-го числа. 27-го я ходил на почту, но выдачи не было, ради почтового что ли, или табельного дня. Это меня раздосадовало. Назавтра воскресенье, — следовательно, выдачи нет опять. А там, в понедельник, — праздник Петра и Павла. Горе такое, что и сказать нельзя. Нас, кажется, уже распустили. В воскресенье вечером ходили на дом к Засухину, который будто бы обещался нарочно прийти для выдачи в контору, но от него слышали одно только слово: к у т е х л е б ы ... Впрочем, нас заверили, что завтра, несмотря на праздник, он будет в конторе перед обедней. Целое утро толклись мы там в томительном ожидании. Дождались гнуса, но денег все-таки не получили. Сам Вас[илий] Гр[игорьевич] бессмертный вступал в состязание с недобрым помощником почтмейстерским, но тем только более раздражил его. С отчаянием в душе возвратились мы (человек семь) восвояси с пустыми руками и с грязными, по колено, ногами. С горя ходил в церковь на конец обедни и утешился несколько, услышав из чтенного на молебне Евангелия, что апостольское терпение также искушалось, как и наше. Наконец, 30-го числа, во вторник, ненавистные Засухину «кутейники» имели блаженство получить от него свои деньги. Десять рублей были присланы мне, пять — Хаймину. Недолго думая, мы с ним и Сотниковым положили ехать на так называемых переменных, чтоб испытать сладость быстрой езды, а главное, чтобы скорее приехать домой. Около вечере, наделенные от Анны Алексеевны черствою шаньгой, мы веселейшим образом оставили Пермь и помчались в свою милую Сибирь.

Почтовое отделение.
Почтальон. Фотография
и почтовая открытка
кон. XIX — нач. XX вв.

ИЮЛЬ

Мы знали, что от Перми до Шадринска можно поспеть в трое суток... Именно сего самого добивались и мы. К посрамлению фанфаронства нашего, мы прежде всего задержаны были почему-то в Кунгуре, а потом и еще встречали кое-где в дороге затруднения, так что ехали до Екатеринбурга ровно трое суток с половиною. Прибыли в город около полночи. Извозчик привез прямо к дому о.Николая. Мы принялись стучать в ворота, но в доме спали все так крепко, что начали терять всякую надежду. Извозчик, наскучив ждать, преспокойно выложил на дорогу наши пожитки и — уехал... разбойник! Собака, раздраженная нашим стуком и говором, подняла такой вой, что наконец кто-то в доме проснулся и открыл нам ворота. Только что мы успели сложить на крыльцо чемоданы и подушки и вышли еще за кой-чем остальным на улицу, ворота затворились и собаку спустили с цепи... Ну — так! Бродя и зевая, дождались мы свету Божьего и солнышка красного, пока снова нас впустили в ограду. Смех и горе! Целый день тот мы искали подводы и, кажется, не нашли.

На стр. справа:
Шадринск. Фото
Э.В. Кутыгина. 2012 г.

На другой день сыскались две подводы, на которых шадринский какой-то мужичок привозил в Екатеринбург для продажи сухую рыбу. Уже нерано после обеда мы имели удовольствие (5-го числа) выехать из города далее, по родному пути. На следующий день, в послеобеденную пору, давали лошадям и себе отдых в селе Покровском, у священника Максимова, отца бывшего некогда моим товарищем Андрея Максимова — бегуна и драчуна. Мы нашли почтенного старца в избе, на полу, в одной рубаше, починивающего хомут. Принял нас прехолодно, не вставая из-за своей работы. Характер грубый, взгляд мрачный. Таков был, помню, и сын его. Рассердившись однажды на своего товарища (по фамилии, кажется, Белоусова), этот достойный батюшки сын засунул бедняку в ребро перочинный ножик!! — Ночевали где-то в стороне от большой дороги, впрочем, верно не знаю. На завтра, 7 июля, обедали в Далматове, у Варвары Савишны. Мои спутники, кажется, ходили к о. протопопу, помню, что они принаряжались. Кажется, протопоп и дал им для чтения два номера журнала «Телескоп»... Еще помню, как мы веселехонько катились большою дорогою и как где-то в леску останавливались для отдыха, причем спутники мои читали журнал, а я себе зевал на телеге. Учености и литературы я тогда не жаловал. Ночевать прибыли, вероятно, в Шадринск.

Полагаю, что 8-го числа, во время вечерни, я узрел свою Батурину и был принят в ней без особенного радушия... Когда же узнали, что я от Перми до Екатеринбурга ехал на переменных и издержал 13 рублей, вследствие чего задолжался о. Николаю, а приехал все-таки не рано, то и вовсе Андрею не стало чести... Так и быть. Наш капризный недоуч со временем припомнит это, и когда будут истаивать, ожидая его, он пришлет вместо себя «один свой зимний чехол». Никаких обстоятельств этой крошечной вакации не припомню. Знаю, что братец также приезжал из Тобольска, но чем мы занимались с ним, — знать не знаю. Кажется, в эту вакацию он занимался в прогулках наших больше Хайминым, нежели мною, что также не укрылось от моей ревности.

Числа 20-го, полагать надобно, я отставил Батурину и снова потащился по бедственной протяге в горемычную Пермь, где прежде всего ожидало меня несносное повторение, а потом грозил экзамен. Вероятно, из Батурины отправились тем же обществом, каким прибыли в нее. Впрочем, не ручаюсь за это. Вооб-

ще, память не представляет мне ни одного факта из этой поездки. Из Екатеринбурга наняли мы взять себя до Перми кунгурского мещанина, у которого в доме и обрели себя накануне первого Спаса. Помню, немедленно приготовлена была для нас баня, после которой мы лакомились покупными пельменями.

*Вид г. Шадринска.
Фото нач. XX в.*

АВГУСТ

Одид к утрени и почудился кунгурскому обыкновению давать священнику и диакону деньги при хождении их по церкви с кадилом и свечой. Был потом на обедне и участвовал в крестном ходу на Сылву (а может быть, и Ирень). Возвратившись на квартиру, пили чай и обедали бесплатно. Таковую почесть оказал нам хозяин. Однако ж, несмотря на то, мы не совестились красть у него с дерева черемуху... Кажется, от Кунгура до Перми мы ехали уже с другим извозчиком. Прибыли в Пермь, конечно, 3-го числа сего месяца.

Немедленно началось повторение — самое жесткое из всех предметов — и длилось в течение всего августа.

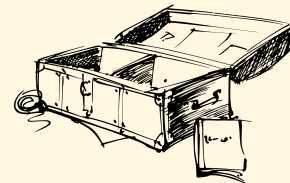
Из посторонних обстоятельств этого времени памятно мне следующее.

1. Нашему благоговейно чтимому архипастырю выслали награду — орден Святой Анны I степени (впрочем, это могло быть еще и летом до вакации), но вместе с тем объявили перевод на Иркутскую архиепископию. Сердечно все сожалели об этом. Помню, как мы любопытствовали увидеть нового архиепископа в служении, полагая, что на митре его увидим крест... Помню,

как протодиакон, вышед с Евангелием, возгласил «Благослови, Высокопреосвященнейший Владыко...», за что тотчас же получил от архиерея выговор.

2. Однажды ночью, когда преспокойно спали на сеннике, что ли, в комнате нашей произошел случай... Вставши утром и пришед в комнату, мы прежде всего нашли, что наши картузы все побросаны на печку, кое-что разбросано по полу... Осмотревшись более, я не нашел своего зеленого сундучка и восплакался о нем горько. Вскоре потом он найден был разломанный в огороде за банею. Вор очень немногим поживился. Сундучок был решительно пустой. Чувствительнейшая потеря для меня заключалась в книге «Ciceronis de officiis». Дня через два потом полиция сделала запрос в семинарию, нет ли в таковой ученика Андрея Капустина и не потерял ли он чего-нибудь. Явившись в полицию, я получил свою книгу и, кроме того, еще мот ниток. То и другое отнято было одним чиновником ночью у какого-то солдата или кантониста. Что всего дороже для меня было, так это спасение маленького деревянного ящичка, сделанного в виде книжки и подаренного мне либо Ксенофонтом, либо Николой.

3. Также ночью однажды некий герой, из наших же братьев, перебил стекла во всех домах Монастырской улицы, начав с угольного дома, от Медведки, и окончивши Олонцовским домом. Кажется, это было на 19 августа. Это похождение имело автором своим богослова Григория Кашина, жившего в Олонцовском доме и после какой-то полунощной победы возвращавшегося домой в особенном кураже... Анна Алексеевна страшно расшумелась у своего разбитого окна, призывала небо и землю на главу дебошира и басурмана, хотела даже призвать полицию, да вспомнила, что у ней есть две дочери-барышни и убоилась какой-нибудь истории... Когда потом сидели мы в классе, торжественно растворяется дверь, входят инспектор с Швецовым и последний требует выдать ему или наказать обидчика его чести (у Швецова тоже была дочь Дарка, которая после того вскоре занялась неприличным девице промыслом...). Инспектор говорит: «Что ж? я не знаю, кто это такой. Вот смотри всех их и угадывай». Тут кто-то с задних парт шепнул довольно гласно: «Кашин»... Это слово дошло до слуха Швецова, и он благим матом заревел: «Кашин! Кашин! Вот я его...» Дело в том, что Кашин был нестерпимый человек и давно стоил ходить под ружьем. — Его потом немедленно исключили.

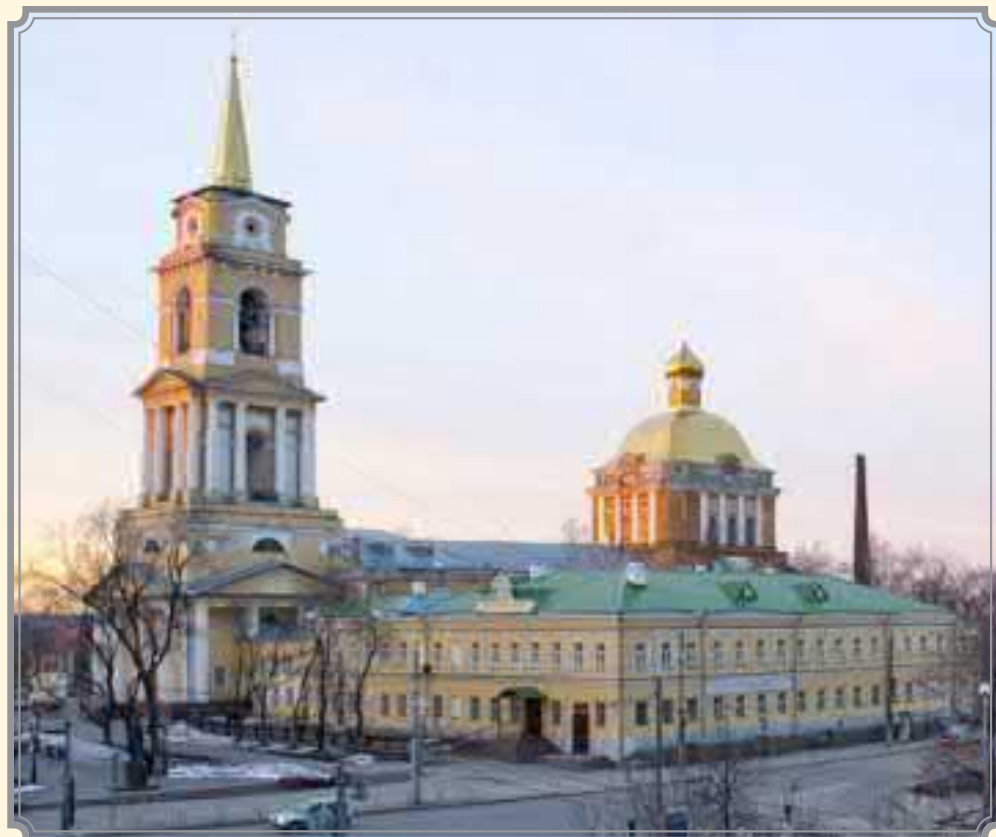
СЕНТЯБРЬ

Первое, что нас занимало с началом этого месяца, это весьма опасная болезнь нашего любезного о. ректора. Не знаю, чем он был болен. Пантуев сказывал, что он часто был в беспамятстве и в этом состоянии иногда высказывал жалобы на то, что он пошел в монахи. Алеша и еще кое-что прибавлял к этому, но верить татарину не всякий был склонен. 3 августа, рано утром, Захар Петрович, возвратившись с звероловства, сказал нам, что какой-то архимандрит помер... Пришедши потом в класс, мы не нашли там ни профессора, ни учеников... Человек 5 или 6 сидели и играли в большие короли. Прочие рады были случаю выдумать себе праздник и разошлись, кто куда хотел. Перед обедней резкие удары бурла возвестили Перми, что у семинарии не стало ректора. Вероятно, на следующий же день и хоронили усопшего. Архиерей служил обедню, Василий Петр[ович] говорил проповедь из текста: «Блаженны мертвые, умирающие о Господе...» Погребли за алтарем Кафедрального собора.

Вероятно, до 8-го числа, а может быть, и далее, у нас происходил экзамен, о котором память решительно не знает ничего. Если и точно он был, то надобно думать был самый слабый и беспорядочный. Учеников занимало более другое обстоятельство —

Пермь. Кафедральный собор. Почтовая карточка. Кон. XIX в.

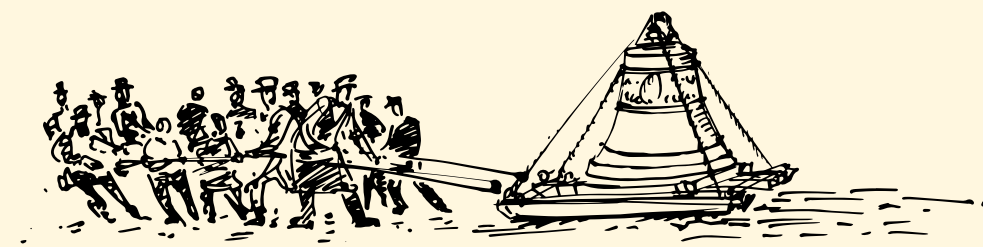

Пермь. Здание
Спасо-Преображенского
кафедрального собора.
В настоящее время
здесь размещена Перм-
ская художественная
галерея. Фото 2014 г.

поднятие колоколов на новую колокольню. Немало было к этому приготовлений. Для нашей деревенщины казалось, не только весьма трудным, но и просто невозможным перетащить бурло от старой колокольни к новой. Мы полагали, что нет во всем мире другой, подобной ему тяжести. Однако наступающие праздники (6-е число — воскресенье, 8-е — Рождество Богородицы и 9-е — царский день) заставили отложить это дело. Вечером 8-го числа уже совсем хотели было спускать колокола, да услышали, что новый архиерей близко, и потому остановились, чтобы иметь возможность встретить его со звоном. Ночью, без шума, тихомолком приехал он. Перед обедней нам объявили, чтобы мы выстроились рядами по обеим сторонам дорожки, от Крестовой к собору. Так мы и сделали. Я усиливался представить себе лик нового архиерея и чудился, что этого нельзя сделать... Явился он совсем не таким, каким рисовало воображение. Я разочаровался... За ним шел в церковь прежний преосвященный, на которого так мало уже обращали внимание. Новый служил, старый стоял в алтаре и на молебен, кажется, не выходил. После обеда зараз зеваки — наша братья — шмыгнули на позорище... Вскоре

народу собралось несметное множество. Стали спускать бурло. Душа едва держалась в теле, я думал, что оно упадет и насквозь пробьет мать сырую землю. Ничего не бывало. Оно преспокойно себе спустилось и село на приготовленный для этого рундук, под который подделаны были колокольные сани. Народ запрягся и ждал первомастерова мановения для того, чтобы (по моему мнению) лечь мертвому от бесполезной натуги. Оба архиерея стояли в окне и смотрели на нас (!). Я смотрел на них и чуть не плакал, сравнивая их одного с другим... Это было все равно, что смотреть на яблоко и на репу... Господи! прости детскому чувству.

«Ну! народ православный! Господи благослови!» Вот мы дружно рванулись, и — бурло пошло за нами, как немножко упрямый теленок на привязи. Через несколько минут оно было всташено уже в новую колокольню. Наступило самое торжественное время. Нужно было всташить 500 пудовую массу на высоту 25 сажен. Со всех четырех сторон колокольни из верхнего слуха протянуты были канаты. Я ухватился за южный... В самое важное время один из канатов оборвался... Этим начались помехи. Сколько ни трудились, ничего не сделали и, к великому прискорбию моему, оставили колокол ночевать на полу. Все-му неуспеху причиною был полиелей (колокол же) оставшийся пока на старосельи и которым условились подавать сигнал к начатию и прекращению совокупного действия... От досады или от скорби по товарище этот сигналист именно тогда издавал звук, когда его было не нужно, и тем производил всеобщее замешательство. Назавтра ошибка была поправлена. Сигнал давали предварительно поднятым маленьким колоколом, в который звонили во все время, как нужно было поднимать. Дело пошло успешно, и вскоре пермяне имели удовольствие услышать голос любимца своего в высоте небесной. От радости целый день звонили.

11-го или 12-го числа был у нас публичный экзамен. Производили его уже в новой семинарии в одной из двух больших (именно левой, под будущей словесностью) комнате нижнего этажа. Оба архиерея присутствовали. У преосвященного Мелетия на кавалерии блеснул магистерский крест. У преосвященного Аркадия — вероятно, был скрыт под кавалерией... Наш лектор и богословский Primus говорил им речь, весьма трогательную. Было это все после обеда и, вероятно, не без публики, по крайней мере, уж верно были и Шварев, и Швецов, и, может быть, сам лев того времени, известный под именем «Хрустальной шейки», знавший «не хуже нас» все наши «силлогизмы»...¹.

14-го числа оба преосвященные служили, Мелетий в соборе, Аркадий — в Крестовой. В последний раз преосвященный Мелетий благословлял свою бывшую паству. На завтра мы вызваны были из класса проводить его. В тяжелую погоду, под мелким дождем, выехал он от нас и покатился в далекую Сибирь. Святой и праведный человек этот оставил не совсем приятную память по себе в епархии. При нем был разбор духовных, вследствие коего многие дьячки и пономари и другие безместные клирики отданы в военную службу. Пред ним все благоговели от мала до велика. Глубокого и проницательного взора его и безмятежно и бесстрастно спокойного вида боялось всякое лукавство и нечистосердечие. Вечный покой праведной душе его! Я слушал довольно занимательную характеристику архиереев пермских, вымудренную духовенством тамошним. Вот она:

*Иоанн был постоянен.
Августин все распустил
Дионисий всех повысил
Мелетий привез плети.
Аркадий все изгадил.*

Отзыв о последнем имеет в виду то обстоятельство, что преосвященный Аркадий из всей России требовал в свою епархию духовных для замещения праздных вакансий. Нашим старожилам это весьма не понравилось. Более холодные к этому делу вместо последнего стиха говорят другое, а именно: «Аркадий все уладил».

По отбытии преосвященного Мелетия, кончились все экстренности быта нашего. Мы начали серьезным образом учиться. Ходили в класс по-прежнему в старую семинарию.

¹ То есть - силлогизмы (умозаключения, состоящие из двух суждений (посылок), из которых следует третье суждение — заключение, вывод). Здесь: намеренное искажение, семинарский каламбур. — Ред.

Первым епископом Пермским и Екатеринбургским был назначен Иоанн (Островский). Епископская хиротония состоялась 5 февраля 1800 г. Преосвященный Иоанн деятельно занялся устройством епархии, успел открыть семинарию, но 24 декабря 1801 г. скончался.

20 января 1802 г. на Пермскую кафедру был назначен епископ Иустин (Вишневский). При нем в Перми был выстроен новый кафедральный собор, официально учрежден Ново-Тихвинский женский монастырь в Екатеринбургe, открыто духовное училище при Далматовском Успенском монастыре. Особо большое внимание преосвященный Иустин уделял открытой в 1800 г. семинарии. <...> Скончался епископ Иустин 31 января 1826 г.

После отрешения от кафедры епископа Дионисия (Цветаева), при котором в епархии получили распространение незаслуженные повышения духовенства, в Пермь был назначен епископ Чигиринский, викарий Киевской епархии Мелетий (Леонтович). Новый владыка, прибывший в Пермь 8 июля 1828 г., оказался полной противоположностью своему предшественнику. Последовали не просто наказания черными трудами и штрафами, но даже исключения из сословия провинившихся клириков: «особенно преследовал он пьянство среди духовных лиц. Исключенным за этот порок семинаристам и не имевшим стихарей псаломщикам он грозил обыкновенно военной службой, а свя-

шенноцерковнослужителям — отдачей в монастырь в черные труды — и нередко приводил свои угрозы в исполнение». «Кстати» пришлось на этот период и последний военный разбор духовенства. Несмотря на всю суровость епископа, он пользовался уважением, поскольку и сам вел очень строгую жизнь, к тому же его отношение нельзя было назвать предвзятым: он наказывал тех, кто действительно этого заслуживал. <...>

Следующим Пермским преосвященным стал епископ Аркадий (Григорий Федорович Федоров), переведенный в Пермь из Оренбурга 8 августа 1831 г. <...> При нем открылось Екатеринбургское викариатство в составе Пермской епархии, причем целью создания викариатства была миссионерская деятельность. В 1833 г. в связи с назначением викария в Екатеринбург преосвященный Аркадий был возведен в сан архиепископа с титулом Пермский и Верхотурский. <...> Вот как характеризовал архиерея пермский краевед Дмитриев: «Заканчивая здесь обзор деятельности, считаем нужным отметить в преосвященном и некоторые недостатки. Во-первых, излишнюю привязанность его к священникам — пришельцам из родной его Владимирской епархии, и во-вторых, недостаточное уважение его к продолжительным трудам некоторых местных духовных лиц. Первое качество особенно не нравилось местному духовенству, справедливо обижавшемуся на это предпочтение пришельца туземцу. <...> 29 марта 1851 г. был переведен на Олонецкую кафедру¹.

¹ История Екатеринбургской епархии. Екатеринбург: Сократ, 2010. С. 233–240.

КАТАЛОГ ЧИТАННЫХ МНОЮ
РОМАНИЧЕСКИХ КНИГ

РУССКИХ

Стрельцы. Соч[инение] Констант[ина] Массальского.
Юрий Милославский. Соч. Михаила Загоскина.
Дочь купца Жолобова. Соч. И. Калашникова.
Шемякин суд. Соч. Павла Свиньина.
Самозванец. Соч. Фаддея Булгарина.
Иван Выжигин. Соч. Фаддея Булгарина.
Товарищи черной Шамо. Соч. актера Баранова.
Бурсак. Соч. Василия Нарезного.
Сочинения Булгарина.
Кот Бурмосеко. Соч. Василия Ушакова.

ИНОСТРАННЫХ

Рассказчик. Изд[ание] Николая Греча.
Отчужденная. Соч[инение] NN. *NB*
Кардинал Ришелье. Соч. NN.
Ивангое.
Коннетабль Честерский. Соч. Вальтер-Скотта.
Единбургская темница. Соч. Вальтер-Скотта.
Природа и любовь. *NB*
Германцы.
Вальтер. Соч. Августа ла Фонтеня.
Живописная картина с[емейственной] ж[изни]. Соч. А[вгуста]
ла Фонтеня.
Семейство лесничего. Соч. Августа ла Фонтеня.
Пустынник таинственной гробницы.
Источник Св. Екатерины. Соч. Дюкре-дю-Миниля.
Сироты. Соч. Дюкре-дю-Миниля.
Полночный колокол. *NB*
Жена разбойника.
Лангерусской разбойник.
Саксонский разбойник.
Глориозо.
Сен-Клерское аббатство.

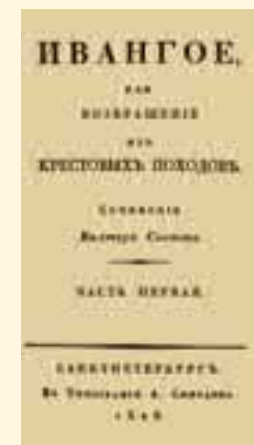
Дети Донредского аббатства. Соч. Марии Реджины Рош.
Таинственная монахиня.
Привидение в И. Замке.
Ужасные происшествия.
Рыцарь Бенно. Соч. Шписса.
Рыцарь Льва. Соч. Шписса.
Граф Розенгайн. Соч. Августа ла Фонтеня.
Страдания Ортенберговой фамилии. Соч. Августа
Коцебу.

Вальтер Монбари.
Г[осподи]н Бот. Соч. Пиго ле Бреня.
Валентин. Соч. Пиго ле Бреня.
Целина, иль Дитя тайны.
Ельмонда, иль Дочь гостинницы.
Нарциза, иль Дочь несчастья.
Алексис, иль Домик в лесу.
Виктор, иль Дитя в лесу.
Развалины деревушки при Темзе.
Лолотта и Фанфан.

Дюкре-дю-Мениля *NB*

Сен-Жульен.
Мальчик у ручья.
Британский принц.
Монах.
Гробница.
Таинства черной башни.
Таинственный Карло. Вальтер-Скотта.
Плацид.

Радклиф *NB*

СЕНТЯБРЬ 1832 г.

Второй курс

Андрей Капустин, имевший тогда от роду 15 лет и несколько дней, за малолетством оставленный на второй курс в словесности, в числе других 9 человек, — белокуро-кудрявый, длиннолицый, сгорбленный, гнусаво-голосый, тихий, застенчивый, боязливый, неряховатый, забывчивый, неловкий, рассеянный, набожный и еще слабый душой и телом...

Был болен простудною лихорадкою. Лежал в старой семинарской больнице <...> в левой комнате с прихода от дороги. Лекарем был любезный старичок Феодор Христофорович Граль. Койка моя была за печкой. Со мною вместе лежал Михаил Ив[анович] Мутин. Помню, приходил посетить меня Стефан Васильевич Капустин, только что произведенный во священника или еще диакона. Что-то при этом приходит на мысль Александр Вас[ильевич] Преображенский, живший у о. Симеона. Вероятно,

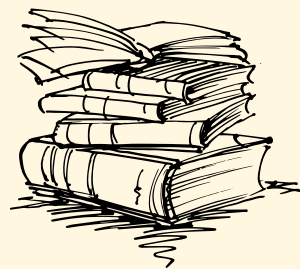
На стр. слева:
Крылов Никифор Степанович. «Спящий мальчик (портрет Тыранова)». 1824 г.

и он также или лежал тогда со мною в больнице, или приходил ко мне. Не памятно, чтобы что-нибудь даваемо или приносимо мне было с квартиры. По выходе из больницы, за отсутствием еще неявившегося с вакации первого ученика Стефана Карпинского, несколько дней первенствовал я и чувствовал себя не на месте. На мне был тогда братцев старый черный демика-тоновый сертук и коричневые брюки. Сидел я обыкновенно закрывшись локтем от Чебышева, в мнении коего я едва ли значил более «0». И, точно, был еще зело глуп.

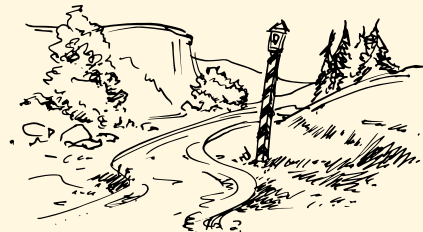
Σχολία
Комментарий

Называя себя глупым, Андрей Капустин, конечно, несколько преувеличивал. Духовную семинарию он окончит первым и будет направлен как лучший ученик для продолжения образования в Киевскую духовную академию. Затем — магистр богословия, бакалавр, член-корреспондент Киевской, Санкт-Петербургской и Московской духовных академий, член Афинского археологического общества, Одесского общества истории и древностей, Московского общества любителей духовного просвещения, Немецкого восточного археологического общества, Киевского церковно-археологического общества, почетный член Императорского Русского археологического общества, Императорского Православного Палестинского общества и др.

Любовь к истории, начавшаяся с юного возраста — времени учебы в Далматово и Перми, — принесла сторичный плод. Даже подводя в дневнике итог семинарскому периоду своей жизни, о. Антонин использовал историческую аналогию — уподобил его древнему царству.

Архимандрит
Антонин (Капустин).
Фото 50-х гг. XIX в.

1835 год

СЕНТЯБРЬ

5. Четверток. Жизнь моя точь-точь древнее государство Римское. Среди бедствий и злополучий в нем мелькали иногда годы счастливые, мелькали среди царей и императоров безумных, развратных, жестоких, и мудрые и добрые повелители, умные и опытные царствоправители, иногда великая монархия наслаждалась миром и тишиной. Я — Рим, жизнь моя — жизнь Рима! В начале существования его в нем были цари, монархи, управлявшие всем государственным телом монархически, самовластно, непосредственно, — потом Рим был корабль, блуждающий среди множества волн, одна другой сильнейших, одна другой жесточайших, наконец опять водворилось единовластие, необходимое единовластие, и опять раздробилось, доколе совсем не рушилось в Римское цветущее, сильное государство, и доколе не воссел на престоле, бывало повелевавшем всей вселенной, честолюбивый служитель алтаря, недостойный наместник Верховного Апостола!.. И все это

есть применение к моей жизни! В лета младенчества управляло мною, действовала во мне одна беспечность, безотчетная любовь к святой родине, отцу-матери, родным тебе, занимало всю мою душу и всецело, нераздробленно, управляла моими поступками! Настал период жизни буйный, порывистый, ветренный, резвый, безумный, смелый и проч. Постоянный предмет моей привязанности — родное — изменился. Подстрекаемый суетою и не наставленный опытом, опытом верным, точным, долговременным, я кидался от предмета к предмету и потерял старинную милую простоту и неукоризненную беспечность моего духа и сердца: среди гор и пропастей я гнулся, полз, скользил, но не падал. Одна рука (не зная сама о том) схватила и вытащила меня на столбовой тракт, и настал новый период!! Эпоха важная! Снова настала монархия, но монархия суровая, приятная, беспокойная, злодейская. Роль Августовских времен играл 1834-й год.

*Год мгновенный, мимолетный,
Дар Зиждителя заветный —*

Дар моей жизни! Он отпрянул, и монархия в продолжение несколько времени превращалась то в деспотию, то в демократию, то даже в анархию... Целый год моей жизни длились эти мятежи, наконец в лице двух Антонинов оживился снова золотой век Августов. Вчерашний и нынешний день перенесли меня совершенно в незабвенные дни — и успокоили.

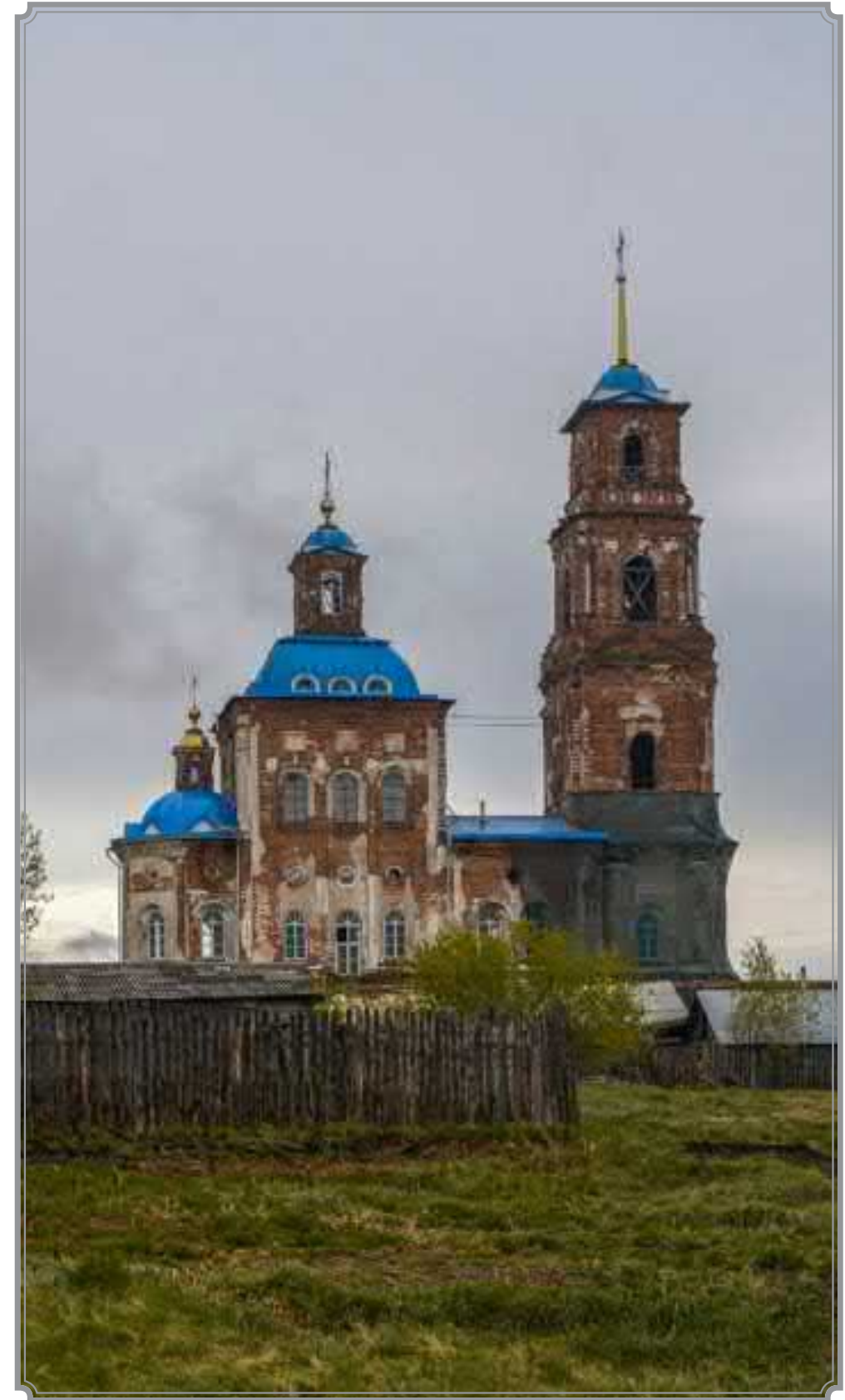
*Одна рука (не зная сама о том)
схватила и вытащила меня
на столбовой тракт, и настал
новый период!! Эпоха важная!*

Иванов Александр Андреевич.
«Аппиева дорога при закате
солнца». 1845 г.

Послесловие

Испытание своей совестью, оценка мыслей, желаний и поступков, видение благотворного действия Промысла Божия в своей судьбе было характерно для о. Антонина на протяжении всей его жизни. Но этот краеугольный камень упования на Бога и благодарения Ему за все многообразные превратности жития был заложен Андреем Капустиным уже в юности, во время учебы в семинарии.

«Однажды, — писал он в зрелом возрасте, — мне довелось услышать запавшее в мою душу признание: “Когда мне удалась, — говорил некто негде в высоком самодовольстве, — та трудная спекуляция, я не знал, что подумать о себе”. Мне можно было только слушать подобную речь. Ни отвечать, ни делать на нее замечание я не имел права. Но тот, к кому относился с своим словом испытанный удачу, весьма бы мог заметить собеседнику, что напрасно он затруднялся придумывать, что ему весьма легко было исполнить свой долг перед собою после удачи, — забыв себя и отнесшись с хвalebным словом исключительно к подателю удачи. В обыденном взгляде на жизнь случаю отводится обширная область; в философии жизни она значительно сокращается; а философия веры отказывается признавать ее. Для доброго христианина всякая удача и неудача жизни есть вместе, и урок вседетельного промысла Божьего — засвидетельствование неложности и непреложности обетования Господа — быть с нами во вся дни до скончания века. Случай ли это, например, расчет ли, венчаемый успехом, когда видишь одно за другим выполняющимися самые глубокие, самые сладкие, самые пламенные желания души? В условиях места и положения, какими обстанав-

*Спасо-Преображенский
храм в с. Батурином.
Фото О. А. Серебрен-
никова. 2016 г.*

*Иерусалим. Гора
Елеон. Храмы в честь
св. равноапостольной
Марии Магдалины
и Вознесения Господня
на русских участках,
приобретенных
архимандритом
Антонином
(Капустиным).
Открытка
нач. XX в.*

ливается детство человека, часто нельзя отыскать ни малейшего намека на его будущее. Все там влечет взор его в одну известную, определенную сторону, а между тем душа смотрит инуды. Дремучие леса и шестимесячные снега — его привычная, неизменная панорама — закрываются перед ним малою и грубо начертанною картиною Печерской Лавры, занесенною на дальний север каким-то поклонником. Другой поклонник, грея свои трудные кости на полатах, рассказывает ему про теплынь киевскую, про чернослив и грецкие орехи, спеющие под открытым небом и растущие по дорогам, и, заманив его детский вкус, развивает перед ним картину чудес Божиих, переполняющих святое место, живописав перед ним и Сампсона, раздирающего пасть львови, и потерянный ход подземный из пещер до Царя-града... После того что уже не говори будущему страннику, куда не направляй его мысль и взор, ему все видится Киев с его дивною святынею, пленительною древностью, теплым воздухом и светлым небом. Что же далее? Непредвиденно, неожиданно, даже вопреки его собственной воле, каким-то необъяснимым дуновением какого-то незримого ветра он вдруг переносится действительно туда, откуда тайный зов слышался ему издавна, из детства. Удача. Довольно ли ее? Нет. Киевлянину стало припоминаться, что в то время еще, когда он думал о Киеве как о счастии другого мира, ему казалось, что за печерскою картинкою скрывается другая, и не одна, — далее ее, лучше ее, таинственнее, — что Киев есть только перепутье в Иерусалим — в Рай. И точно. Скоро святыня первостольного города Руси стала казаться ему неполною, теплота — недостаточною, тысячелетняя древность — слишком свежою, князь Владимир — только отсветом царя Багрянородного. Душа пленилась уже другими образами. Несравненно светлейшие точки блестят ему — до ослепления — на темной перспективе будущего. В то же время жизнь слагается так, что взор мысленный невольно должен обращаться в другую сторону, где ничто не светит, кроме памяти о минувшей удаче и веры в лучшую будущую, — за гробом. И опять удалось! Повеяло с разных сторон и занесло обитую стезю, а небитая, и дотоле не зримая, вывела удивленного путника туда, куда только один сладкий сон мог, по-видимому, поставить его! Что это: удача случая или удача расчета? Просто — удача, — даяние Божие, и ничего более! В самом деле, мне кажется грешно не исповедовать милостей Божиих там, где они вопиют до того, что заглушают собою и голос скромности. И Царьград, и Иерусалим, и Фивы великие, стовратные, и Фивы седмивратные, и Афины славные, и вечный Рим, и столько других желанных мест я видел, перечувствовал сердцем, перемыслил умом. Удалось более, нежели сколько вместить мог»¹.

¹ Антонин (Капустин), архим. Заметки поклонника Святой Горы. М.: Индрик, 2013. С. 17–19.

В 2008 году по благословению преосвященнейшего Михаила, епископа Курганского и Шадринского, была создана Комиссия по канонизации Курганской епархии. Наиболее значительным ее деянием явилась подготовка, оформление и представление в Синодальную комиссию по канонизации святых материалов о почитании местночтимого святого преподобного Далмата Исетского, в результате чего на Архиерейском соборе в феврале 2013 года состоялось его общецерковное прославление.

В связи с преобразованием 5 мая 2015 г. Курганской епархии в Курганскую митрополию в составе двух самостоятельных епархий — Курганской и Шадринской и на основании решения архиерейского совещания Курганской митрополии от 29 июля 2015 г. создана единая комиссия по канонизации святых для обеих епархий Курганской митрополии, правопреемница Комиссии по канонизации Курганской епархии. Возглавляет указанную Комиссию с момента ее создания наместник Успенского Далматовского мужского монастыря игумен Варнава (Аверьянов).

Одним из направлений деятельности Комиссии является публикация в издательстве «БЕЛОЕ ГОРОДИЩЕ» Успенского Далматовского мужского монастыря материалов о местных подвижниках благочестия. Одним из таких подвижников является выдающийся создатель Русской Палестины, церковный деятель и дипломат, историк-византист, начальник Русской духовной миссии в Иерусалиме архимандрит Антонин (Капустин).

В монастырском музее Успенской Далматовской обители, в стенах которой будущий архимандрит Антонин в течение пяти лет (1825–1830 гг.) учился в Далматовском духовном училище и которой на смертном одре завещал свой наперсный крест, создана посвященная ему экспозиция. В 2015 году по благословению преосвященнейшего Владимира, епископа Шадринского и Далматовского, монастырскому музею присвоено имя архимандрита Антонина (Капустина), а на здании музея установлена мемориальная доска.

В мае 2016 года в г. Далматове состоялась Всероссийская научная конференция «От Зауралья до Иерусалима: личность, труды и эпоха архимандрита Антонина (Капустина)», посвященная 200-летию Далматовского духовного училища и 200-летию со дня рождения архимандрита Антонина (Капустина). Очередной публикацией издательства «БЕЛОЕ ГОРОДИЩЕ» стал сборник материалов конференции.

Книга «Стопами отца Антонина: от Батурино до Перми. Путешествия и приключения семинариста Андрея Капустина во время его жительства в Сибири (1817–1836 гг.)» является продолжением программы издательства «БЕЛОЕ ГОРОДИЩЕ».

Адрес Комиссии по канонизации святых Курганской митрополии:
641730, Россия, Курганская область, г. Далматово, ул. Советская, 194,
Успенский Далматовский мужской монастырь.
E-mail: agioi-zaural@mail.ru
Сайт: agioi-zaural.ru

Выражаем благодарность за помощь в издании книги:

начальнику Управления по печати, средствам массовой информации и архивному делу Курганской области
Сергею Александровичу Мелехову

генеральному директору ООО «Научно-издательский центр “ИНДРИК”»
Кириллу Алексеевичу Ваху (г. Москва)

преподавателю Екатеринбургской духовной семинарии
иерею Иоанну Никулину и студентам ЕДС

фотографу Эдуарду Валерьевичу Кутыгину (г. Шадринск)

краеведу, представителю рода Капустиных
Николаю Ивановичу Сергееву (г. Пермь)

главному хранителю
Шадринского краеведческого музея им. В.П. Бирюкова
Татьяне Николаевне Захаровой

директору группы компаний «JETERNEL»
Александрю Федоровичу Байбуруну (г. Челябинск)

директору Федеральной риэлтерской компании
«ЭТАЖИ-КРАСНОДАР»
Вадиму Варисовичу Камалову (г. Краснодар)

директору Федеральной риэлтерской компании
«ЭТАЖИ-ХАНТЫ-МАНСИЙСК»
Сергею Юрьевичу Косых (г. Ханты-Мансийск)

генеральному директору
ООО «ПРОМЫШЛЕННАЯ КОМПЛЕКТАЦИЯ»
Алексею Владимировичу Шепелевичу (г. Челябинск)

генеральному директору ООО ТД «АСБ»
Александрю Владимировичу Богрянцеву (г. Челябинск)

директору ООО «Сидекс»
Александрю Михайловичу Леонову (г. Курган)

индивидуальному предпринимателю
Сергею Геннадьевичу Малышеву (г. Екатеринбург)

индивидуальному предпринимателю
Олегу Викторовичу Чепурных (г. Челябинск)

Наталье Анатольевне Кадыровой
(г. Новый Уренгой)

Алле и Людмиле

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово	15
Учеба в Далматовском духовном училище. 1825–1830 гг.	47
Август. 1830 года	51
Осень	65
Сентябрь	66
Октябрь	98
Ноябрь	112
Декабрь	120
Новый 1831-й от Рождества Христова год	125
Генварь	126

Февраль	129
Март	142
Апрель	144
Май	147
Июнь	151
Июль	156
Август	160
Сентябрь	162
Сентябрь. 1832 год	171
Сентябрь. 1835 год	174
Послесловие	178

Научно-популярное издание

**Стопами отца Антонина: от Батурино до Перми.
Путешествия и приключения
семинариста Андрея Капустина
во время его жительства в Сибири
(1817–1836 гг.).**

Составитель *игумен Варнава (Аверьянов)*

Ответственный за выпуск *игумен Варнава (Аверьянов)*

Обработка иллюстраций, компьютерная верстка,
дизайн *О.А. Серебренников*

Редактор и корректор *А.М. Бритвин*

Подписано в печать: 24.06.2017.

Формат 60×90/16. Бумага офсетная.

Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л.

Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано в ...

·БЕЛОС БРОДНИЦЕ·